

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019 – 4

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год

МОСКВА 2019

ББК 81
С 69

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор, *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук, заместитель главного редактора, *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук, ответственный секретарь, *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук, *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук, *В.Н. Желязкова* – д-р филологии, *Е.А. Казак* – канд. филол. наук, *И.В. Кангро* – д-р филологии, *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук, *Е.М. Миронеско-Белова* – д-р филологии, *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук, *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук, *В.А. Пищальникова* – д-р филол. наук, *В.А. Плузгян* – д-р филол. наук, *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук, *В.В. Потапов* – д-р филол. наук, *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук, *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук, *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: С 69 РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2019. – № 4. – 177 с.

В журнале представлены новые отечественные и зарубежные исследования, посвященные проблемам общего и сравнительно-исторического языкознания, теоретическим проблемам лингвистики, работы по фонетике и фонологии, морфологии и синтаксису, лексикологии и стилистике, по прикладному языкознанию, психолингвистике и социолингвистике.

ББК 81

ISSN 2219-8776

© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Теоретические проблемы и отдельные методы

- 2019.04.001. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология 6
- 2019.04.002. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь: (Европейская часть России): В 2 т. – Т. 1: От стимула к реакции 12

Психолингвистика

- 2019.04.003. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь: (Европейская часть России): В 2 т. – Т. 2: От реакции к стимулу 16

Социолингвистика

- 2019.04.004. Минасян А.А. Социолингвистика: Новые направления и тенденции в Европе 17
- 2019.04.005. Э.Б. Яковлева. Канадский акцент и канадская идентичность. (Обзор) 22

Прикладное языкознание. Перевод, переводоведение

- 2019.04.006. Международная научно-практическая конференция памяти Юрия Николаевича Марчука 33

Коммуникация. Дискурс. Речевые жанры

2019.04.007. Берестнев Г.И., Киреева Я.А. Язык и когнитивная структура профетических текстов: Античность и русское православие.	38
2019.04.008. Гусейнова И.А., Косиченко Е.Ф. Жанры, меняющие мир и нас: Тривиальный дискурс: Ретродетектив	45
2019.04.009. Л.Р. Комалова. Институциональный дискурс, сопровождающий миграционные процессы. (Обзор)	51
2019.04.010. Янг Р., Майлс С., Алабаш С. Атака со стороны анонима: Анализ содержания агрессивных сообщений, опубликованных в социальной сети, ответов жертв и комментариев очевидцев	60

Корпусная лингвистика

2019.04.011. Л.Р. Комалова. Корпусные исследования в лингвистике: Многоязычные корпусы. (Обзор)	64
---	----

Лингвистическая поэтика

2019.04.012. Грязнова А.Т. Лингвопоэтический анализ художественного текста: Подходы и направления	69
---	----

УРОВНИ ЯЗЫКА

Лексикология. Лексикография. Фразеология. Ономастика

2019.04.013. Е.П. Попова. Взаимодействие общеупотребительного и юридического языков: История, современность и перспективы	79
2019.04.014. Е.О. Опарина. Исследования фразеологии в когнитивно-дискурсивной парадигме. (Обзор)	96
2019.04.015. Л.Р. Комалова. Языковые последствия Брекзита. (Обзор)	105

Стилистика

2019.04.016. Борисова Е.Б. Художественный образ в параллельных текстах: Опыт общелингвистического анализа	113
2019.04.017. Е.О. Опарина. Язык и репрезентация знаний в художественных текстах. (Обзор)	119

КУЛЬТУРА РЕЧИ

2019.04.018. О.В. Чагина. Пищевые номинации как объект речевой культуры	127
2019.04.019. А.В. Величко. Русский язык наших дней и проблемы его нормализации	132

ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ

2019.04.020. Э.Б. Яковлева. О регионализмах в диахронии и синхронии. (Обзор)	140
--	-----

LINGUA-RETRO

2019.04.021. Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: Языковые последствия глобализации	148
2019.04.022. Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза: Институциональный, образовательный и экономический аспекты	157
2019.04.023. Пирогова Н.К. Консонантизм русского языка: (Фонемный состав, синтагматика, парадигматика): Монография	165
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА	169
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

2019.04.001. БАБУШКИН А.П., СТЕРНИН И.А. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СЕМАСИОЛОГИЯ. – Воронеж: Ритм, 2018. – 229 с.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; семасиология; семантика; семиотика.

Монография состоит из двух глав (глава 1 «Основные понятия когнитивного анализа», глава 2 «Из опыта когнитивно-семантического описания языковых явлений») и заключения.

Работа посвящена описанию одного из направлений лингвистики – семантико-коммуникативному подходу к явлениям языка.

В исследовании показано, как когнитивная лингвистика – наука о репрезентации и трансформации знаний в языке – и семасиология – раздел языкознания, изучающий смысловую сторону языка – связаны между собой и дополняют друг друга. В монографии рассматриваются теоретические проблемы обеих дисциплин, а также на конкретных примерах раскрываются различные аспекты взаимоотношений когнитивной лингвистики и семасиологии.

Рассматривается методика описания значений и концептов в плане их сходств и различий, обсуждается проблема существования концептов без их вербальной объективации, проблема сближения позиций когнитивной лингвистики и семасиологии.

К наиболее важным и теоретически значимым достижениям современной когнитивной лингвистики относятся разработка понятий «концепт» и «концептосфера», типология концептов по разным основаниям и установление того, что концепт не привязан к одному языковому знаку, он выражается совокупностью знаков, как

языковых, так и не языковых, через анализ которых исследователь может получить доступ к нему и моделировать (описать) его содержание.

Любой концепт функционирует как ментальная единица (единица мышления) в сознании людей, образующих то или иное национально-культурное сообщество, имея определенную для всех представителей этого сообщества общую часть, он включает и множество варьируемых признаков – социальных, групповых, индивидуальных.

Анализ семантики языковых знаков, объективирующих концепт (его номинативного поля) позволяет лингвистам внести значительный вклад в выявление и описание концептов сознания, что составляет сущность предлагаемого Воронежской теоретико-лингвистической школой семантико-когнитивного подхода в лингвистике.

Поскольку концепты, а с ними и концептосфера, постоянно развиваются, какие-то признаки они теряют, какие-то приобретают, какие-то видоизменяют и, чтобы получить через анализ языка более или менее полное представление о признаках концепта, входящего в концептосферу конкретного народа, целесообразно привлечь к исследованию не только лексикографические, но и психолингвистические методы, выявить психологически реальное наполнение концепта, включая его оценочное, эмоциональное, энциклопедическое содержание, отражаемое в том числе ассоциативными полями, а также фразеологией, поговорками и т.п.

На данном этапе проведенного исследования авторы определяют концепт как *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению.*

Совокупность общенародных концептов образует концептосферу народа.

Отсутствие в системе языка специального языкового знака для вербализации концепта не определяет его присутствие или от-

сутствие в сознании (концептосфере) человека, так как в сознании людей существует много невербализованных концептов. Причины вербализации / невербализации концепта – чисто коммуникативные (востребованность концепта для обмена информацией между говорящими).

Тем не менее изучение семантики языковых знаков позволяет получить доступ к концептосфере, так как эта семантика составляет значительную часть концептосферы народа, пользующегося системой знаков конкретного языка.

Развиваемая в монографии семантико-когнитивная концепция изучения языка базируется на изучении соотношения семантики языка с концептосферой народа, изучении соотношения семантических процессов с когнитивными.

Ту часть концептосферы, которая закреплена за знаками данного языка, авторы называют *семантическим пространством языка*.

Семантика языковых знаков, как теперь выясняется, недостаточно изучена традиционными лингвистическими методами. Кроме лексикографического значения, выявляется психологически реальное (психолингвистическое) значение, которое варьирует у разных групп людей, у отдельных личностей. По номинативной плотности и рекуррентности языковых средств, выражающих концепт, можно судить о его важности, актуальности и коммуникативной востребованности в том или ином обществе в тот или иной период времени.

Авторы предлагают также модель структуры концепта. Они полагают, что концепт имеет нежесткую структуру, соотносящуюся с полевой моделью, разработанной лингвистами на материале языковых средств. Иными словами, признаки концепта распределяются на ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. Когнитивные признаки, формирующие эту модель, могут различаться по уровню абстрагированности, быть более или менее конкретными, а по содержанию – образными, информационными и интерпретационными.

Согласно представлениям авторов, концепты и семемы языковых знаков постоянно взаимодействуют и «перетекают» в сознании человека друг в друга. В силу этого, изучив содержание семантики языковых знаков всего номинативного поля концепта, исследователь получает знания о большом количестве признаков концепта. Благодаря этому можно, с одной стороны, лучше понять

процессы семантических изменений в системе языка, а с другой – дать интересный и достоверный материал для историков, этнографов, культурологов и других представителей гуманитарных наук.

Само по себе слово «концепт» – это родовой, «зонтичный» термин, охватывающий ряд видовых ветвлений. В монографии представлена авторская типология концептов на фоне обзора уже имеющихся классификаций. В представленной типологии изучаемые структуры представления знаний различаются в зависимости от степени образности отражаемой ими информации: от представлений («мыслительных картинок») до концептов, по своему содержанию равным традиционно определенным понятиям. Тем самым «понятие о понятии» не аннулируется – ему отводится определенное место в рамках системы ментальных единиц сознания.

Авторы полагают, что важно обговорить существование не только лексически объективируемых концептов, но и фразеологически объективируемых концептов, поскольку по своей семантике фразеосочетания стремятся к формированию единого смыслового образа.

В монографии описана методика выявления концептов разных типов – от анализа словарных дефиниций, позволяющих определить вид того или иного концепта по набору сем, реализуемых в плане содержания слова, до экспериментальных методик, разработанных с той же целью.

Учитывая междисциплинарный характер когнитивной науки, авторы отмечают в монографии, что в языке объективируются многие аспекты когнитивной психологии, пожалуй одной из главных наук, стоявших у истоков когнитивистики. В работе авторы описывают язык как фиксатор уровня знаний человека об окружающем его мире и о самом себе, характеризуют языковое оформление восприятия, память в «зеркале языка», описывают ассоциативные связи, закрепляемые в именах и инонаименованиях объектов.

Рассматриваются и когнитивные аспекты семиотики: как языковой знак по-разному «петляет» действительность, отраженную в семантике языковых единиц.

Когнитивная лингвистика не чуждается и философских проблем языкознания. В данном случае одна из этих проблем очерчена исследованием о выходе сознания в «возможные миры». Предметом изучения не только лингвистики, но и модальной логики явля-

ется то, что с позиции когнитивной лингвистики, оказывается возможным и подойти к анализу юмора, особенно в тех случаях, когда вербализованные “сценарии” комических ситуаций также уходят за грани реального мира.

Развиваемый авторами семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях показывает, что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и надежным способом выявить основные признаки концептов и моделировать концепт как единицу концептосферы.

Представляется, что теоретическое значение когнитивной лингвистики на современном этапе развития научной мысли трудно переоценить. Несомненно, что когнитивная лингвистика – новый этап в исследовании такой важнейшей проблемы языкознания как *язык и мышление*, и именно когнитивная лингвистика вдохнула новую жизнь в эту проблему. Идеи и категориальный аппарат когнитивной лингвистики позволяют решить многие теоретические проблемы лингвистики, которые вызывали затруднения или имели противоречивые решения в докогнитивной лингвистике.

То, что когнитивные исследования, во многом приобретающие междисциплинарный характер, интересны и актуальны, сомнений нет. Они находятся в общем русле развития современной лингвистики – в направлении к антропоцентризму, проблеме изучения не столько языка как системы, сколько функционирующего, «зависящего от человека» языка. Но при этом важно четко разграничить предмет и методы лингвистики, когнитивной лингвистики, когнитологии и психолингвистики.

Лингвистика изучает системное устройство языка, она изучает, что в языке есть – какие существуют единицы, структуры, какие действуют тенденции развития.

Предмет когнитивной лингвистики – анализ концептов через семантическое пространство языка, т.е. семантику единиц, *репрезентирующих* в языке тот или иной концепт. Когнитивная лингвистика использует понятие *концепт* для ограничения исследуемого языкового материала, а также для раскрытия внутреннего единства и структурированности значительных участков лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, объединенных репрезентацией одного концепта в разных его ипостасях, а также для углубленного описания семантики языковых знаков.

Предмет когнитологии – моделирование концептов в сознании народов в целом, в сознании социальной, возрастной и т.д. группы. Когнитология – философско-психологическая, а не лингвистическая наука. Она может пользоваться (и на практике широко пользуется) результатами лингвистического анализа номинантов концепта.

Предмет психолингвистики – моделирование языка как феномена сознания, в том числе – моделирование значений слов как психолингвистической реальности. Психолингвистика вскрывает реальную психологическую структуру значений языковых единиц, позволяет экспериментальными методами описать реальную, а не придуманную лексикографами структуру значения. Психолингвистика дает больше информации о компонентах концептов, представленных в языковых единицах, нежели традиционная системная лингвистика или когнитивная лингвистика, так как позволяет своими методами выявить многие дополнительные признаки концептов, реализуемые в ассоциативных связях слова, выявляемые в специальных экспериментах.

Таким образом, лингвистика, когнитивная лингвистика и психолингвистика имеют каждая свой предмет исследования, но их методы и результаты могут быть использованы в когнитологии. Описание же структуры и содержания концептов как единиц мышления не является задачей этих наук, к тому же описание концептов, полученное методами любой из них, окажется неизбежно неполным, так как будет опираться только на оказавшийся доступным исследователю языковой или экспериментальный материал, а также не сможет в полной мере учесть индивидуальные компоненты концептов. Вместе с тем лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика вносят свой существенный вклад в изучение концептов национального сознания, так как вербализация концептов языковыми средствами – наиболее доступный путь к содержанию концепта. Важно только помнить, что эти науки вносят именно *вклад* в изучение концептов как единиц мышления, но не имеют концепты предметом своей науки.

Главным выводом из материала, представленного авторами в монографии, является вывод о том, что когнитивная лингвистика и семасиология дополняют и обогащают друг друга.

На данном этапе развития семантико-когнитивного анализа авторы увидели такие задачи дальнейших исследований:

1. Изучать все новые и новые участки семантического пространства языка и подвергать их когнитивной интерпретации.

2. Исследуя семантику языковых знаков (слов, фразеосочетаний, ассоциативных полей, структурных синтаксических схем), выяснять признаки каких концептов или их системных связей эти знаки отражают.

3. Установив наличие в изучаемой концептосфере определенных концептов, выяснить, какую роль эти концепты играют в системной организации языковых знаков и как они определяют особенности их функционирования в речи.

4. Определяя структуру и типы концептов по данным языка, моделировать эти концепты в рамках лингвоконцептологических исследований в интересах когнитивной науки.

5. Развивать психолингвистические исследования процессов концептуализации и категоризации, т.е. формирования концептосферы людей.

6. Выявлять национальную специфику концептов и концептосфер в целях оптимизации межкультурной коммуникации.

7. Углубленно описывать семантику языковых данных с применением когнитивных методов и приемов.

Развитие современной когнитивной лингвистики, как представляется авторам, во многом определит направления и методiku научных исследований нынешнего столетия.

Е.А. Казак

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

2019.04.002. УФИМЦЕВА Н.В., ЧЕРКАСОВА Г.А. РУССКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ: (Европейская часть России): В 2 т. – М.: Моск. междунар. академия, 2018. – Т. 1: От стимула к реакции. – 544 с.

Ключевые слова: ассоциативная лингвистика; ассоциативный словарь; ассоциативный эксперимент; ассоциативная вербальная сеть; ассоциативное поле; ассоциативный тезаурус; значимость / ценность элемента ассоциативно-вербальной сети;

слово-стимул; слово-реакция; языковое сознание; этнический менталитет.

Уфимцева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. сектором этнопсихолингвистики Ин-та языкознания РАН, специалист в области психолингвистики¹.

Черкасова Галина Александровна – специалист в области автоматизированных информационных систем и методов обработки лингвистических знаний².

Работа по составлению региональных ассоциативных словарей проводится в русле ассоциативной лингвистики, т.е. нового научного направления, обосновавшего и сформировавшего ассоциативный эксперимент – «новый инструмент исследования языка / культуры как феномена *языкового сознания* (курсив авт. – Н.Т.) носителя языка» (т. 1, с. 3).

Исследования преследовали цель смоделировать региональные особенности языкового сознания носителей русской культуры, в соответствии с чем в 2008 г. был составлен проект по созданию трех региональных баз ассоциативных данных (трех словарей): ЕВРАС (словаря, собираемого по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части России), СИБАС (аналогичный эксперимент проводился с жителями Сиби-

¹ Автор работ: Уфимцева Н.В. *Языковое сознание: Динамика и вариативность.* – Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/library/psylingva/Ufimtseva_Yazykovoe_soznanie.pdf; (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: Новые науки о человеке говорящем / Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.Ф. – М.: Гнозис, 2017. – 392 с.

² Автор работ: Черкасова Г.А. База данных «Языки мира» Института языкознания РАН и ее представление в Интернете // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології: MegaLing-2010. – Київ, 2011. – С. 196–205; Ярославцева Е.И., Зотова А.К., Черкасова Г.А. Информационный ресурс: «Компьютерная база данных «Языки мира»: Формально совпадающие классы явлений: (Универсалии, фреквенталии, раритари и уникалии) в семьях и группах языков. Славянские языки». [Электрон. ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <https://iling-ran.ru/main/scholars/cherkasova>; Ярославцева Е.И., Зотова А.К., Черкасова Г.А. Информационный ресурс: «Компьютерная база данных «Языки мира»: Формально совпадающие классы явлений: (Универсалии, фреквенталии, раритари и уникалии) в семьях и группах языков. Романские языки». [Электрон. ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <https://iling-ran.ru/main/scholars/cherkasova>

ри и Дальнего Востока) и УРАС (исследование проводилось с жителями Урала). Словари могут использоваться как самостоятельные базы данных и как общая база данных по всем регионам, так как материалы собирались по одному списку слов-стимулов и по единой технологии.

Настоящий словарь традиционно состоит из двух томов: Прямое ассоциативного словаря (от стимула к реакции) и Обратного ассоциативного словаря (от реакции к стимулу). Такая форма представления экспериментального материала позволяет исследовать содержание и структуру не только ассоциативного поля каждого слова-стимула, но и ассоциативно-вербальной сети в целом.

В предисловии к первому тому настоящего словаря указывается, что построение ассоциативно-вербальной сети по данным Русского ассоциативного словаря позволило впервые получить реальную модель языкового сознания, отвечающую системно-целостному принципу А.Ф. Лосева¹, исследовать содержание и изменение обыденного языкового сознания носителя русского языка / культуры.

Организирующим для такой модели в целом и для каждого ее отдельного фрагмента является принцип значимости / ценности (*valeur* в терминологии Ф. де Соссюра). Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет значение и значимость / ценность одновременно, и последняя определяется исходя именно из системы как целого. Кроме того, с учетом этого критерия «организованы знания, связанные с каждой единицей ассоциативно-вербальной сети, т.е. построено ассоциативное поле каждого слова-стимула» (т. 1, с. 3).

В предисловии подчеркивается также, что определяющим для поведения испытуемых в ассоциативном эксперименте является фактор культуры, культурной принадлежности. Без учета этого фактора невозможно получить достоверные экспериментальные данные, поскольку *«человек стоит перед лицом не отдельного предмета, а предметного мира как целого; он оперирует не отдельным значением, а системой значений. Эта системность меняется от культуры к культуре и распространяется не только на знания,*

¹ Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М., 2004. – 294 с.

составляющие картину мира в целом, но и на ее фрагменты, в данном случае – отдельные ассоциативные поля» (курсив авт. – Н. Т.) (т. 1, с. 4). В Московской психолингвистической школе наиболее оптимальным способом выявления такой системы значений признан массовый свободный ассоциативный эксперимент, в котором ассоциации обозначаются словом национального языка. Выстраиваемый ассоциативный тезаурус позволяет охарактеризовать связь языка и культуры и роль языка в процессе формирования этнического менталитета. «Индивидуальное сознание формируется через действия с предметами (по правилам определенной культуры) путем усвоения операциональных, предметных и вербальных значений. Следовательно, значения принадлежат индивиду как носителю культуры, но не языку как внешней формальной структуре» (т. 1, с. 4).

Первый том включает 1 тыс. словарных статей, заголовками которых являются слова-стимулы, и помещен перед корпусом Прямого словаря.

Словарные статьи расположены в алфавитном порядке заголовочных слов, затем следуют реакции-ответы, полученные на стимул. При каждой реакции (или группе ассоциаций, разделяемых запятой) дается число, указывающее на количество (частоту) ее (их) появления в ответах испытуемых. Реакции упорядочены по мере убывания частоты.

В разделе «Русский региональный ассоциативный эксперимент и информационная технология» перечисляются виды используемых технологий: 1) генерация бумажных анкет или интерактивный опрос через Интернет; 2) обработка ответов-реакций и их занесение в базы данных; 3) формирование ассоциативных значений слов-стимулов; 4) подготовка Прямого и Обратного словарей к изданию; 5) получение выборок в соответствии с заданными параметрами испытуемых или количественными показателями стимулов и реакций, упорядочивание результатов для решения конкретных задач, например для выявления ядра языкового сознания русских.

Данные ассоциативных анкет заносились в исходную базу, каждая запись которой содержит следующие параметры: стимул, реакцию, номер анкеты и личные характеристики опрошенного (пол, возраст, специальность, место рождения / учебы, дату опроса).

Всего в базу данных ЕВРАС введено 5434 анкеты студентов разнопрофильных вузов Европейской части России.

Н.Н. Трошина

2019.04.003. УФИМЦЕВА Н.В., ЧЕРКАСОВА Г.А. РУССКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ: (Европейская часть России): В 2 т. – М.: Моск. междунар. академия, 2019. – Т. 2: От реакции к стимулу. – 688 с¹.

Ключевые слова: стимул; реакция; частота встречаемости.

Уфимцева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. сектором этнопсихолингвистики Ин-та языкознания РАН, специалист в области психолингвистики².

Черкасова Галина Александровна – специалист в области автоматизированных информационных систем и методов обработки лингвистических знаний³.

Второй том словаря включает 46 тыс. словарных статей, заголовками которых являются реакции, полученные при опросе 2008–2013 гг. на 1 тыс. стимулов (их список помещен перед корпусом прямого словаря в первом томе). Таким образом, в Обратном

¹ Общую характеристику см. в реферате на т. 1 данного словаря. – *Н. Т.*

² Автор работ: Уфимцева Н.В. Языковое сознание: Динамика и вариативность. – Калуга, 2011. – 252 с. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/library/psylingva/Ufimtseva_Yazykovoe_soznanie.pdf; (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: Новые науки о человеке говорящем / Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.Ф. – М.: Гнозис, 2017. – 392 с.

³ Автор работ: Черкасова Г.А. База данных «Языки мира» Института языкознания РАН и ее представление в Интернете // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології: MegaLing-2010. – Київ, 2011. – С. 196–205; Ярославцева Е.И., Зотова А.К., Черкасова Г.А. Информационный ресурс: «Компьютерная база данных “Языки мира”: Формально совпадающие классы явлений: (Универсалии, фреквенталии, раритари и уникалии) в семьях и группах языков. Славянские языки». [Электрон. ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <https://iling-ran.ru/main/scholars/cherkasova>; Ярославцева Е.И., Зотова А.К., Черкасова Г.А. Информационный ресурс: «Компьютерная база данных «Языки мира»: Формально совпадающие классы явлений: (Универсалии, фреквенталии, раритари и уникалии) в семьях и группах языков. Романские языки». [Электрон. ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <https://iling-ran.ru/main/scholars/cherkasova>

словаре реализован принцип подачи материала «от реакции к стимулу».

Словарные статьи Обратного словаря расположены в алфавитном порядке. После заголовка-реакции и разделителя (←) указаны стимулы, вызвавшие эту реакцию. Они упорядочены по убыванию частоты их встречаемости в паре «стимул-реакция».

Н.Н. Трошина

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

2019.04.004. МИНАСЯН А.А. СОЦИОЛИНГВИСТИКА: Новые направления и тенденции в Европе. – М.: РУДН, 2018. – 160 с.

Ключевые слова: социолингвистика; многоязычие; контакты языков; языковая политика; языковая ситуация.

Арменуи Арутюновна Минасян – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Монография посвящена исследованию современных тенденций развития социолингвистической науки в странах Старой Европы: вопросам языка и социума, проблемам многоязычия, контакта языков, механизмам языковых изменений, развитию новых стандартов и языковой политики.

Анализируется социолингвистическая ситуация в Европе: дается обзор современных тенденций развития социолингвистики как науки; классификация типов языковой ситуации и построения многоязычного, билингвального или многоязычного общества в современной Европе, обсуждаются вопросы образования новых стандартов и языковых норм, рассматриваются особенности контакта языков на территории стран Европы, а также принципы языковых изменений и образования новых идиом; демонстрируется проведение успешной языковой политики на разных уровнях; предлагается разбор подхода европейских стран к решению вопросов многоязычия.

Работа является результатом полевых исследований, документирования, опросов и интервью с ведущими социолингвистами Европы, которые автор проводила во время посещения рассматри-

ваемых в исследовании стран. Использовалась аутентичная литература, частично представленная ведущими профессорами лично.

Автор отмечает, что настоящее издание представляет особый интерес, поскольку является первой работой, которая основана на анализе исследований лишь европейских коллег. Причина выбора использовать работы лишь европейских социолингвистов заключается в недостаточной представленности их работ в русскоязычных источниках. Так, с одной стороны, многочисленные социолингвистические труды наших европейских коллег остаются незамеченными; с другой – в связи с тем, что многие работы представлены на разных языках (от наиболее популярных, таких как английский, французский, испанский до итальянского, и менее популярных – немецкого, португальского, норвежского), преподаватели и студенты, не владеющие столь широким спектром языков, ограничены в возможности получить наиболее полную картину развития социолингвистической науки.

Цель монографии – ознакомить читателя с результатами последних исследований социолингвистической ситуации на территории Старой Европы, тенденциями развития зарубежной социолингвистики, основными теоретическими положениями и исследованиями ведущих европейских социолингвистов. Под Старой Европой в данном случае понимаются следующие страны: Германия, Испания, Италия, Франция, Великобритания, Португалия, Люксембург, Бельгия, Голландия (Нидерланды), Дания, Швеция, Швейцария. В круг рассматриваемых работ входят преимущественно исследования последних 20–25 лет.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что монография помогает читателям получить общую картину социолингвистической ситуации в европейских странах, провести сравнительный анализ языковой политики в отношении функционирующих языков на территории Европы, а также проследить общие и частные тенденции развития языков и языковых разновидностей.

Представить весь объем научно-исследовательского материала по социолингвистике в полной мере невозможно. Тем самым в работе делается попытка раскрытия наиболее актуальных вопросов социолингвистики, новых теорий, результатов экспериментов и разработок европейских коллег.

В последние 20–30 лет в европейских странах с особой силой развернулись социолингвистические исследования, которые хорошо отражают изменения, происходящие в социуме, языке, менталитете и культуре этих стран.

В Великобритании, к примеру, в 1990-х годах огромное количество крупных исследовательских проектов было посвящено рассмотрению социопсихологического аспекта вопросов языка и социума: отношение жителей Великобритании к функционированию стандарта английского языка в образовании, а также отношению к носителям прочих языков и нестандартных языковых разновидностей в условиях глобализации, многоязычия и поликультурности. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов большое внимание стало уделяться изучению вариативности в речи школьников, а также особенности образования языковых разновидностей в новых промышленных городах Великобритании. «Миграционная лихорадка» во второй половине 2000-х заставила британских социолингвистов обратиться к проявлению языковой вариативности в крупнейших мегаполисах, в поликультурном Лондоне, рассматривались вопросы влияния билингвизма или многоязычия на английский язык. Сегодня исследование контакта языков и культур активно ведется не только на территории Великобритании, но и на территории бывших британских колоний.

Ведущие нидерландские социолингвисты начали с изучения вопросов функционирования и роли стандарта нидерландского языка и прочих нестандартных языковых разновидностей в Нидерландах и во Франции (Бельгии). Позднее акцент перешел на исследование вариативности внутри существующих диалектов, вопросов престижа нестандартных языковых разновидностей среди детей и их родителей, а также на отношение последних к употреблению диалектов в образовании и бытовой сфере. В последние годы внимание нидерландских социолингвистов обращено на изучение вопросов языкового контакта, образования новых языковых разновидностей (койне, этнолектов) и влияния языка и культуры языковых меньшинств (включая новый миграционный поток) на стандарт национального языка в разных городах Голландии.

В ряде исследований рассматриваются проблемы отношения родителей к изучению иностранных языков в школе (как правило, авторы пишут об английском как языке международного общения).

Испанские социолингвисты начали изучение социолингвистической ситуации в Испании с исследования общей языковой картины в отдельных регионах страны. В 2000-х годах появилось множество работ, посвященных региональным языкам Испании (каталанскому, галисийскому, баскскому, арагонскому), языковой политике страны в отношении региональных языков в образовании.

Социолингвистической ситуации в Галисии также посвящено немало работ. Испанские социолингвисты с определенной периодичностью проводят исследования состояния галисийского языка в регионе и выпускают социолингвистические карты галисийского языка.

Автор отмечает, что социолингвистика хотя и достаточно молодая, но быстроразвивающаяся наука. Она позволяет понять, как изменения в обществе, статусе, гендерной принадлежности и возрасте говорящего влияют на специфику и функционирование языков повсеместно. Сегодня как никогда у говорящего есть свобода выбора: на каком языке говорить, какой язык учить, на каком вести формальную / неформальную переписку, обращаться в государственные структуры, на каком говорить дома, а на каком на улице, на работе или в школе, сохранить свой диалект / материнский язык или отбросить его и перейти к употреблению стандарта национального языка страны, в которой человек проживает. Выбор, который делает говорящий, обусловлен одной целью – успешным функционированием в языковом сообществе. В осуществлении этого выбора большую роль играет ряд факторов, таких как государство, массмедиа, социальные и образовательные институты, политико-экономическая ситуация внутри страны и в мире в целом.

Социолингвистические исследования позволяют говорить о том, что в новом тысячелетии многие европейские страны находятся на пути к освобождению от понятия «единый язык – единая нация».

Глобализация привела к тому, что монолингвальное общество стало пережитком прошлого. Человечество попало в такие условия, при которых миграционные потоки протекают с большей интенсивностью, нежели прежде, все условия созданы для ухода от «оседлого» образа жизни к «кочевому». Людям не интересно оставаться в рамках одного языкового сообщества: новые языки, культуры, опыт работы в многоязычной среде манят молодежь; войны, революции, недовольство социальной, экономической или политической ситуа-

цией на родине толкают людей к переселению в более стабильные для проживания регионы, одним из которых является Старая Европа. Толерантность в интеграции нового потока иммигрантов в европейских странах нашла выход благодаря продвижению идеи о необходимости уважения, взаимного понимания, осмысления и изучения языков и культур и созданию би / мультилингвального общества. Даже те страны, которые все еще считают себя монолингвальными, на самом деле ими не являются или находятся на этапе трансформации языкового сообщества в билингвальное.

Анализ социолингвистической ситуации в Европе указывает на противоречащие друг другу тенденции.

Прежде всего, это стремление к языковому многообразию и унификации. Приверженность людей к своим корням, материнским языкам приветствуется, поскольку это помогает сохранить языковое богатство региона (страны). Учитывая, что язык является не только средством коммуникации, но и отражением мышления, менталитета, мировоззрения говорящего (народа), сохранение традиционных диалектов и исчезающих языков является первостепенной задачей каждого человека, семьи, языкового сообщества и государства. Многообразие языков и диалектов приветствуется и поддерживается авторитарными учреждениями, о чем свидетельствует ряд законов и актов по сохранению языков меньшинств, исчезающих языков и диалектов. Тем не менее миграция, обоснование на новых землях, постоянный контакт языков свидетельствуют о том, что жители идут на контакт в попытке достичь компромисса во всем, в том числе и в языке. Так происходит образование новых компромиссных языковых разновидностей (региолектов, койне, этнолектов). Исследование влияния миграционных потоков на местные языки и диалекты все еще находится на стадии развития, что в будущем позволит получить более совершенствованную картину специфики языковой вариативности и языкового сдвига.

Национализация и денационализация языка являются другой тенденцией нового времени. В тех странах, которые долгое время доминировали над остальными и вели жесткую политику «единой нации – единого стандарта», отмечается тенденция к проявлению большей толерантности в отношении к прочим языкам и идиомам, функционирующим на ее территории. Тем временем те регионы, которые были подавлены жесткой языковой политикой доминирующих стран, активно проводят национализацию языка, стимули-

руя его массовое распространение посредством введения обучения на нем, установления стандартов, кодификации (случай Ирландии, Шотландии, Каталонии и пр.).

Роль языка значительно изменилась в XXI в.; происходит смещение акцента от требований к соблюдению установленных норм и предписанных стандартов к необходимости достижения успешной коммуникации. При этом в первую очередь, оцениваются риторические навыки говорящего (будь то в академии, в бизнесе, в путешествии или дома).

Такое смещение акцента происходит в связи с новым этапом в развитии человечества: уход от следования грамматическим и фонетическим нормам языка к необходимости понимания собеседника и возможности коммуникации в мультилингвальном обществе. Сегодня люди много путешествуют, общаются в социальных сетях, слушают музыку на разных языках. Социолингвистические исследования речи жителей европейских стран подтвердили, что в новой глобализированной языковой среде не представляется возможным знание многих языков в совершенстве, однако возможно владение ими на достаточном уровне для совершения успешного акта коммуникации.

Эксперименты и результаты социолингвистических исследований играют особо важную роль в развитии языковой ситуации в мире. Они могут помочь правительствам и образовательным учреждениям в адаптации языковой политики, законов и языковых норм к требованиям нового времени, а также помочь проложить курс на будущее развитие языковой ситуации в странах с учетом экстралингвистических факторов, которые могут оказать влияние на сохранение или развитие языков, функционирующих на ее территории.

Е.А. Казак

2019.04.005. Э.Б. ЯКОВЛЕВА. КАНАДСКИЙ АКЦЕНТ И КАНАДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ. (Обзор).

Ключевые слова: словесное ударение; канадский вариант английского языка; национальная идентичность; ритмическое ударение.

Вариативность является имманентным свойством всей языковой системы. Произносительная вариативность, как и языковая в целом, должна рассматриваться с учетом интра- и экстралингвистических факторов.

тических факторов. Произносительные национальные варианты хотя и не противоречат произносительной норме классического варианта языка в основных ее характеристиках, тем не менее обнаруживают некоторые характерные отклонения.

Статья Т.И. Шевченко и А.А. Абызова [1] посвящена исследованию особенностей акцентной системы канадского варианта английского языка, и в частности канадского словесного ударения, в сравнении с британским и американским вариантами английского языка с учетом интерференции французского и других языков Канады.

Во введении отмечается, что данная работа является обзором результатов исследований в области английской акцентологии, основы которых были заложены в конце прошлого столетия в трудах Г.П. Торсуева и В.А. Васильева и их последователей-экспериментаторов Д.А. Шахбаговой и А.Н. Ерошина, а впоследствии были отражены в учебных пособиях по теоретической фонетике английского языка и методам анализа звучащей речи.

Авторы указывают, что словесное ударение, создающее звуковой образ слова, обеспечивает идентификацию слова в потоке речи, несмотря на модификации, связанные с ритмико-интонационной структурой фразы и дополнительными средствами ее акцентуации, подчиненной прагматике.

Новым аспектом изучения ударения в современной англистике стало его рассмотрение как средства создания национальной и социальной идентичности, отражения социокультурной компетенции говорящего. Для этой цели исследователи, как правило, сравнивают акцентные нормы британского и американского вариантов английского языка.

Авторами указывается, что канадская акцентуация как особый маркер канадской идентичности, актуальный для современного межкультурного общения, до недавнего времени практически не изучалась.

В данной работе Т.И. Шевченко и А.А. Абызов разделяют новый подход к английскому словесному ударению, приверженцем которого является американский ученый Дж. ван дер Хульст, занимавшийся созданием базы данных по ударению 750 языков мира. Английское ударение определяется этим ученым как связанное, прежде всего, с фонологией и фонотактикой слога, чувствительное

к краю слова и создающее трохеический ритм, т.е. имеющее тяжелый слог в начале акцентной группы (стопы).

Авторы ссылаются на исследование Д.Т. Поздеевой [2], согласно которому ритмическое ударение составляет специфику канадского варианта английского языка как с позиции его частотности относительно британского и американского вариантов, так и употребления в особой группе двусложных слов.

Т.И. Шевченко и А.А. Абызов определяют цель своего исследования как проверку частотности специфических канадских акцентных моделей, установленных ранее на основе британо-американских расхождений, методом сплошного анализа на базе всего лексикона канадского словаря. По их мнению, это расширит поле исследования, выявит канадскую специфику по сравнению с британским и американским вариантами произношения ко всему лексикону, включенному в словарь. Второй задачей, решаемой в ходе исследования, стало выявление слогового состава слов, в которых в той или иной степени проявляется тенденция к употреблению ритмических моделей предтонического и посттонического характера.

Указывается, что канадский вариант английского языка представляет собой «гибрид» североамериканских и британских черт с доминированием первых. Этому способствовал историко-географический путь его становления, британская система образования и мощное воздействие американской культуры и политики в современную эпоху. Поиски канадской идентичности в языке, и в частности в орфоэпии этого варианта английского языка, начинались с выявления в нем британских и американских черт. Однако при этом были обнаружены не только черты этих двух основных типов произношения, но и специфические канадские черты, отличающиеся от первых двух источников.

Авторы приводят результаты исследований Д.А. Шахбаговой¹, Е.А. Бурой², Д.Т. Поздеевой³, в которых сопоставлялось сло-

¹ Шахбагова Д.А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии: (На материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). – М., 1992. – 284 с.

² Бурая Е.А. Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: Конвергенция или дивергенция? // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. «Языкознание». – М., 2010. – № 1 (580). – С. 23–41.

³ Поздеева Д.Т. Ритмическая тенденция словесного ударения в канадском варианте английского языка // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. «Языкознание». – М., 2016. – № 1 (740). – С. 125–137.

весное ударение в британском, американском и канадском вариантах английского языка, где было установлено, что ритмическая тенденция, в отличие от рецессивной тенденции, в большей степени характерна для североамериканских типов произношения, т.е. для американского и канадского вариантов. Е.А. Бурая, сопоставляя 17-е и 18-е издания Кембриджского словаря Д. Джоунза, в которых представлены оба варианта, установила, что ритмические модели присутствуют в обоих вариантах в равной степени. В американском варианте количество слов с ритмическими моделями (с так называемым третичным ударением) уменьшилось в последующем издании. Используя список британо-американских отличий в ударении, собранный Е.А. Бурой, Д.Т. Поздеева работала с материалами Оксфордского канадского словаря, национальным корпусом британской, американской и канадской речи и на основе метода экспресс-опроса – с канадскими носителями английского языка. Было установлено, что из общего числа слов, имеющих транскрипцию, 25,5% имеют ударение, в котором канадский вариант отличается от двух других национальных вариантов. Различия относятся к положению главного ударения, отличного от британских и американских образцов, но наибольшие отличия зафиксированы в отношении присутствия или положения ритмического ударения в слове (73,7%), что и является спецификой канадского ударения.

Традиционная работа с лексикографическими источниками, в которых есть транскрипция или, как минимум, проставлено ударение, обеспечивает изучение нормативного аспекта словесного ударения, зафиксированного в словаре. С целью проверки, какие варианты ритмического ударения считаются предпочтительными для британского и американского вариантов, при сопоставлении этих данных с канадским вариантом, авторы использовали третье издание словаря Дж. Уэллза издательства Лонгман (2008). С учетом ограничений автоматического метода они получили весьма реалистическую картину определенных предпочтений относительно британского и американского вариантов.

В результате проведенной проверки оказалось, что для британского варианта характерно *предтоническое ритмическое ударение*, которое составляет 14,4%, в то время как *посттоническое* отмечено только в 2%. Для американского варианта *предтоническое ритмическое ударение* отмечено в 5%, а *посттоническое* – в 0,4%.

Следующим этапом изучения специфики ударения в канадском варианте, основанном на отличиях британского и американского вариантов, явились дополнения и верификация методом сплошного анализа лексикона канадского словаря Gage, включающего 95 тыс. словарных единиц. Выявлялась значимость установленных акцентных моделей для всего лексикона и частотности их позиционных вариантов, предтонического и посттонического ритмического ударения в многосложных словах различного состава и протяженности.

Основываясь на данных анализа, исследователи сделали вывод о преобладании в словаре акцентных моделей с одним главным ударением, а также об отсутствии шести-, семи- и восьмисложных структур в данной группе слов. Доминирующими акцентными моделями с главным + ритмическим ударением следует, по их мнению, считать трех- и четырехсложные структуры (40,7 и 31,9%), при этом восьмисложные находятся в пределах статистической погрешности (0,1%). В группе слов с одним главным ударением доминируют дву- и трехсложные структуры (64,4 и 26,3%). Полученные в результате анализа данные также указывают на преобладание в канадской произносительной норме акцентных моделей с *посттоническим ритмическим ударением* над предтоническим ритмическим ударением.

В таблице [1, с. 60] авторы представляют процентный состав акцентных моделей в канадском английском с предтоническим ритмическим и посттоническим ритмическим ударением по отношению ко всем моделям с ритмическим ударением по *Gage Canadian Concise Dictionary*.

Результаты, представленные в таблице, демонстрируют разнонаправленную корреляцию в дистрибуции акцентных структур с предтоническим ритмическим и посттоническим ритмическим ударением в канадском произносительном варианте.

Таким образом, специфика канадского словесного ударения проявилась в употреблении акцентных моделей с *ритмическим ударением, преимущественно посттонического типа*, в отличие от британского варианта, для которого типично предтоническое ударение. Обращение ко всему лексикону словарей представило, по мнению исследователей, новые доказательства присутствия ритмического ударения во всем лексиконе и значимую зависимость пред-

тонических и посттонических типов от слогового состава слов, прежде всего их протяженности.

Диссертационное исследование Д.Т. Поздеевой [2] посвящено изучению специфики словесного ударения в канадском варианте английского языка в нормативном, когнитивном, перцептивном и акустическом аспектах.

В данной работе подробно изучается словесное ударение в канадском варианте английского языка. Под словесным ударением в работе понимается бóльшая выделенность одного или нескольких слогов в слове по отношению к остальным слогам; под фразовым – бóльшая выделенность одного или нескольких слов во фразе по сравнению с остальными словами.

Основной целью исследования являлось установление национальной специфики словесного ударения в канадском варианте английского языка в сопоставлении с другими национальными вариантами, британским и американским, на материале национальных корпусов речи.

Материалом для исследования послужили национальные произносительные словари и корпусы британского, американского и канадского вариантов английского языка, а также корпусы подготовленной и неподготовленной устной речи 79 носителей канадского варианта английского языка (мужчины и женщины). Общее время звучания корпуса устной речи – 5 ч. 20 мин. На разных этапах исследования в экспериментах приняли участие 40 жителей Канады: 30 участников экспресс-опроса и десять аудиторов. Кроме того, речь 22 носителей языка была проанализирована как содержащая выявленные типично канадские модели словесного ударения. Всего в исследовании были задействованы 119 носителей канадского варианта английского языка. В аудиторском анализе принимали участие десять носителей русского языка, преподавателей английской фонетики из ФГБОУ ВО МГЛУ и других гуманитарных вузов Москвы и Московской области.

В первой главе диссертации автор описала историко-географические условия формирования ситуации многоязычия на территории Канады, а также современную языковую ситуацию и языковую политику, проводимую в стране. Подробно рассмотрен вопрос о становлении акцентологической системы английского языка. Кроме того, рассматривается явление канадской националь-

ной идентичности как одного из факторов, обуславливающих специфику норм акцентуации слов в канадском варианте английского языка.

Отмечается, что современная языковая ситуация в Канаде обусловлена совокупностью различных факторов, наиболее значимыми среди которых являются: историческое развитие страны как колониальной державы, в которой сосуществовало несколько наций; географическое положение Канады на границе с США; современная языковая политика в стране, направленная на развитие билингвизма, а также поддержание и изучение языков этнических меньшинств.

Английский язык, являющийся самым распространенным по сравнению с другими языками на территории Канады, на сегодняшний день является отдельным территориальным и национальным вариантом, что подтверждается наличием в нем характерных черт, не свойственных иным национальным вариантам английского языка. Одним из проявлений данной специфики служит локализация словесного ударения.

Указывается, что ударение это комплексное языковое явление, которое следует рассматривать на трех уровнях: артикуляторном, акустическом и перцептивном. Сложная природа ударения обусловила существование множества подходов к его определению. На начальном этапе изучения данного языкового явления наиболее популярной считалась точка зрения, в рамках которой в центре внимания оказывалось ударение, выделяемое преимущественно посредством изменения высоты тона. Позднее ударение в слове рассматривалось как потенциальное место для реализации фразового ударения. Автор отмечает, что в качестве пяти акустических характеристик, служащих для выделения ударного слога в речи, Д. Болинджер рассматривает частоту основного тона, длительность, интенсивность, качество гласного и ритм, при этом основным из них является высотный компонент. Во второй половине XX в. интерес ученых был обращен к разработке универсальных ритмических систем, опираясь на которые можно было бы обосновать позицию ударений в разных языках. Г.П. Торсуевым и В.А. Васильевым были разработаны тенденции локализации словесного ударения в английском языке: рецессивная тенденция,

ритмическая тенденция, ретентивная тенденция. В главе автор рассматривает также и американские теории словесного ударения.

Она полагает, что, несмотря на довольно высокую степень изученности акцентных систем различных языков, недостаточно разработанным остается вопрос о внутриязыковой акцентной вариативности. В рамках английского языка межвариантные различия в акцентуации слов описаны, прежде всего, для британского и американского вариантов, в то время как количество работ, посвященных особенностям акцентной системы канадского варианта, минимально. Поликультурный и многонациональный характер Канады, бесспорно, оказывает влияние на использующийся в ней вариант английского языка, что проявляется в том числе и на уровне акцентуации слов.

Во второй главе диссертации представлено подробное описание методов и материалов, использованных в работе, в частности:

1. Сравнительный анализ кодифицированных норм трех национальных вариантов английского языка – британского, американского и канадского – на материале лексикографических источников (*English Pronouncing Dictionary Canadian Oxford Dictionary*), в ходе которого была предпринята попытка решить следующие задачи: сопоставить акцентные модели отобранных слов в трех национальных вариантах английского языка с использованием национальных словарей; выявить наиболее частотные для канадского варианта акцентные модели; пополнить список акцентных моделей, составленный на основе британо-американских различий, характерными только для канадского варианта акцентными моделями; выявить типичные для канадского варианта тенденции локализации словесного ударения.

2. Корпусный анализ слов с различающимися в трех вариантах английского языка ударениями позволил определить частотность исследуемых слов на материале трех национальных корпусов. По итогам корпусного анализа были отобраны наиболее и наименее частотные слова для проведения следующих этапов исследования.

3. Экспресс-опрос. Под термином «экспресс-опрос» в данном исследовании понимается вид опроса, состоящий из кратких вопросов закрытого типа, размещенный в сети Интернет. Данный вид опроса предполагал самостоятельную работу респондента с вопро-

сами, обдумывание и регистрацию ответов. Метод анкетирования был представлен в данном исследовании анкетой, в которой респонденты отмечали свои социальные характеристики.

4. Отбор и лингвистический анализ слов, демонстрирующих специфику канадского словесного ударения, в двух корпусах звучащей речи: корпус подготовленной речи и корпус неподготовленной речи.

5. Аудитивный анализ с участием аудиторов – специалистов в области английского языка, аудиторов – носителей канадского варианта английского языка.

6. Электронно-акустический анализ, основной целью проведения которого стало выявление акустических характеристик, в большей степени используемых для обозначения выделенного слога в исследуемых словах.

7. Математико-статистический анализ числовых значений акустических параметров экспериментального материала.

8. Сопоставительный анализ результатов основных этапов эксперимента.

В третьей главе диссертации поэтапно описываются итоги экспериментальной части исследования.

Сравнительный анализ проводился на материале двух национальных лексикографических источников – English Pronouncing Dictionary (британский и американский варианты) и Canadian Oxford Dictionary (канадский вариант). Основываясь на результатах проведенного сравнительного анализа (нормативный аспект), исследователь делает вывод о том, что нормы акцентуации слов в канадском варианте английского языка отчасти совпадают с американскими (39,5%) и британскими нормами (35%), но тем не менее существует ряд слов, канадский вариант акцентных моделей которых не совпадает ни с британским, ни с американским вариантами (25,5%), что подтверждает предположение о специфике акцентной нормы английского языка в Канаде.

Отмечается, что когнитивный аспект словесного ударения имеет прямое отношение к социокультурному разнообразию многоязычного населения Канады, отраженному в исследуемом корпусе. Целью экспресс-опроса, проведенного в трех группах информантов, стало выявление когнитивных моделей словесного ударения в сознании жителей Канады. По итогам анализа результатов для

группы информантов-англофонов было установлено, что среди двусложных и трехсложных наиболее типичной является акцентная модель, в которой главное ударение расположено на первом слоге, а ритмическое – на последнем. В четырех-, пяти- и шестисложных словах ударения локализуются на других слогах, тем не менее для большинства моделей характерно наличие ритмического ударения, удаленного от главного ударения на два или три слога. Для группы информантов-билингвов (франкофонов), которые в равной степени владеют английским и французским языками, неожиданным результатом стало выявление тяготения акцентных моделей к британскому варианту в соответствии с самой частотной моделью английского языка.

Аудиторский анализ проводился на материале узкого корпуса слов, отобранных из образцов подготовленной и неподготовленной речи. *Перцептивный аспект* изучения трех типов слогов (с главным ударением, с ритмическим ударением и безударных) методом аудиторского анализа с участием двух групп auditors, русских экспертов в области английского языка, воспитанных на британском варианте английского языка, и носителей канадского варианта английского языка, выявил сохранение звукового облика слова, включая его акцентную модель, элиминированного из звучащего текста. В результате аудиторского анализа было установлено значительное различие в распознавании акцентных моделей исследуемых слов. Преобладание слов с ритмическим ударением в большей степени характерно по данным группы канадских auditors (в 40% случаев), чем по данным группы русских auditors (в 30% случаев).

В результате проведенного анализа диссертант делает вывод о том, что в целом для канадского варианта характерно использование ритмического ударения, которое в большинстве случаев является посттоническим.

Акустический аспект включал в себя три базовые просодические характеристики: ЧОТ, интенсивность и длительность ударных, безударных слогов и слогов с ритмическим ударением. Этот аспект исследования позволил обнаружить, что длительность слога является важным фактором при определении выделенности слогов с главным и ритмическим ударением по отношению к безударным слогам. Не менее важным параметром являются высотные характе-

ристики выделенного слога, которые в большей степени проявились в женской речи. Аудиторы – носители русского языка в большей степени реагируют на изменение высоты тона, чем аудиторы – носители канадского варианта английского языка.

В *гендерном аспекте* исследования выявились тенденции стереотипов женской и мужской речи, которые свидетельствуют о том, что мелодический компонент в речи женщин, выраженный изменениями ЧОТ, оказывается столь же значимым, как и длительность. Широкий диапазон женской речи ближе к британскому варианту, в то время как суженный диапазон мужской речи объединяет ее с американскими образцами. Таким образом, используемые средства интонирования демонстрируют, каким престижем пользуется британский вариант, прежде всего у женщин, а американский – у мужчин.

В заключение отмечается, что полученные результаты могут служить основанием для описания акцентологической системы канадского варианта английского языка.

В статье Д.Т. Поздеевой [3] рассматривается словесное ударение как один из лингвистических признаков, подчеркивающих уникальность и независимость канадского варианта английского языка. Эмпирическая часть работы основывается на результатах экспресс-опроса, разработанного с использованием метода корпусного анализа и проведенного при участии 29 представителей населения Канады, которых разделили на три группы: англоговорящие канадцы, англо-французские билингвы и жители Канады, для которых английский является иностранным языком. Экспресс-опрос включал в себя около 90 наиболее частотных слов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что используемые акцентные нормы высокочастотных слов, характерные для канадского варианта английского языка, отличаются от британских и американских, что подчеркивает национальную идентичность канадцев.

Список литературы

1. Шевченко Т.И., Абызов А.А. Канадское ударение: От специфики ко всему лексикону // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. – Петрозаводск, 2019. – № 1 (178). – С. 57–61.

2. Поздеева Д.Т. Специфика словесного ударения в канадском варианте английского языка: (Корпусное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2018. – 24 с.
3. Поздеева Д.Т. Канадская идентичность в словесном ударении. [Электрон. ресурс] // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманит. науки. – М., 2017. – Вып. 3(771). – С. 67–80. – Режим доступа: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/3_771_gn.pdf

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

2019.04.006. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЧУКА.

Ключевые слова: конференция; Ю.Н. Марчук; лингвистика; прикладная лингвистика; вычислительная лингвистика; машинный перевод; автоматический анализ и синтез текстовой информации; терминоведение; лексикология; лексикография; компьютерная лингвистика.

1–2 марта 2019 г. в Государственном образовательном учреждении высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» состоялась Международная научно-практическая конференция памяти доктора филологических наук, профессора Ю.Н. Марчука (1932–2018).

На пленарном заседании д. ф.н. И.И. Валуйцева (МГОУ) выступила с докладом «Вклад Ю.Н. Марчука в развитие отечественной теоретической и прикладной лингвистики», в котором высоко оценила научную деятельность профессора Ю.Н. Марчука, его вклад в развитие как отечественной, так и зарубежной лингвистики. В сфере научных интересов Ю.Н. Марчука были такие лингвистические дисциплины, как: вычислительная лингвистика, машинный перевод, автоматический анализ и синтез текстовой информации, терминоведение, лексикология, лексикография, компьютерная лингвистика, основы прикладной лингвистики. Он читал лекции в МГУ им. М.В. Ломоносова, в МПНИИЯ им. М. Тореза – МГЛУ, в МГОУ, а также во многих странах мира, например в Америке, Лаосе, Камбодже, Северной Корее, Кувейте, Китае, Франции и др., возглавлял различные научные сообщества в области терминоведе-

ния как в нашей стране, так и за рубежом. Юрий Николаевич – автор более 300 научных и учебно-методических трудов.

И.И. Валуйцева отметила, что в становлении и развитии Юрия Николаевича как ученого-практика сыграли роль прекрасное фундаментальное, классическое образование и семья.

«В своих многочисленных работах Ю.Н. Марчук отстаивал взгляд на лексику как сложную систему, которую следует описывать с двух разных сторон – текста и словаря, позиционируя текстоцентрический (внешний) и словарноцентрический (внутренний) подходы» [Валуйцева, 2019, с. 141]. Продолжение идей Ю.Н. Марчука сегодня можно увидеть в многочисленных работах по когнитивной лингвистике, когда тот или иной концепт рассматривается с привлечением различных, в зависимости от задач исследования, словарей и текстов в синхронном или диахронном планах.

Большое количество работ Ю.Н. Марчука посвящено проблеме разрешения лексической многозначности, которую он считал одной из важнейших для автоматического перевода. Отсюда, полагает И.И. Валуйцева, и большой интерес Юрия Николаевича к подъязыкам, к соотношению общеупотребительной лексики, специальной лексики, терминологии, с одной стороны, и типологии текстов – с другой, опять-таки в свете решения прикладных задач.

Одним из важнейших достижений Ю.Н. Марчука является разработка контекстологического словаря, в основе которого лежит теория детерминант: значение слова определяется (детерминируется) в контексте другими словами, сочетаниями слов, грамматическими категориями. Далее делаются два принципиальных допущения: ставится знак равенства между переводом и значением многозначного слова и детерминанты, и переводы выбираются из текстов. Исходный материал для составления словаря – словарь-конкорданс, созданный на определенном массиве текстов. Конкордансы использовались для написания алгоритмов анализа текстов на входном языке в вышеупомянутых системах машинного перевода. Здесь опять-таки четко проявляется прикладная направленность теоретических положений Ю.Н. Марчука. И.И. Валуйцева особенно отметила, что особой заслугой Ю.Н. Марчука стало зарождение корпусных методов изучения языка, которые сейчас являются неотъемлемой составляющей огромного количества исследований в различных областях лингвистики.

Еще одна сфера интересов Юрия Николаевича, которая, безусловно, заслуживает внимания, – терминология. И.И. Валуйцева пишет: «Если провести количественный анализ работ Ю.Н. Марчука, то слова *термин*, *терминография*, *терминологический словарь* – одни из наиболее частотных. Среди его работ “Основы терминографии” (1992, переведена на французский язык в 2001), соответствующие разделы в книгах “Модели перевода” (2010), “Лексика и новые информационные технологии” (2015), большое количество статей в Энциклопедическом словаре “Общее терминоведение” под редакцией В.А. Татарина (2006), где одна из статей посвящена деятельности уже самого Юрия Николаевича как терминоведа. В понимании Ю.Н. Марчуком термина можно опять-таки отметить дихотомический подход: с одной стороны, словарная дефиниция термина, а с другой – его употребление в тексте, контекстная атрибуция термина, что важно для машинного перевода» [Валуйцева, 2019, с. 143].

Отдельным направлением деятельности Ю.Н. Марчука в области терминографии является создание многоязычных терминологических словарей, среди которых «Русско-английско-испанско-французско-китайский словарь географических терминов», М., 2005, а также «Русско-английско-испанско-французско-китайский словарь лингвистических терминов», М., 2005, созданные в соавторстве с С.А. Яковлевой, и «Англо-французско-немецко-испанско-кхмерско-русский исторический словарь» 2015 г. Данные словари, отмечает И.И. Валуйцева, «решали не только узкие практические задачи, но и требовали научного обоснования необходимой и достаточной выборки, способа перевода термина, выбора основного словаря и списка источников переводных эквивалентов, а также необходимости определения последовательности «движения перевода» при составлении словаря: от основного языка ко второму, третьему и т.д. или более сложное, непоследовательное» [Валуйцева, 2019, с. 143].

В докладе И.И. Валуйцевой отмечена и организаторская деятельность Юрия Николаевича в области лексикографии. В частности, И.И. Валуйцева пишет: «Он был членом Международной службы ИНТЕРИНФОРМПЕРЕВОД, объединявшей социалистические страны (1975–1986), входил в Ученый совет РОСТЕРМ'а, по приглашению Министерства образования работал в Камбодже над

созданием четырехязычных терминологических словарей, вел терминологическую деятельность в качестве эксперта по приглашению Министерства планирования Республики Лаос и др.» [Валуйцева, 2019, с. 148].

Важной областью исследований Ю.Н. Марчука был машинный перевод. Работа над созданием системы машинного перевода не ограничивалась разработкой глобальных теоретических вопросов, идеологии машинного перевода, но предполагала решение проблем технического обеспечения практических и организационных задач. В 1974 г. Ю.Н. Марчук стал начальником отдела машинного перевода Всесоюзного центра переводов научно-технической литературы и документации (ВЦП)¹ и одновременно заместителем Председателя Координационного Совета СССР по машинному переводу. «Работа по МП велась в ВЦП до начала 90-х годов, пока в организации существовало научное подразделение. Принципы, на которых строилось большинство систем МП ВЦП, продолжают идеи Юрия Николаевича в области лексикологии, лексикографии и терминоведения. В своих многочисленных работах он неоднократно подчеркивал два основных подхода к решению проблемы автоматизированного перевода: “попытка сделать так, чтобы переводился смысл безотносительно к форме языкового высказывания” и “осуществление машинного перевода на уровне переводных соответствий, когда передаются в равной степени и форма, и содержание”» [Валуйцева, 2019, с. 144]. Ю.Н. Марчук, как отмечает И.И. Валуйцева, был убежденным сторонником второго подхода, неоднократно подчеркивал, что первый путь является тупиковым и не приводит к созданию действующих систем МП.

«В последние годы он неоднократно подчеркивал, что машинный перевод ценен не только сам по себе, он является центральной проблемой искусственного интеллекта и действующей моделью, на которой исследователь может проверить свои гипотезы на всех уровнях языковой системы, получить обратную связь и оперативно провести коррекцию первоначальной гипотезы, что, безусловно, является ценным аспектом деятельности любого учебного, работающего в сфере прикладной науки» [там же].

¹ Сейчас – Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации (ВЦП). – *Прим. М. Р.*

В работе конференции приняли участие как отечественные, так и зарубежные исследователи, представившие свои доклады во время работы шести секций: 1) «Актуальные проблемы лексикологии и словообразования», 2) «Новые аспекты и области лексикографии. Корпусные исследования языка», 3) «Лексикографические проблемы перевода», 4) «Язык профессиональной коммуникации в социолингвистическом, лингвокультурном, когнитивно-дискурсивном и переводческих аспектах», 5) «Терминографическое обеспечение профессиональной коммуникации», 6) Социолингвистические проблемы лексикологии и лексикографии». Также в ходе конференции работал круглый стол «Основные тенденции направления развития современной терминологии» (ведущий – д.ф.н. О.И. Максименко).

По результатам конференции опубликован сборник¹.

Список литературы

1. Валуйцева И.И. Вклад Ю.Н. Марчука в развитие отечественной теоретической и прикладной лингвистики [Электрон. ресурс] // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти доктора филологических наук, профессора Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / под общ. ред. Валуйцевой И.И. [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – (С. 140–146).

М.Б. Раренко

¹ Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электронный ресурс]: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти доктора филологических наук, профессора Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / ред. колл.: отв. ред. И.И. Валуйцева; отв. сек. Е.П. Савченко; ред. англ. текста И.А. Улиткин; под общ. ред. И.И. Валуйцевой. [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей) 1 ГГц; 512 Мб оперативной памяти; привод CD ROM; операционная система Microsoft Windows XP SP 2 и выше; Adobe Reader 7.0 (или аналогичный продукт для чтения файлов формата pdf). – ISBN 978-5-7017-3063-0.

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

2019.04.007. БЕРЕСТНЕВ Г.И., КИРЕЕВА Я.А. ЯЗЫК И КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА ПРОФЕТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: Античность и русское православие. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 221 с.

Ключевые слова: пророчества вербальные и невербальные; античные профетические тексты; русские профетические тексты православной традиции; когнитивные механизмы пророчеств; языковые механизмы пророчеств.

Монография, выполненная в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания, состоит из введения и трех глав.

Во введении определяется цель работы – описание и сопоставление когнитивных структур пророчеств в двух культурно-религиозных традициях – античной и русской православной. Значимость своего исследования авторы видят в обращенности «к рассмотрению таких механизмов человеческого мышления, которые относятся к глубинным уровням когнитивных процессов психики» [с. 13].

Авторы анализируют парадигмальные характеристики современной лингвистической науки, позволяющие проводить исследование на данном уровне, особо отмечая расширение дисциплинарных границ языкознания. Это сделало возможным включение в изучение новых объектных сфер. Принцип междисциплинарности чрезвычайно актуален для когнитивной лингвистики, ключевую задачу которой Е.С. Кубрякова сформулировала как «объяснение тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [цит. по реф. монография, с. 8].

В когнитивной лингвистике язык расценивается как главный источник данных о познавательной сфере человека, однако не единственный: различные «семиотические коды культуры представляют собой разные знаковые осуществления единой человеческой когниции, познавательные механизмы и структуры возможно проследить на основе данных мифологии, религии, культуры, искусства и т.д.» [там же]. Поэтому когнитивное направление в лингвистике изучает язык во взаимодействии с другими семиотиче-

скими кодами, причем интерес направлен не только на субстанциональную, но и на функциональную связь. Такой подход позволяет установить структуры ментальности, имеющие глубинный, бессознательный характер. Авторы приводят слова Кассирера о том, что базисные функции языка, мифа, искусства, религии находятся за формами их выражения и задача науки состоит в выявлении их источника [с. 7].

Отмечается также антропоцентризм современных гуманитарных исследований, который сосредоточил внимание ученых на человеке – субъекте порождения и восприятия речи.

Совокупность разработанных современной лингвистикой подходов сделала возможным комплексное и сопоставительное изучение профетических текстов, обладающих сложной семантической структурой.

В первой главе «Культурные и языковые основания пророчеств» подчеркивается, что для профетических текстов разных традиций важными оказываются культурно-исторические и прагматические аспекты рассмотрения.

В Древней Греции главной формой прорицания считались оракулы – устные сообщения, передаваемые жрецами (посредниками между богами и людьми) тем, кто запрашивал предсказание. Главный Оракул находился в храме Аполлона Дельфийского – в месте, связанном с мифом о победе Аполлона над драконом Пифоном. «Орудием» прорицания были пифии – на эту роль избирались невинные юные девушки, рожденные в законном браке. Считалось, что на время прорицания Аполлон сам вещал через пифию, как бы овладевая ее сознанием [с. 20]. В русской православной традиции, сформировавшейся на основе христианских понятий высшей духовности и святости, главной разновидностью прорицателей были старцы¹.

Авторы выявляют основные различия двух профетических традиций: 1) жрецы и пифии обитали в обстановке роскоши античного храма. Старцы проводили большую часть жизни в молениях в скромных кельях; 2) в античной Греции были установлены формальные условия допуска к прорицаниям – пророчества осуществ-

¹ В монографии рассматривается также второй тип прорицателей в русской православной традиции – юродивые. – *Прим. реф.*

лялись в определенную дату (седьмой день месяца), требовали обязательных жертв и даров. Старцы принимали людей в любое время на протяжении всей жизни, и преимущественно к ним обращались простые люди; 3) предсказаний Дельфийского оракула ждал весь античный мир, в том числе цари и военачальники. Атрибутами старческой миссии, наоборот, были скромность и скрытность; 4) пифия и жрец выступали как орудие и посредник в отношениях «божество – человек». Старцы не только делали предсказания относительно будущего или прозревали прошлое, но также старались наставить обращавшихся к ним людей, предупредить о грядущем несчастье, побудить к раскаянию и молитве [с. 28–29].

Важнейшей когнитивной категорией при изучении профетических текстов авторы называют инференцию. По определению Е.С. Кубряковой, инференция – это «операция извлечения смысла или информации из текста или дискурса, которые в них, казалось бы, напрямую непосредственно не представлены» [с. 49]. Таким образом, она связана с выходом за буквальное значение единиц речи. Инференция определяется такими прагматическими условиями, как внутренняя установка говорящего и его психологическое состояние, знания и опыт коммуникантов, «эпизодическая память» (термин из работ Т.А. ван Дейка и В. Кинча) относительно какой-либо ситуации, а также степень знакомства, социальные роли и гендерная принадлежность коммуникантов.

Профетические тексты заключают в себе ряд особенностей прагматической составляющей. Например, их принципиальная диалогичность делает актуальным обращение к сформулированным для диалогического общения принципам Г.П. Грайса. Однако эти принципы в профетических текстах как раз нарушаются. Прежде всего нарушается постулат способа, требующий выражаться ясно, т.е. избегать непонятых и неоднозначных выражений, ненужного многословия. Нарушаются также принципы отношения и качества, предписывающие не отклоняться от темы и не говорить того, для чего нет достаточных оснований / что может оказаться ложным. Эти факты свидетельствуют об особенностях семантики и прагматики в профетических текстах.

Для исследования профетических текстов актуальными оказываются также методологические принципы лингвокультурологии – гуманитарной дисциплины, изучающей, по определению

В.Н. Телия, связь языковых выражений, используемых в коммуникативных процессах, «с синхронно действующим менталитетом народа» [цит. по реф. монографии, с. 62]. Важнейшими в категориальном аппарате лингвокультурологии являются понятия языковой личности и концепта. Через понятие «концепт» языковые и речевые явления связываются с ментальными единицами – системой представлений индивидуального носителя языка и языкового коллектива.

Во второй главе «Профетические тексты с точки зрения системных свойств языка» рассматриваются следующие характеристики текстов-предсказаний в античной и русской православной культурах: коммуникативная и оценочная структуры профетического акта, метафорические и метонимические средства, сближения по принципу параномазии, прагматические расширения.

В античной Греции профетический коммуникативный акт существовал в институциональных рамках. Действо, формализованное по месту, времени и процедуре, имело характер диалога между богом и человеком: человек хотел «узнать нечто», Аполлон «знал все». Провидцы на Руси были частью Божьего промысла и осознавали свою миссию: они не только прорицали, но и проповедовали, обращаясь к большим группам людей. Эти коммуникативные различия связаны с разным пониманием в двух культурах отношений между человеком и божеством. В античной традиции боги были ближе к людям, и это делало возможным диалог. Православная традиция сходна с ветхозаветной: ей свойственна монологичность, и прорицание старца расценивалось как обращение Бога.

Оценка несет значительную функциональную нагрузку в профетических текстах обеих традиций. Через нее адресант реализует прагматическую цель воздействия на адресата, выражая рекомендацию, запрет, одобрение или осуждение. Учет прагматических данных и когнитивный опыт требуются также от адресата. Например, правильное понимание призыва старицы Ольги перед приходом знакомого ей мальчика («*Расстилайте ковры, готовьте стол – батюшка придет*», [с. 87]) требует знания правил встречи почетных гостей. Авторы отмечают, что в будущем этот мальчик действительно стал священнослужителем. В обеих традициях присутствуют оценки положительные и отрицательные, явные и скрытые, однако для русской православной культуры более свойственны

скрытые оценки. В античных оракулах особую важность имеют оценки, выраженные в начале профетического текста, они помогают сделать верный вывод относительно последующих фрагментов текста, которые могут носить характер загадки.

Метафорические и метонимические переносы как механизмы формирования и выражения смысла профетических текстов также характерны для обеих традиций. Оба принципа представляют собой случаи заместительной репрезентации содержания и служат средством инференции при условии знания культурной символики, исторического контекста и других фоновых знаний. Так, в «Истории» Геродота пифия, предрекая мидийскому царю Крёзу победу над персами, называет персидского царя Кира *мулом*. Это уподобление основано на признаке 'смешанность крови': отец и мать Кира принадлежали к разным народам [с. 93]. Метафоры, актуальные в православной профетической традиции, соотносятся с прагматическими и когнитивными установками носителей русского языка, но часто они имеют и более общий характер. Например, развернутый образ 'государство – корабль', использованный в предсказании о судьбе России, сделанном преп. Анатолием Оптинским Младшим (1855–1922), предрекает грядущие революционные события и оценивает их последствия как разрушительные: «*Будет шторм, и русский корабль будет разбит. Да, это будет, но и на щепках люди спасаются*» [с. 98]. Авторы отмечают, что образ государства-корабля универсален для западной культурной традиции. Приводятся слова А.С. Пушкина о контактах России и Европы: «*Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуже топора и грома пушек...*» [с. 100].

Метонимия, основанная на сопредельности предметов и явлений или на отношениях «частное – общее», «причина – следствие», при условии прагматического и когнитивного опыта также способствует правильной инференции со стороны адресата профетического текста. Так, описанное Псевдо-Аполлодором предсказание царю Аргоса Адрасту (он должен был «запрячь в (свадебное) ярмо своим дочерям кабана и льва» [с. 102]) было истолковано через метонимический принцип смежности (принадлежности) объектов: царь увидел изображения этих животных на щитах двоих дерущихся юношей и понял, что эти юноши должны стать женихами его дочерей.

В профетических текстах применяется принцип прагматических расширений, основанный на истолковании упоминаемых предметов, явлений или ситуаций через знание их культурно-исторического содержания. Так, упоминание матушки Марфы о скором звоне колоколов стало предсказанием смерти Патриарха Тихона [с. 105]. Предсказание не выражено конкретно, однако в любом случае требовалось знание: звон колоколов оповещает народ о важном событии и призывает к совместному действию.

Однако не все типы языковых средств, применяемых в профетических текстах, имеют параллели в обеих традициях. Смысловые сближения, основанные на паронимии (звуковом сходстве), такие как обыгрывание общего корня в имени собственном и в нарицательном слове, обнаружены только в античных текстах.

В третьей главе «Профетические тексты с точки зрения когнитивной лингвистики» анализируются когнитивные и лингвокультурологические основания языковых явлений, типичных для текстов-пророчеств.

Для античной традиции, в том числе для профетической, характерно использование образов животных в роли символов. Понимание смысла предсказаний невозможно без знания символики этих образов. В главе подробно рассматриваются наиболее часто встречающиеся зоосимволы: «лев», «орел», «птицы», «лиса», «змея». Отмечается, что многое из их символики перешло в культурные традиции европейских народов других исторических периодов; что-то является универсальным. Однако в значении каждого образа есть своя специфика, и только при условии ее знания можно верно интерпретировать пророчество. Так, и льву, и орлу приписываются все свойства, дающие их владельцу власть: отвага, решимость, сила, зоркость, быстрота. Тем не менее эти образы противопоставляются в описанном Геродотом предсказании оракула жителям Коринфа: *«В скалах примет во чреве орел, но льва породит он...»* [с. 112]. Сопоставление пророчества с другими текстами позволяет понять, что в сознании античного человека главной чертой «львиной власти» была способность действовать агрессивно и жестоко, устрашать и подавлять. Орлу же, «властелину воздуха», приписывались только позитивные свойства – он воспринимался как воплощение высоты духа, свободы, небесной силы и стал солярным символом божественной власти (атрибутом власти Зевса).

Знание таких культурных данных приближает к пониманию пророчества, описанного Геродотом [с. 116–117].

Как упоминалось выше, в профетических текстах часто присутствуют элементы затекстовой информации (инферентные смыслы), которые должны извлекаться адресатом на основе не только глубоких языковых, но также лингвокультурных и других прагматических знаний. Авторы монографии используют понятие «угол инференции», определяемый как семантическая дистанция «между непосредственно выражаемыми содержаниями и тем, что действительно имеется в виду» [с. 129]. В античных текстах угол инференции увеличивается вследствие того, что они часто построены в форме загадок и развернутых иносказаний. Русские предсказания рассчитаны на то, что когнитивные усилия будут сосредоточены в области религиозного сознания.

Сложный иносказательный образ в античных профетических текстах часто создается развернутой метафорой. Авторы исследуют семантику таких текстов с учетом актантной структуры описываемых ситуаций, выявляя их семантическую изоморфность тем метафорическим комплексам, посредством которых они кодируются.

К наиболее ярким семантическим особенностям профетических текстов относится явление референтных сдвигов. Этот феномен, создающий предпосылку для семантической неопределенности, как правило, обусловлен функциональными свойствами языковых единиц. Наиболее часто в профетических текстах представлены: 1) референтные сдвиги, связанные с общей семиотической полифункциональностью лексемы. Это, например, омонимия имен собственных и имен нарицательных или двух имен собственных (в античных текстах часто проявляется омонимия двух топонимов) или же полисемия в референтной семантике слова; 2) референтные сдвиги, вызванные межъязыковыми параллелями. Включенное в текст слово из родственного языка или диалекта может быть по звуковой форме и даже грамматически сходным с лексемой принимающего языка, однако иметь в нем другое значение; 3) референтные сдвиги, вызванные широким значением эпитета. Верно определить «задуманный» референт в таких случаях – трудная задача для адресата. Для профетических текстов русской православной традиции характерны также сдвиги на уровне семантики фреймов.

Другая специфическая черта русской профетической традиции – невербальные предсказания старцев. Они базируются на символике предметов и на знаковом характере действий. В то же время предметные предсказания характеризуются авторами как реализация принципа метафоры в области мышления: предмет, который задействован в предсказании, репрезентирует другой предмет. Обнаружение смысла требует от адресата когнитивного действия, типичного для понимания метафоры – установления основания для уподобления двух сущностей.

В интерпретации предсказаний-действий значим принцип метаязыкового описания ситуации. Так, выметание в деревне крылек со стороны старицы интерпретируется (и осуществилось) как изгнание людей из этой деревни в годы войны [с. 201].

В заключение авторы напоминают, что К.Г. Юнг отмечал в развиваемой им теории бессознательного явление субъективного, интуитивного постижения человеком пространственно или темпорально отдаленных событий. В этом русле возможно изучение профетических актов в наше время и в будущем [с. 209]. Перечисляются выявленные в ходе исследования важнейшие характеристики языка профетических актов: опора на образы и их приоритет по сравнению с понятийными категориями естественного языка; близость языка пророчеств к языку детей младшего возраста; диффузность семантики, условность грамматики и синтаксиса; неразличение имен собственных и нарицательных, придающее пророчествам более широкий смысл.

Е.О. Опарина

2019.04.008. ГУСЕЙНОВА И.А., КОСИЧЕНКО Е.Ф. ЖАНРЫ, МЕНЯЮЩИЕ МИР И НАС: Тривиальный дискурс: Ретродетектив. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. – 162 с.

Ключевые слова: ретродетектив; жанр; гибридизация жанров; дискурс; инфотейнмент; семиотический код; ономастикон; массовая литература; ретрокомпонент; интердискурсивность; интертекстуальность; когнитивно-семиотический подход.

Гибридизация жанров, подчас, на первый взгляд, абсолютно несовместимых, имеющих взаимоисключающие цели и задачи, – примета нашего времени. Об одном таком жанре – ретродетективе,

зародившемся и успешно развивающемся на границе других, уже признанных, зарекомендовавших себя на протяжении долгой литературной истории, и идет речь в коллективной монографии д.ф.н. И.А. Гусейновой (МГЛУ) и д.ф.н. Е.Ф. Косиченко (МГЛУ), специалистов в области дискурсологии и теории коммуникации. Исследование, состоящее из введения, четырех разделов («Мифотворчество в современной тривиальной литературе как связующее звено между прошлым и будущим», «Жанрообразующие элементы отечественного ретродетектива», «Особенности композиционного построения события в ретродетективе», «Ономастикон романов разных жанров»), заключения, списка литературы на русском и английском языках, проводится на стыке литературоведения и лингвистики с привлечением современных методов текстологического анализа.

По мере развития общества, в связи с изменением его потребностей, смены культурно-исторических парадигм и пр., происходит обновление семиотических кодов: на смену одним, ставшим в определенный момент привычными, традиционными, приходят новые, что в свою очередь приводит к качественному изменению семиотического пространства культуры.

Массовая литература, являясь частным случаем массовой культуры, с одной стороны, и гибридной по своей природе – с другой, использует стилистический ресурс различных дискурсов, поскольку внутритекстовое взаимодействие различных семиотических средств имеет место в любом сложном тексте. Такое взаимопроникновение жанров имеет разные цели, но одна из них заключается в том, чтобы процесс восприятия текста доставлял удовольствие, был приятным времяпрепровождением, носил развлекательный характер, и в то же время был «полезным», что привело в итоге к появлению стиля «инфотеймент» (infotainment – от англ. information «информация» и entertainment «развлечение»), задача которого заключается в том, чтобы информировать и обучать, развлекая.

Тривиальный дискурс, нашедший воплощение в произведениях массовой литературы, представлен сегодня самыми разнообразными жанрами, что свидетельствует о его необычайной востребованности и популярности в читательской среде. В детективном ряде, представленном ироническим, авантюрным, шпионским де-

тективами и т.п., ретродетектив занимает особое место. Так, в частности, авторы монографического исследования отмечают, что «можно предположить, что возрастающий интерес к ретро продиктован отсутствием в современном мире подлинных ценностей, с одной стороны, и естественным стремлением человека к идеалам – с другой» [с. 12]. Ретродетектив, или исторический детектив, – явление относительно новое, но активно развивающееся в настоящее время, и не только в русскоязычном пространстве. Занимательный сюжет или даже остросюжетное действие, с одной стороны, и фактические безграничные возможности для интеллектуальной игры автора с потенциальными читателями – с другой, привлекают самую разную аудиторию. Однако не отрицая принадлежности ретродетектива к массовой литературе и, как следствие, установку, лежащую в основе детектива, на развлечение и получение удовольствия в процессе чтения, авторы подчеркивают, что «...интерес современного читателя к ретродетективу имеет более глубокие корни, нежели стремление получить удовольствие или разгадать загадку некоторого преступления, поскольку основывается на базовой потребности человека в стабильной системе ценностей, которую многие культуры стремительно утрачивают в настоящее время и с которой возможно соприкоснуться, попав в необычную семиотическую реальность ретроромана» [с. 13].

По мнению авторов монографического исследования, особое положение ретродетектива в семиотическом пространстве культуры объясняется разными обстоятельствами. Благодаря компоненту *ретро* эта разновидность детективного романа занимает свое место среди исторической, архивной и аутентичной публицистической литературы, обладая при этом той мерой фикциональности, которая не позволяет ему полностью раствориться в массовой литературе. Компонент *ретро* обладает кинематографичностью, сценарностью, цикличностью и иными свойствами, которые обеспечивают его адаптацию к различным каналам распространения и передачи информации – печатным, электронным, радио и телевизионным: «Во-первых, они в любой момент при соответствующем подходе и наличии инновационных технологий могут быть трансформированы в тот формат, который наиболее полно отвечает предпочтениям и вкусам целевой аудитории. Во-вторых, жанровые характеристики обеспечивают требуемые изменения оптимальным образом, по-

скольку жанр обладает творческим потенциалом, который может быть раскрыт в различных типах сред. В-третьих, мифотворческое начало, присутствующее в ретродетektивах, визуализируется при помощи определенного, довольно ограниченного репертуара языковых средств» [с. 5]. Более того, как элемент «мягкой силы» компонент *ретро* служит сохранению и продвижению культурно-исторического наследия в различных видах пространства, формируя тем самым устойчивый интерес к российской культурной жизни.

Обращение к жанру ретродетektива представляется актуальным и обусловлено значимостью самого объекта изучения – ретрокомпонента в литературе, как и в других видах массовой культуры. Среди причин, побудивших их рассмотреть ретродетektив как особый жанр, авторы указывают следующие: 1) обращение к историческому прошлому, воссоздание атмосферы в стиле ретро способствует привлечению внимания к культурной составляющей современной жизни, а также к формированию как индивидуальных жизненных пространств, так и культурного пространства целых социумов; 2) ретро позволяет современному человеку оценить события прошлого, понять истоки настоящего, проинтерпретировать современность и оказать влияние на формирование гуманитарного пространства; 3) ретро позволяет каждому человеку превратиться в творца – создателя социального и виртуального пространств, пребывание в которых доставит ему удовольствие и позволит сохранить культурную преемственность, выступающую связующим звеном с будущими поколениями; 4) компонент *ретро*, находясь на стыке информационного и развлекательного подхода, превращается в результате интеллектуальных усилий автора в некий гибрид, который может быть причислен в широком смысле к индустрии инфотейнмента, интенсивно развивающейся в настоящее время.

Авторы монографии отмечают такие уникальные характеристики компонента ретро, как его кинематографичность, сценарность и цикличность, которые обеспечивают адаптацию ретродетektива к различным каналам распространения и передачи информации – печатным, электронным, радио и телевизионным: «Во-первых, они (кинематографичность, сценарность и цикличность. – М. Р.) в любой момент при соответствующем подходе и наличии инновационных технологий могут быть трансформированы в тот формат, который наиболее полно отвечает предпочтениям

и вкусам целевой аудитории. Во-вторых, жанровые характеристики обеспечивают требуемые изменения оптимальным образом, поскольку жанр обладает творческим потенциалом, который может быть раскрыт в различных типах сред. В-третьих, мифотворческое начало, присутствующее в ретродетektивах, визуализируется при помощи определенного, довольно ограниченного репертуара языковых средств» [с. 5].

Говоря о жанрообразующих элементах ретродетektива как разновидности детektива, авторы указывают на особое представление в нем хронотопа: линейность времени, больше характерная для европейского сознания, и цикличность, присущая восточному пониманию времени, оказываются совмещенными в ретродетektивном повествовании, что «неизбежно приводит к смешению пространств и к гибридизации глобального контекста; в структурном отношении это ведет к порождению интердискурсивности, интержанровости и интертекстуальности» [с. 14].

Неотъемлемой характеристикой ретродетektива является подробный комментарий малоизвестных для читателя тривиальной литературы исторических событий, бытовых ситуаций, реалий и пр., вплетенный в художественное повествование и служащий как разъяснительным целям, так и обучающим, за счет чего создается эффект многослойности повествования. При этом следует отметить, что комментарий не кажется чем-то инородным, не «утяжеляет» сюжет, поскольку может принимать разнообразные формы – от простого комментирования в форме нарратива до включенного в повествование диалога между персонажами, обсуждающими некое событие (явление, артефакт, персонаж и пр.) и раскрывающими его суть, при этом «разъяснение, объективирующее когнитивную процедуру инферентного (выводного) характера, играет в ретродетektивах ключевую роль, поскольку формирует базу для логических умозаключений и аналитических ходов и одновременно выводит знание, неизвестное рядовому современному читателю» [с. 56–57]. В ретродетektивах В. Данилина, например, в качестве комментаторов выступают попеременно «сыщики» – уже упомянутый выше Николай Афанасьевич Ильин и его молодой друг, весьма продвинутый в сыском деле бывший студент Казанского университета Владимир Ульянов.

Анализируя особенности композиционного построения события в ретродетективе, авторы обращаются к методу деконструкции по Ж. Дерриде, поскольку этот метод применительно к ретродетективу «позволяет выделить в сюжете исторический и культурный контекст, которые обеспечивают насыщение ретродетектива фактологическим материалом, придающим достоверность всему повествованию» [с. 95]. Для ретродетектива характерно сконцентрированность повествования вокруг главного лица – сыщика, или детектива, который путем логических размышлений раскрывает преступление, а само происшествие рассматривается как атрибут, т.е. элемент, который служит сыщику поводом для его действий. Большое значение при этом придается описанию времени и пространству, в котором работает сыщик. Авторы отмечают, что важной особенностью современного отечественного ретродетектива является «перемещение действующих лиц во временном, пространственном и социальном измерении» [с. 116]. Помимо придания повествованию большей динамичности (что в случае с ретродетективом является задачей вторичной), такие сюжетные повороты дают автору возможность, во-первых, показать при необходимости различные этапы духовного развития главного героя (например, когда сыщик оказывается помещен в ситуацию морально-этического выбора), а во-вторых, погрузить читателя в различные культурно-исторические и социальные среды, показать быт и нравы различных слоев общества и пр.

Предложенный в работе когнитивно-семиотический подход для анализа природы ретродетектива представляется продуктивным, поскольку позволяет «увязать в единое целое проблему концептуализации и хранения социокультурных знаний с проблемой функционирования номинативных единиц в культуре» [с. 8]. Как убедительно показано в работе, применение когнитивно-семиотического подхода дает возможность рассмотреть ретрокомпонент как жанрообразующий элемент художественного текста и глубже исследовать природу *ретро*. В свете когнитивно-семиотического подхода, компонент *ретро* существует в двух измерениях: с одной стороны, это факт культуры, содержащий накопленные в этой культуре знания, с другой – это средство создания новой реальности – мира литературного произведения, где проявляются особенности творческого мышления автора и реализуются законы жанра.

Ретродетектив, несмотря на свою разную историческую направленность, обладает определенными чертами, основу которых формируют глобальные текстовые структуры и определенный репертуар языковых средств, являющихся одновременно языковым кодом, способствующим привлечению внимания читателя и поддержанию его интереса к ретро, нередко тесно связанного с национально-культурным наследием культуры.

Более того, как отмечается в монографии, благодаря компоненту ретро исторический детектив может рассматриваться не только как средство развлечения и получения новых знаний о прошлом, но и как инструмент «мягкой силы» для сохранения и популяризации национального культурно-исторического наследия в различных видах пространства, формируя тем самым устойчивый интерес к российской культурной жизни.

М.Б. Раренко

2019.04.009. Л.Р. КОМАЛОВА. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС, СОПРОВОЖДАЮЩИЙ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ. (Обзор)¹.

Ключевые слова: эмигрант; идентичность; пресса; Аргентина; испанский язык; СМИ; корпус текстов; концептуальная метафора; правовой дискурс; медиадискурс; когнитивная лингвистика; социолингвистика; критический анализ дискурса; миграция; мигрант; английский язык; ментальное пространство; Испания; восприятие; идеология; воздействие; стереотип.

По мнению авторов статьи [Chakour, Portillo Fernández, 2018], большая часть информации, которую общество знает об иммиграции, поступает из средств массовой информации. Целью реферируемой работы является анализ механизмов формирования и понимания дискурса СМИ об иммиграции в Испанию. Исследуются часто используемые СМИ стереотипные образы, характеризующиеся скрытой агрессивностью и насилием, следуя идеологии ксенофобии, расизма и нетерпимости к чужим убеждениям, с целью причинения вреда, дискриминации и даже криминализации иммигрантов.

¹ Обзор подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий».

Прибегая к теории ментальных пространств¹, авторы пытаются восстановить цепь связанных с иммиграцией негативных ассоциаций (концептуальных амальгам) через искаженную комбинацию ментальных пространств, которые в принципе не имеют прямой связи. Таким образом, происходит искажение образа иммиграции.

В настоящее время, как правило, слово «иммиграция» ассоциируется с гражданами стран третьего мира. В Испании семантическая нагрузка этого слова опирается преимущественно на субъективное восприятие испанцами сезонных рабочих из Доминиканской Республики, Румынии, Марокко, Колумбии, Боливии, занятых в сельском хозяйстве, строительстве и сфере обслуживания, а также людей, незаконно прибывающих в страну в поисках лучших условий жизни [ibid., p. 68]. Слово «иммиграция» в сообщениях СМИ встречается в контексте бедности, нищеты, преступности, драматических жизненных ситуаций, вторжения на чужую территорию.

Восприятие иммиграции обычно связано с идеей «подавляющей силы, неконтролируемой и, следовательно, разрушительной». Это явление описывается как давление, которое угрожает экономическим, политическим, социальным и культурным интересам страны. Используемая для этой цели лексика (глаголы, им. сущ., им. прилаг.) поддерживает тесную связь с семантическим полем «ВОЙНА», открыто подчеркивая опасность, связанную с насаждением ценностей иммигрантов-завоевателей, прибывших на Иберийский полуостров. Это вынуждает реципиента рассматривать иммиграцию как явление, угрожающее безопасности граждан и территориальной целостности всей страны.

Наиболее часто используемыми средствами являются риторические приемы, комическое акцентирование проблемного измерения иммиграции, преувеличение фактов, касающихся въезда и присутствия иммигрантов в принимающей стране. При описании фактов в сообщениях СМИ намеренно подчеркивается криминальный аспект иммиграционных процессов (мусульмане ассоцииру-

¹ Ментальное пространство (англ. Mental space) – центральное понятие теории ментальных пространств (Mental Space Theory) и теории концептуальной интеграции (Blending Theory), введенное в когнитивную лингвистику Ж. Фоконье и М. Тернером. Это постоянно модифицируемые когнитивные конструкты, которые строятся в режиме реального времени в ходе дискурсивной деятельности и хранятся в оперативной памяти говорящих [СКоДис – электрон. ресурс].

ются с терроризмом, марокканцы – с преступностью, уроженцы Магриба – с нападениями и т.д.), что в сумме с субъективным мнением многих реципиентов приводит к усилению необоснованного чувства ненависти по отношению к мигрантам. Таким образом, поспешные обобщения (аргументативные заблуждения), основанные на искажающем дискурсе СМИ о миграционных процессах, могут стать частью коллективной идеологии испанского общества, увековечив отказ от открытой и многокультурной модели общества, от этнического и религиозного разнообразия [ibid., p. 85].

В работе [Busso, 2017] анализируется дискурс об аргентинских мигрантах в Испанию и Италию, реализуемый на страницах аргентинской газеты «Горн» (Clarín) за период с 2001 по 2005 г. (кризисные для страны годы). По мнению автора, за счет актуализации в медиаространстве дискурса о миграции и мигрантах не только придается определенное значение массовому перемещению людей из одного места в другое, но и конструируются конкретные способы идентификации мигрирующих коллективов, т.е. формируется их идентичность на основе дискурсивных маркеров.

Автор применяет теоретико-методологический инструментарий социосемиотики и рассматривает социальные дискурсы, описывающие мигранта на двух этапах миграционного процесса. В частности, описывается образ аргентинского мигранта как отличающегося от представителей других национальных групп, присутствие которых в принимающем обществе (Испании и Италии) на страницах газеты представляется как не желаемое в момент прибытия в страну назначения. Такое представление контрастирует с образом мигранта на момент его отбытия из родной страны (Аргентины), совершающего своего рода героическую вылазку в иные миры с целью интеграции в принимающем обществе.

Продуктивная грамматика построения оси идентичности, связанной со срочностью отбытия из Аргентины, основана на таких дискурсивных объектах, как «размывание концепции о стране как социально однородной и политически предсказуемой сущности», «неопределенность проекта личного будущего в сложной ситуации экономического кризиса». В дискурсах, описывающих прибытие в страну назначения, жизнь аргентинских мигрантов представляется как полная административных и юридических трудностей, социальной неустроенности.

Типичный аргентинский эмигрант на страницах газеты «Горн» представлен как человек молодого или среднего возраста, который переезжает в чужую страну совместно с супругом или семьей. Эти люди имеют высшее образование (чаще техническое), склонны к предпринимательской деятельности. Необходимость срочного отъезда из родной страны объясняется ими экономическим кризисом, социальной неоднородностью и непредсказуемой политической обстановкой в стране проживания.

Метафорическое обрамление реалий, связанных с миграционным процессом, исследуется в работе [Castaño Castaño, Laso Martín, Verdaguer Clavera]. По мнению авторов, «несмотря на межкультурные различия, описание миграционных процессов, которое доминировало в публичном дискурсе с начала XX-го века, в тот или иной момент аккумулировало сеть метафор, которые дегуманизируют иммигрантов и / или описывают их как представляющих угрозу для принимающей страны» [ibid., p. 249]. С 1990-х годов в исследовательских работах фиксируются такие метафоры, как «ИММИГРАНТЫ – ЭТО ЖИВОТНЫЕ / ОБЪЕКТЫ / ТОВАРЫ»¹, наряду с метафорами, дарующими принимающим государствам человеческие качества, что формирует представление о последних как о живом организме, чье благополучие находится под угрозой из-за иммигрантов, которые рассматриваются как БРЕМЯ / ТРУДНОУСВАИВАЕМАЯ ПИЩА / ИНФЕКЦИОННОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ / ПАРАЗИТАРНЫЕ ОРГАНИЗМЫ. В настоящее время данные метафоры частично вытесняются изображением иммигрантов в качестве ЗАХВАТЧИКОВ, ПРЕСТУПНИКОВ или НЕЛЕГАЛОВ, против которых героический боец (правительство) должно действовать, чтобы защитить целостность своей страны.

Метафоры широко используются и в правовой сфере. Анализ текстов Верховного суда США свидетельствует о том, что на протяжении десятилетий иммиграция описывалась как НАВОДНЕНИЕ, ЛАВИНА или ВТОРЖЕНИЕ, а иммигранты – как ИНОСТРАНЦЫ / НЕЛЕГАЛЫ, которые угрожают стабильности страны. В европейском законодательстве изображение ИММИГРАЦИИ КАК НЕКОНТРОЛИРУЕМОГО ПОТОКА, а ПРИНИМАЮЩЕГО ГОСУДАРСТВА КАК СОСУДА дает основания для распространения метафор отчуждения (ИММИГРАН-

¹ Здесь и далее перевод с английского языка на русский наш. – Л. К.

ТЫ – ЭТО ПРИШЕЛЬЦЫ / ВРАГИ, с которыми нужно сражаться). В этом контексте в правовом дискурсе приоритетное внимание уделяется охране границ, что ведет к ПОЛИТИКЕ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ в отношении иммигрантов. Лишь изредка актуализируется метафора гостеприимства, и иммигранты представляются в качестве ГОСТЕЙ, которые пользуются щедростью ХОЗЯИНА, чьи ГРАНИЦЫ теперь рассматриваются как ОТКРЫТЫЕ. Правовая система также опирается на метафору «ИММИГРАНТЫ – ЭТО ОБЪЕКТЫ», в которой иммигранты рассматриваются как субъекты, которые могут быть переселены [ibid., p. 250].

Цель проводимого авторами исследования состоит в том, чтобы проанализировать использование образного языка в совокупности текстов по миграционному праву, написанных на английском языке испанскими студентами, обучающимися праву, и проверить их понимание оценочной силы метафоры. В качестве исследовательского материала было отобрано 25 неопубликованных эссе (около 25 000 токенов) по теме «Иммиграция в Европу и предоставление убежища мигрантам», написанных 3 испанскими студентами-юристами на английском языке. Данная группа студентов принимала участие в факультативном учебном курсе «Закон о миграции и гражданстве», в рамках которого изучаются правила и политика, разработанные Европейским союзом и государствами-членами для управления миграционными потоками. Уровень владения английским языком варьировался от начального до продвинутого (по системе CEFR¹). Полученные данные анализировались вручную тремя экспертами – лингвистами, специализирующимися в области дискурс-анализа. В результате было выявлено, что учащиеся используют большое количество метафорических выраже-

¹ CEFR = Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment (Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка) – система уровней владения иностранным языком, используемая в Европейском союзе. Соответствующая директива была выработана Советом Европы как основная часть проекта «Изучение языков для европейского гражданства» («Language Learning for European Citizenship») между 1989 и 1996 гг. Главная цель системы CEFR – предоставить метод оценки и обучения, применимый для всех европейских языков. В ноябре 2001 г. резолюция Совета ЕС рекомендовала использование CEFR для создания национальных систем оценки языковой компетенции.

ний. Наиболее частотные концептуальные метафоры можно сгруппировать следующим образом.

1. ПРИНИМАЮЩИЕ ГОСУДАРСТВА – ЭТО СОСУДЫ (NATIONS ARE CONTAINERS). Учащиеся также рассматривают государства как ограниченные пространства с ограниченными возможностями, уязвимые в случае масштабного увеличения иммиграционных потоков. В этом контексте правительства и учреждения становятся гарантами защиты, и безопасность границ оказывается важной для стабильности страны. Следовательно, границы метафорически понимаются как ворота или двери, которые могут быть запечатаны или выборочно открыты для людей на основе критериев желательности и потребности [ibid., p. 255]. Символ границы используется как инструмент для категоризации, который помогает отличать граждан от не граждан (часто называемых заявителями (applicants), подавшими заявку на оформление гражданства), которым государства могут предложить временную или постоянную защиту [ibid., p. 256].

2. ИММИГРАЦИЯ – ЭТО УГРОЗА / ПРОБЛЕМА (IMMIGRATION IS A THREAT / PROBLEM). Данная метафора реализуется в высказываниях, содержащих негативные оценки, например: «a threat to public policy / internal security» (*угроза государственной политике / внутренней безопасности*), «a risk of breach of public order» (*риск нарушения общественного порядка*), «bearing the consequences of» (*претерпевающая последствия*), «a threat to the sovereignty of their national and regional borders» (*угроза суверенитету их национальных и региональных границ*) [ibid., p. 257].

3. ИММИГРАЦИЯ – ЭТО ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ (IMMIGRATION IS A NATURAL FORCE). Иммиграция рассматривается как поток воды, как приливная волна (ресурсный домен), которую трудно контролировать, и поэтому она описывается как социальная катастрофа, что способствует восприятию миграционных процессов как опасных (ИММИГРАЦИЯ – ЭТО УГРОЗА). В этих условиях иммигранты более не рассматриваются как индивиды. Они изображаются как недифференцированная анонимная, следовательно, дегуманизированная масса [ibid., p. 258].

4. ИММИГРАНТЫ – ЭТО ОБЪЕКТЫ (IMMIGRANTS ARE OBJECTS). Иммигранты часто представляются как безличные или взаимозаменяемые объекты / материалы, изображенные как дешевая рабо-

чая сила, которые могут быть легко удалены или перемещены из одного места в другое. Образ иммигрантов как поддающихся количественному измерению товаров не способствует эмпатии к иностранцам, образ которых связывается с чувством страха разрушения [ibid.].

5. ИММИГРАЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ – ЭТО БИТВА (IMMIGRATION CONTROL IS A BATTLE). Иммигрантов часто изображают как вторгающихся врагов, угрожающих стабильности и целостности государства. Следовательно, для борьбы с ними необходимо предпринять военные действия [ibid., p. 259].

Исследователи выявили, что почти 40% испытуемых раньше не осознавали, что метафорические выражения распространены в правовом дискурсе. 72% испытуемых из тех, кто был осведомлен о метафорах в праве, констатировали негативные коннотации в своем восприятии метафор, связанных с миграцией. Некоторые испытуемые указали, что подобные метафоры используются с целью донести до населения страны определенное представление об иммиграции и тем самым обосновать политику некоторых правительств.

Автор статьи [Saiz de Lobado, 2018, p. 63] утверждает, что в испанском обществе СМИ по-прежнему являются ведущим актором, моделирующим образ иммигранта. Цель проводимого исследования заключается в индивидуализации когнитивных проекций на основе обнаруженных в корпусе прессы (2010–2011) лингвистических коррелятов (лексических и концептуальных метафор) юридических понятий, содержащихся в действующей версии Закона об иммиграции 14/2003, раскрывающего права и свободы иностранцев в Испании и условия их социальной интеграции.

Исследуемый корпус состоит из 414 текстов об иммиграции, опубликованных в таких испанских газетах, как «El País» и «Abc» (общая пресса), «Adn» и «20 Minutos» (бесплатно распространяемые газеты), «Latino» и «Sí, se puede» (специализированная пресса) в период 15–30 ноября 2010 г. и 01–15 февраля 2011 г., на национальном и местном (Мадрид) уровнях. На первом этапе исследования была выявлена группа лексических единиц, содержащихся в Законе об иммиграции, которые отражают структуру власти между эндо-группой или элитой (испанским обществом) и экзо-группой (иммигрантами). На втором этапе к исследованию были привлечены пять лингвистов, задача которых состояла в том, чтобы выявить

в корпусе лексические и концептуальные корреляты, исключив все случаи, которые были забракованы хотя бы одним из пятерых лингвистов.

В составе корпуса было выявлено 614 лексических единиц (метафор), подлежащих анализу. Из них 52,4% соотносятся с концептами, заложенными в действующем в Испании Законе об иммиграции (см. табл.).

Таблица

**Концептуализация лексических единиц из Закона
об иммиграции в текстах институциональных СМИ
[ibid., p. 68]**

Метафорическая концептуализация	Лексическая единица (метафора)	Частотность
EL PAÍS DE ACOGIDA ES UNA CASA QUE REQUIERE PERMISO PARA ENTRAR O UN REFUGIO (принимающая страна – это дом или убежище; чтобы укрыться в нем или попасть в него, требуется разрешение ¹) (всего = 128)	residencia (проживание)	67
	acogida (прием / включение в состав)	29
	salida (отъезд)	16
	entrada (въезд)	13
	estancia (пребывание / нахождение)	3
LOS INMIGRANTES SON ENEMIGOS, DIFICULTADES (иммигранты – это враги, сложности) (всего = 57)	expulsar (выгонять)	55
	alarma (сигнал тревоги / опасности)	2
COSIFICACION (иммигранты – это объекты) (всего = 42)	explotación (эксплуатация, использование)	33
	regularización (регулирование)	9
FITOMÓRFICAS (фитоморфные метафоры) (всего = 33)	arraigo (укоренение)	33
ZOOMÓRFICAS (зооморфные метафоры) (всего = 25)	reagrupar (перегруппировать)	25

Автор утверждает, что выявленные стратегии концептуализации метафор в институциональном дискурсе, как правило, несут в себе отрицательные коннотации. Например, в зооморфной метафоре «LOS INMIGRANTES SON UNA ESPECIE (QUE SE REÚNE EN GRUPO) (иммигранты – это биологический вид (который объединяется в

¹ Здесь и далее перевод с испанского языка на русский наш. – К. Л.

группы))», хотя человек также является биологическим видом, номинация «вид» используется в биологии для классификации отличных от человека живых существ. Фитоморфная метафора «LOS INMIGRANTES SON PLANTAS (QUE ECHAN RAÍCES) (*иммигранты – это растения (которые пускают корни)*)» является примером иерархической локации и также несет в себе отрицательные коннотации, так как люди приравниваются к растениям, которыми можно распоряжаться по своему усмотрению. В целом концептуальная метафора «ESPAÑA ES UNA CASA QUE REQUIERE PERMISO PARA ENTRAR» (*Испания – это дом, чтобы войти в который, требуется разрешение*) оценивается как позитивная, так как субъект получает желаемое (доступ в дом). Но этот доступ не является бесплатным или постоянным, поскольку дом не является собственным, иммигранты в нем – временные гости, поэтому в итоге метафора приобретает отрицательные коннотации.

В текстах СМИ противопоставляются, с одной стороны, иммигранты как дегуманизированные существа (растения, животные, вещи, трудности), с другой – принимающая сторона (Испания) как райский уголок, в который эти иммигранты стремятся. Это противопоставление формирует образы «своих» и «чужих», которые в тексте закона четко концептуализируют иммигранта как представителя внешней (экзо) группы, а граждан принимающего государства как часть внутренней (эндо) группы. В заключении автор подчеркивает, что все проанализированные лексические единицы можно считать стандартными лексическими метафорами, поскольку их контекстные определения представлены не только в DRAE¹, но также в Законе об иммиграции. Тот факт, что они стандартизированы, играет важную роль, когда речь заходит о замаскированной и дискриминационной идеологии в отношении иммигрантов, которая вытекает непосредственно из интересов и политического дискурса и проявляется или осуществляется на практике через законодательство [ibid., p. 74].

¹ DRAE = Diccionario de La Real Academia de La Lengua Española – словарь Королевской академии испанского языка [Diccionario de la lengua Española – [Электрон. ресурс].

Список литературы

СКОДис – Центр социокогнитивных исследований при МГЛУ. – Режим доступа: <http://scodis.ru/студентам/глоссарий/ментальное-пространство/> (Дата обращения: 02.02.2019 г.)

Busso M.P. Las identidades de los emigrantes argentinos en el diario Clarín: La construcción de migrantes diferentes y deseados // *Lengua y migración*. – Alcalá, 2017. – N 9(1). – P. 7–38. – Mode of access: <http://lym.linguas.net/Download.axd?type=ArticleItem&id=171>

Castaño Castaño E., Laso Martín N.J., Verdaguer Clavera I. Immigration metaphors in a corpus of legal English. – Mode of access: <https://rm.coe.int/1680459f97> (Дата обращения: 02.02.2019 г.)

Chakour T., Portillo Fernández J. La interpretación inferencial y los espacios mentales en el discurso mediático sobre inmigración en España // *Revista de Humanidades*. – Sevilla: Universidad de Sevilla, 2018. – Núm. 33. – P. 63–86. – Mode of access: <http://revistas.uned.es/index.php/rdh/article/view/18504/17321>

Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment (CEFR). – Mode of access: <https://rm.coe.int/1680459f97> (Дата обращения: 02.02.2019 г.)

Diccionario de la lengua Española. – Mode of access: <https://dle.rae.es/?w=diccionario> (Дата обращения: 03.02.2019 г.)

Saiz de Lobado E. Metáfora y percepción: Análisis de la ideología subyacente en el discurso jurídico sobre inmigración // *Lengua y migración*. – Alcalá, 2018. – N 10 (1). – P. 57–78. – Mode of access: <http://lym.linguas.net/Download.axd?type=ArticleItem&id=185>

2019.04.010. ЯНГ Р., МАЙЛС С., АЛАБАШ С. АТАКА СО СТОРОНЫ АНОНИМА: Анализ содержания агрессивных сообщений, опубликованных в социальной сети, ответов жертв и комментариев очевидцев.

YOUNG R., MILES S., ALHABASH S. Attack by anons: A content analysis of aggressive posts, victim responses, and bystanders interventions on a social media site // *Social media + society*. – Sage, 2018. – Jan.–March. – P. 1–14. – DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305118762444>. – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118762444>

Ключевые слова: кибербуллинг; коммуникативная стратегия; дискурс; Интернет; подросток; жертва; очевидец; агрессор.

По мере того как цифровые медиа становятся центром социальной жизни подростков, все четче формулируется проблема кибербуллинга. К негативным последствиям буллинга по отношению

к детям и подросткам (вне зависимости от среды, в которой он реализуется) можно отнести снижение успеваемости в школе, снижение самооценки, возникновение эмоциональных расстройств и психологических проблем, которые часто остаются нерешенными и во взрослой жизни.

Основным мотивом для буллинга является желание агрессора укрепить свой социальный статус, продемонстрировав свою силу, что подтверждается теоретическими исследованиями в области эволюционной психологии. Учитывая, что социальные сети в Интернете зачастую отражают отношения между подростками в реальном мире, вопросы силы и социального статуса из контекста взаимодействия лицом к лицу также переносятся в Интернет. Однако способы демонстрации силы в киберпространстве могут отличаться.

Понятие «сила» применительно к цифровой среде сложно операционализировать. Исследователи указывают на то, что такие факторы, как асинхронность, публичность и анонимность, играют важную роль при концептуализации кибербуллинга. Асинхронность позволяет агрессорам публиковать комментарии, не видя живую реакцию жертвы, что способствует более свободной экспликации отрицательных эмоций. Фактор асинхронности делает возможным осуществление воздействия на жертву в любое время суток. Под публичностью общения понимается тот факт, что взаимодействие агрессора и жертвы потенциально может стать видимым широкому кругу интернет-пользователей. Анонимность может быть как односторонней (анонимный агрессор пишет жертве, чья личность ему хорошо известна), так и двусторонней (подлинная личность жертвы также остается неизвестной). Возможность анонимно выражать агрессию увеличивает масштабы кибербуллинга, так как уменьшает возможные негативные последствия для агрессора. Более того, подростки соотносят незнание своего обидчика с чувством бессилия, так как становится сложно вписать и осознать ситуацию кибербуллинга в контекст социальных связей. Согласно результатам опроса подростков, анонимность дает возможность проявить агрессию даже тем, кто не может сделать этого лицом к лицу.

В реферируемой работе описывается эксперимент, задачей которого является выявление основных дискурсивных стратегий,

используемых агрессором, жертвой и очевидцами в ситуациях кибербуллинга. Объектом исследования стали дискурсивные практики пользователей сайта ask.fm, более половины пользователей которого на момент проведения эксперимента были несовершеннолетними. Формат взаимодействия на сайте подразумевает, что пользователь отвечает на анонимный вопрос, после чего и вопрос, и ответ, и комментарии публикуются в профиле отвечающего.

Для проведения эксперимента было отобрано 78 профилей, содержащих 352 агрессивных комментария и 641 последовавший за ними вопрос и ответ. 79,5% профилей принадлежало девушкам, 14,1 – юношам, в 6,4% пол пользователя не удалось определить. Большинство профилей (83,3%) принадлежало ученикам старших классов, 3,8% пользователей оказались старше этого возраста. В 12,8% случаев возраст пользователей установить не удалось.

Длина инициальных агрессивных сообщений. Их длина в среднем составила 14 слов (исследование проводилось на материале английского языка). Почти все агрессивные сообщения (97,2%) были опубликованы анонимно. Наиболее распространенными дискурсивными стратегиями агрессоров были следующие: призыв к самоубийству (54,3% сообщений типа «kill yourself – *убей себя*¹«); замечания, касающиеся социального статуса жертвы (41,2% сообщений); замечания, касающиеся сексуального поведения жертвы (26,7% сообщений содержали слова «whore – *иллюха*», «slut – *потаскушка*», при этом только в 6% сообщениях упоминались какие-либо определенные события из личной жизни жертвы).

Длина ответных сообщений – реакций жертвы в среднем составила 20 слов (разброс от 0 до 427 слов). В ответах жертвы прибегали к сарказму (36,6%) («yeah, I'll get right on that – *я работаю над этим*» в ответ на призыв к самоубийству). Ответная агрессия встречалась почти так же часто (31,3% случаев) и выражалась как в коротких ответах, состоящих из нескольких слов, так и длинных сообщениях из нескольких предложений. Следующим по популярности был нейтральный ответ («ОК», «oh – *ага*») – 19,6% ответов. Реже всего (8% случаев) жертвы отвечали на агрессию согласием без явного сарказма («I know no one likes me – *Я знаю, что меня*

¹ Здесь и далее по реферату перевод с английского языка на русский наш. – Прим. реф.

никто не любит», «I know I'm worthless – Я ничтожество»). Кроме ответов на негативные сообщения, пользователи прибегали и к другим стратегиям взаимодействия с агрессорами, а именно: в 9,7% случаев жертвы буллинга просили обидчика остановиться; также в 9,7% жертвы обвиняли агрессора в анонимности сообщений; 8% пользователей снижали накал агрессии высказываниями «I don't care – мне пофиг», «it doesn't bother me – мне все равно»; 5,4% пользователей утверждали, что обидчик плохо их знает; 3,7% пользователей в ответ на призыв к самоубийству спрашивали, что почувствует обидчик, если они на самом деле последуют его совету.

При анализе языкового материала удалось обнаружить, что в случаях, когда агрессор использовал негативную лексику, описывающую сексуальное поведение жертвы, пользователи значительно чаще прибегали к ответной агрессии и не соглашались с подобными комментариями. Когда сообщения содержали призыв к самоубийству, жертвы чаще отвечали нейтральными фразами.

Кроме стратегий взаимодействия агрессора и жертвы, исследовались комментарии очевидцев ситуаций, связанных с кибербуллингом. Большинство ответов очевидцев (86,5% сообщений) были также анонимны. Исследуемые ответы были разделены на три группы: нейтральные, т.е. без отсылки к изначальному сообщению агрессора (47,6%); позитивные, выражающие поддержку жертве и ссылающиеся на негативный комментарий обидчика (25,9%), и агрессивные (28%). В четырех из 78 профилей не было обнаружено ни одного сообщения от очевидца.

Средняя длина сообщений, выражающих поддержку жертве, составила восемь слов. В 70,8% случаев очевидцы обращались напрямую к жертве с поддержкой, в 17,4 – просили жертву не обращать внимания на агрессию, а в 20,8% случаев выражали личную симпатию к жертве. 19,4% очевидцев поддержали жертву косвенно, обратившись с критикой к агрессору. Более чем в трети случаев (34%) очевидцы использовали ненормативную лексику, в 22,2% случаях обвиняли агрессора в анонимности. Когда агрессор призывал жертву к суициду, очевидцы чаще реагировали агрессивно, чем нейтрально. Связи между лексикой, используемой жертвой, и реакцией очевидцев обнаружено не было. Когда жертва отвечала обидчику при помощи сарказма, очевидцы чаще реагировали нейтрально, когда жертва прибегала к ответной агрессии, очевидцы старались

поддержать жертву лично. Если первый очевидец реагировал на буллинг поддержкой жертвы, то и комментарии других очевидцев выражали поддержку. Если же первый комментатор реагировал агрессивно, то и последующие сообщения носили агрессивный характер.

И жертвы, и очевидцы кибербуллинга осуждали агрессора за анонимность. Наряду с этим, большая часть комментариев очевидцев, выразивших поддержку жертве, также были анонимными. Авторы исследования предполагают, что, анонимность очевидцев имеет положительную интерпретацию, так как служит мотиватором проявления положительных эмоций, в то время как анонимность агрессоров интерпретируется как трусость.

Исследователи отмечают, что функционал платформы ask.fm подразумевает, что анонимное сообщение становится видимым широкой публике только тогда, когда пользователь отвечает на него. В таком случае остается непонятна мотивация жертвы, желающей выставить общение с обидчиком на всеобщее обозрение. Авторы предполагают, что это может быть связано как с попыткой жертвы привлечь к себе внимание, так и с тем фактом, что вмешательство очевидцев уменьшает вероятность буллинга в дальнейшем.

Е.В. Майорова

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

2019.04.011. Л.Р. КОМАЛОВА. КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ: Многоязычные корпусы. (Обзор).

Ключевые слова: параллельный текст; обработка естественного языка; лингвистические ресурсы; двуязычие; английский язык; глосса; лексические ресурсы; текст; корпус; аннотация; частеречная разметка; семантическая сеть; многозначность; извлечение информации; машинный перевод; Библия; сравнительное языкознание; сопоставительное языкознание; компьютерная лингвистика.

Современные исследования в области корпусной лингвистики все чаще ориентируются на разработку инструментария, предназначенного для решения задач на материале нескольких языков.

Представленные в настоящем обзоре статьи описывают разработки в данной области.

В работе [Zeroual, Lakhouaja, 2019] дается характеристика корпуса «MulTed», состоящего из транскриптов (перевода на др. языки в виде синхронизированных субтитров к аудиозаписям на английском языке на основе транскрипта на языке оригинала) 1100 выступлений¹ (за период с 10 мая по 20 июня 2016 г.) на 101 языке. Материал был отобран из репозитория «TED talks»². Разработчики использовали следующие критерии отбора: 1) наличие для каждого выступления на английском языке перевода на 15 иностранных языков³, которые относятся к разным языковым семьям (обязательными являются шесть официальных языков ООН: арабский, китайский, английский, французский, русский и испанский); 2) сбалансированность корпуса в тематическом плане (было отобрано по 100 выступлений по каждой из следующих тем «архитектура и дизайн», «искусство и творчество», «культура и история», «экономика и инновации», «образование и обучение», «глобальные проблемы», «здоровье и медицина», «природа и окружающая среда», «наука и техника», «социальные проблемы» и «спорт и приключения»). Извлечение материала, его очистка от шума, частеречная разметка проводились автоматически. Тематическая классификация текстов проводилась вручную. Итоговый корпус состоит из 30 057 транскриптов (7,6 млн предложений, более 46 млн токенов). Корпус представлен в трех вариациях: 1) разбитый на одноязычные подкорпусы без перевода (примерно 0,6–2,1 млн токенов на каждый из представленных 15 языков); 2) приведенные в соответствие двуязычные параллельные подкорпусы; 3) разбитый на одноязычные корпуса с частеречной разметкой без перевода.

К преимуществам корпуса разработчики относят высокое качество исходного материала (транскрипты выступлений на английском языке) и переводов, которое достигается за счет привлечения

¹ Выступления можно отнести к квазиспонтанной устной речи.

² TED talks – это название лекций, которые с 1984 г. публично читают умнейшие и знаменитейшие люди планеты в рамках проекта TED (сокращение от англ. Technology, Entertainment, Design – технологии, развлекательные проекты, дизайн). Подробнее см., например, русскоязычную версию: [TED talks – электрон. ресурс].

³ Полный перечень представлен в статье.

опытных переводчиков и экспертизы со стороны координаторов от организации «TED». Данные преимущества позволяют использовать созданный корпус в системах машинного перевода в составе модуля обучения. Благодаря тому, что выступления реализуются в виде монологической речи, транскрипты и переводы, полученные на их основе, с большим успехом поддаются очистке от шума, процедурам компрессии и обобщения, что делает корпус привлекательным для исследователей в области компьютерной лингвистики.

Полезным для лингвистов и инженеров представляется многоязычный корпус «SenseDefs»¹ [SenseDefs, 2018], который включает более 38 млн текстовых дефиниций типа глоссов (в среднем на одну дефиницию приходится 6,4 толкований заключенного в ней смысла) на 263 языках. Источником материала послужили такие интернет-ресурсы, как «Wiktionary», «WordNet», «Wikidata», «Wikipedia», «OmegaWiki».

Разработчики констатируют тот факт, что знания, заключенные в дефиниции, трудно поддаются автоматической обработке, так как обычно они представлены в виде коротких, семантически компрессированных формулировок, для актуализации которых потребуется введение дополнительных контекстов (формулировок, толкующих заключенный в дефиниции смысл), что затруднит работу автоматической системы, так как потребует активации дополнительного модуля снятия многозначности. В статье раскрывается метод, позволяющий обойти данное ограничение.

Предлагаемый подход к устранению многозначности основан на использовании внушительной многоязычной семантической сети, включающей дополняющую информацию в виде эквивалентных дефиниций на разных языках. В ходе работы алгоритма данная информация уточняется при помощи дистрибутивных методов, основанных на семантическом сходстве.

Статистические данные на основе разработанного корпуса свидетельствуют о том, что среди включенных в корпус языков количество глоссов и толкований на английском языке превалирует по отношению к другим языкам (5,8 млн глоссов и 37,9 млн толкований). Далее следуют немецкий и французский языки. В целом

¹ Корпус выпускается в двух форматах (человеко- и машиночитаемый) и находится в открытом доступе. – Режим доступа: <http://lcl.uniroma1.it/disambiguated-glosses/>

большее количество толкований приходится на языки с богатым лексическим инвентарем (*resource-rich languages*), однако иногда это правило не работает. По мнению авторов статьи, с одной стороны, это связано с тем, что некоторые языки (такие как вьетнамский и испанский) действительно выигрывают от разработанного подхода снятия многозначности; с другой – это также говорит о необходимости совершенствования применяемого алгоритма, особенно для таких языков, как шведский или русский (количество предложенных в корпусе толкований ниже по сравнению с объемом знаний, заложенных в дефинициях).

В статье представлены результаты нескольких экспериментов для проверки внутренней и внешней точности предлагаемых толкований на материале английского, итальянского, испанского и французского языков с привлечением аннотаторов, а также результаты тестов, проверяющих эффективность алгоритмов извлечения информации, снятия многозначности и классификации смыслов.

В статье [Christodouloupoulos, Steedman, 2015] утверждается, что параллельные корпуса неоченимы для цифровой гуманитаристики: даже небольшие многоязычные корпуса идеально подходят для проведения типологических или сопоставительных исследований в лингвистике, особенно когда в корпусе представлены параллельные тексты на внушительном количестве языков. Выбор Библии как источника для формирования корпуса основывается на том, что это одна из немногих книг, которая переведена на такое количество языков. Библия также уникальна как текст в силу своей структуры: каждый стих одинаково отмечен в любой из переводных версий (книга: глава: номер стиха). При автоматической обработке это обеспечивает однозначное выравнивание текста на уровне стихов для каждого перевода. Наряду с преимуществами в статье перечисляются ограничения использования текста Библии в качестве корпуса для систем обработки естественного языка. Среди них и то, что соотнесение разных переводов производится на уровне стиха, но не всегда один стих – это одно предложение. К тому же границы между предложениями отличаются в зависимости от языка перевода.

Авторы описывают процедуру сбора и аннотирования материала.

Собранный корпус состоит из переводов текста Библии на 100 разных языков. Большинство из этих языков ($n = 66$) не относятся к индоевропейской языковой семье, на 39 из них говорят менее 1 млн человек, 29 используют алфавит, отличный от латинского. Анализ содержания корпуса показал, что многие (45%) из доступных цифровых версий Библии являются неполными (например, на латвийском, баскском, украинском языках). Большинство текстов включает только Новый Завет. Было обнаружено также, что даже в официальных переводах присутствуют не все канонические стихи (т.е. стихи, встречающиеся в оригинальных греческом, иврите и арамейском вариантах Библии). Авторы предполагают, что это может быть связано с тем, что в некоторых переводах стихи либо опущены (как в Библии на шведском языке или на языке Маратхи), либо разделены на части (как в Библии на турецком языке), которые могут присоединяться к предшествующему или последующему стиху, что усложняет задачу соотнесения структуры текста для текстов на разных языках.

В статье приводятся результаты сопоставительного анализа двух текстов Библии на английском языке (Библия короля Иакова и Новая международная версия Библии) с тремя корпусами текстов на современном английском языке (часть «the Wall Street Journal» из корпуса «the Penn Treebank»; роман Дж. Оруэлла «1984» из корпуса «MULTEXT-East»; корпус детской направленной речи «CHILDES»). Отмечается, что, несмотря на то, что язык, на котором написана Библия короля Иакова, более архаичен по сравнению с Новой международной версией Библии, в нем все еще представлена значительная часть наиболее частотных слов, которые встречаются в трех корпусах современного английского языка.

Список литературы

Christodouloupoulos Ch., Steedman M. A massively parallel corpus: The Bible in 100 languages // *Lang. resources & evaluation*. – 2015. – Vol. 49. – P. 375–395. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10579-014-9287-y>.

SenseDefs: A multilingual corpus of semantically annotated textual definitions exploiting multiple languages and resources jointly for high-quality word sense disambiguation and entity linking / Camacho-Collados J., Delli Bovi C., Raganato A., Navigli R. // *Lang. resources & evaluation*. – 2018. – P. 1–28. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10579-018-9421-3>. – Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10579-018-9421-3#citeas> (Дата обращения: 31.01.2019 г.)

TED talks. – Mode of access: <https://ted-talks.online/category/ted-видео/ted-на-русском> (Дата обращения: 31.01.2019 г.)

Zeroual I., Lakhouaja A. MulTed: A multilingual aligned and tagged parallel corpus // Applied computing and informatics. – Elsevier, 2019. – In press. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.aci.2018.12.003>. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2210832718301881?via%3Dihub> (Дата обращения: 28.01.2019 г.)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

2019.04.012. ГРЯЗНОВА А.Т. ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: Подходы и направления. – М.: МПГУ, 2018. – 324 с.

Ключевые слова: язык художественной литературы; стилистика; лингвопоэтика; лингвистическая поэтика.

Монография состоит из предисловия, шести глав и заключения.

Монография посвящена характеристике путей развития современной лингвопоэтики и включает в себя комплекс статей, посвященных анализу языка художественных произведений русской классической и современной литературы. Особое внимание уделено лингвокультурологическому и интертекстуальному направлениям, выделившимся в рамках антропоцентрического подхода, а также конкретизации задач лингвокогнитивного исследования языковой картины мира, отраженной в художественном тексте. С этой целью в монографии обосновывается целесообразность использования термина «вербально-образная картина мира» и демонстрируется эвристический потенциал этой лингвопоэтической категории.

Лингвистическая поэтика, сформировавшаяся как самостоятельное направление филологической науки в 70-е годы XX в., претерпела ряд изменений на пути к своему современному состоянию, предполагающему множественность путей изучения языковых особенностей художественного текста. Ее становление происходило в направлении смены научной парадигмы, приведшей к уточнению формулировки цели и задач.

Она сформировалась в результате специализации такого раздела стилистики, как «Художественный стиль», характеризующего средства художественной выразительности, в первую очередь тро-

пы и фигуры с преимущественным вниманием к их лингвистической стороне. В дальнейшем на этой базе оформилась лингвистическая стилистика (лингвостилистика), в сфере внимания которой находится более широкий круг единиц различных языковых уровней от фонетического до синтаксического.

Лингвистическая стилистика изучает их в качестве инструментария, потенциально пригодного для выявления степени языковой выразительности художественного текста. Так, в сфере внимания лингвистов попадают такие явления, как, например, фонетические и словообразовательные средства выразительности художественного текста, историческая перспектива лексики и фразеологии (устаревшие и новые языковые единицы, в том числе авторские окказионализмы); транспозиция частей речи, эстетический потенциал синтаксических единиц различного типа. Таким образом, лингвостилистика не замыкается на тропах и традиционных средствах создания экспрессии: синонимах, антонимах, омонимах. Она изучает эстетический потенциал различных языковых средств, способных в художественном контексте передавать экспрессию.

Анализ использования термина «лингвистическая стилистика» в словарях и пособиях показал, что до сих пор это понятие смешивается с функциональной стилистикой, так, например, складывается ситуация с определением этого термина в *Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*, где первая часть определения характеризует задачи научной дисциплины максимально широко, а вторая трактует ее как родовое наименование ряда направлений стилистики, в том числе функциональной, которая квалифицируется как одно из направлений лингвостилистики: лингвостилистика то же, что лингвистическая стилистика. Раздел языкознания, изучающий:

1) различные стили (стили языка, стили речи, жанровые стили, стили писателей и. т.д.);

2) экспрессивные, эмоциональные. Оценочные свойства *языковых единиц* как в парадигматическом (в системе языка), так и в синтагматическом плане (в плане их использования в различных сферах общения).

В отечественном языкознании оформление лингвостилистики в отдельную науку было завершено в концепции В.В. Виноградова, различающего стилистику языка, стилистику речи и стили-

стику художественной литературы. В настоящее время в качестве самостоятельной отрасли лингвостилистики оформилась функциональная стилистика, охватывающая все аспекты функционирования языка. Для изучающих русский и иностранные языки особое значение представляет владение практической стилистикой, исследующей и рекомендующей способы и формы использования языковых средств в зависимости от содержания речи, обстановки общения, цели высказывания.

Автор отмечает, что главным объектом изучения лингвопоэтики является язык художественного текста, который понимается как целостная коммуникативная единица, характеризующаяся сложной формально-грамматической и семантической организацией своих компонентов. В рамках определенного художественного текста, его компоненты вступают в особые системные отношения, в результате чего приобретают новый, интенционально обусловленный прагматический и стилистический эффект. А предметом – способы трансформации формы и семантики языковых единиц в единый смыслообразный континуум художественного целого.

Смена взгляда на сущность и задачи лингвопоэтики стала возможной вследствие замены господствовавшей в лингвистике структурно-системной парадигмы антропоцентрическим подходом (этот процесс завершился к середине 90-х годов XX в.). Цель и задачи лингвопоэтики конкретизировались, что позволило сформулировать ее отличия от лингвостилистики. Они заключаются в том, что лингвопоэтика исследует образные средства языкового уровня в текстообразующем аспекте с учетом их влияния на порождение смысла и образности, а второе характеризует тропы, фигуры и приемы с учетом их потенциальных функций и экспрессивных возможностей в художественном тексте. Важную роль в процессе дифференциации двух научных направлений сыграла переоценка значения классических исследований языка художественных произведений Г.О. Винокура и В.В. Виноградова утверждавших, что в художественном тексте не существует безобразных слов, все они эстетически преобразованы.

В то же время их применение в процессе языкового анализа художественного текста сопряжено с рядом трудностей: дискуссионностью терминов и понятий, используемых каждой из наук; потребностью в адаптации научных методов, применяемых филоло-

гическим направлением – донором, к условиям научного направления – реципиента; необходимостью владения навыками различных видов лингвостилистического (фонетического, морфемного, словообразовательного, лексического, этимологического, морфологического, синтаксического анализа) и умением оперировать ими в комплексе с учетом литературоведческой информации, организующей верхние ярусы художественного текста – композиционно-образный и идейно-тематический.

Процесс лингвопоэтического анализа осложняется тем, что лингвистическая поэтика обладает комплексом собственных методов, среди которых выделяются трехуровневый (челночный, цилиндрический) анализ, поэтика приема и сравнительный анализ.

Метод «челночного» анализа, введенный в научный оборот Л.Ю. Максимовым, основывается на том, что текст (от лат. *Textum* – букв. сотканное) представляет собой единое структурно-семантическое целое, объединенное горизонтальными и вертикальными связями. В языковом отношении они проявляются линейным развертыванием высказывания, с одной стороны, и использованием парадигматических группировок – с другой. Синтаксическая структура текста организует его единство по горизонтали, а парадигматическая – по вертикали. Лингвистическое оформление текста используется как отправная точка анализа для выявления особенностей композиционно-образной, а затем и идейно-тематической организации текста. Затем процесс анализа осуществляется в обратном направлении. «Цилиндрический» анализ представляет собой модификацию «челночного»: исследование текста направлено от форм к содержанию, которое может быть адекватно декодировано только с учетом языковых особенностей всего текста или отдельных его единиц.

Исследование поэтики языкового приема направлено на выявление его участия в реализации идейно-художественного замысла автора. В этом смысле особенно важно обнаружить ключевые слова и доминанты его языковой организации, не фокусируя внимание на периферийных элементах.

Сравнительный метод направлен на выявление сходства и различия в языковой организации сопоставляемых художественных произведений. Основанием для сравнения могут служить

сходство тематики произведений, а также наличие между ними отношений пародирования или трансляции (перевода).

Использование этих методов изучения языка художественного текста предполагает опору на частные способы языкового анализа, что обуславливает полипарадигмальность любого из объектов лингвопоэтического анализа. Эта тенденция нашла отражение в проблематике монографии, в которой автор стремился продемонстрировать эвристический потенциал лингвопоэтических подходов с учетом реальных трудностей, возникающих при попытке их использования в процессе анализа художественных текстов русской и зарубежной литературы. Значительная часть текстов, подвергшихся лингвопоэтическому анализу, принадлежит к нереалистическим методам и направлениям: романтизму, символизму, фантастике, которые различаются временем создания, что деавтоматизирует процесс лингвопоэтического анализа и ставит перед исследователем в каждом конкретном случае новые задачи.

Так, в главе 1 «Использование метода поэтики приема в рамках лингвоцентрического подхода» отмечается, что лингвоцентрический подход предполагает анализ конкретной группы языковых средств, участвующих в процессе тексто- и стилеобразования художественного текста, с целью выявления закономерностей их участия в построении композиции, сюжета и его отдельных мотивов, образов (в том числе автора и рассказчика), формировании оценок. При этом эстетическое воздействие элементов выбранной группы (цветонаименований или глаголов действия, эпитетов или безличных предложений и др.) определяется не только художественным замыслом автора, но и спецификой того метода (направления, стиля), в рамках которого создано произведение. Общеизвестно, что классицизму присуще использование высокой лексики, романтизму – гипербол, метафор, сравнений и антитез, реализму – самых широких пластов лексики и фразеологии, позволяющих достичь жизнеподобия изображаемых картин. При этом практика анализа показывает, что в крайне редких случаях художественная задача решается с помощью однотипных образных средств как правило, она реализуется несколькими группами лингвистических единиц, невнимание к каждой из которых обедняет анализ интерпретации художественного целого. Именно поэтому лингвоцентрический подход обогащается

посредством исследования поэтики приема или комплекса приемов, выполняющих общую задачу.

Его использование в рамках лингвоцентрического подхода весьма продуктивно, поскольку образное слово в художественном тексте чаще всего реализует свой эстетический потенциал в тропических конструкциях. Понятие *художественного приема*, создателями которого являются писатели структурного направления в литературоведении, выходит за рамки традиционной поэтики. С помощью различных поэтических приемов, сознательно применяемых авторами произведений, предметы и явления реальности превращаются в факт искусств. Приемы могут быть традиционными новаторскими. К числу традиционных приемов относятся тропы и фигуры, в число новаторских могут быть включены языковая игра, связанная с ней паронимическая аттракция, синестезия и т.д., активно используемые в литературе XX–XXI вв.

Художественный прием может быть рассмотрен локально, вне связи с широким контекстом, в этом случае он является предметом рассмотрения лингвостилистики. Лингвопоэтический анализ поэтики приема (приемов) направлен на выявление жанрообразующего смыслообразующего (идиостилеобразующего) и текстообразующего потенциала комплекса однородных языковых средств, использованных автором для достижения определенного художественного эффекта. С этой точки зрения вызывают интерес языковые приемы, служащие средством создания фантастики в широком ее понимании, сатиры и иронии. Автор иллюстрирует их использование путем лингвопоэтического анализа новелл В.Ф. Одоевского.

В главе 2 «Способы реализации текстоцентрического подхода в лингвопоэтике» указывается, что суть текстоцентрического подхода заключается в том, что в фокусе внимания исследователя оказывается текст как целостное художественное произведение, отражающее мировоззрение и систему ценностей его автора. Автор делает оговорку: самостоятельность эстетических и общественных взглядов автора, как и в случае лингвоцентрического подхода, определяются его принадлежностью к литературному методу или направлению. Так, степень индивидуализации языковых средств, образов и идей в классицистических произведениях значительно ниже, чем в реалистических, где творческая индивидуальность ав-

тора проявляется в полной мере. Романтические произведения, несмотря на установку изображения исключительного героя в исключительных обстоятельствах, требуют от писателя соблюдения определенных норм построения текста, в основе которого лежит конфликт романтического героя и толпы, что определяет роль антитезы как эстетической доминанты произведений этого литературного направления.

Далее отмечается, что выявление эстетической доминанты, которая может приобретать разнообразные языковые формы (от фонетических до грамматических) и не быть вербализовано в тексте. Задача исследователя в таком случае обнаружить ее путем выявления повторяющихся компонентов смысла языковых единиц различных уровней.

Анализ ключевых слов художественных текста с этой точки зрения более прост: ключевые слова обычно обладают в тексте достаточно высокой частотностью, являясь одновременно его образными, композиционными и идейными центрами. Они характеризуются максимальным числом разнообразных валентностей: фонетической, словообразовательной, тропической и др.

В рамках данного подхода возможен анализ синтаксической структуры художественного текста с точки зрения его языковой композиции (если речь идет о поэтическом тексте) или отдельных его элементов (в прозаическом тексте).

При изучении конкретного художественного текста подходы могут вступать во взаимодействие, что отразилось в наблюдениях над организацией текстов И.Ф. Богдановича и Н.А. Некрасова. В любом случае, какой бы принцип анализа ни был выбран, задача исследователя – выявить глубинные структурно-семантические принципы художественного текста и объяснить их функции в реализации творческого замысла писателя.

В главе 3 «Место лингвокультурологического направления в рамках антропоцентрического подхода» отмечается, что антропоцентрический подход в лингвопоэтике возник приблизительно в одно время со становлением антропоцентрической парадигмы в лингвистике и потому автору кажется справедливым включить в него лингвокультурологическое направление, получившее свое название по имени филологической науки, методы которой активно осваиваются лингвистикой текста.

Во-первых, это национально-специфическая (безэквивалентная и частичноэквивалентная) лексика, среди которой велико число диалектных и устаревших лексем, трудных для понимания культурно и лингвистически неподготовленного читателя. В эту группу попадают не только иностранцы, но и школьники, студенты, носители русского языка, далекие от филологии и истории. Без знания реалий невозможно не только адекватно воспринять картину мира и оценить систему ценностей представителей изображаемой вторичной действительности, но и воспринять эстетическую сторону текста, интерпретировать его сюжет. Исследования выполняемые в рамках данного направления, как и в случае с изучением языка нереалистических направлений литературы, требуют культурологического (исторического, литературоведческого, биографического) комментария, который представляет собой важную часть наблюдений.

Другим аспектом лингвокультурологического направления служит изучение культурно-языковых кодов, представляющих собой систему единиц различных языковых уровней, связанных различными типами отношений, используемых в рамках данного национально-культурного сообщества для интерпретации явлений окружающей действительности. Так, в русской языковой картине мира вода символизирует пустословие, огонь – страсть, зола – остывшие чувства, береза – юную, стройную девушку или Россию и т.п. В художественных произведениях авторы создают собственные культурно-языковые коды, подлежащие расшифровке, необходимой для адекватного понимания авторского замысла. Главная проблема исследований такого рода – отсутствие полного перечня культурно-языковых кодов и методики их исследования на материале художественного текста.

В исследованиях лингвокультурологического направления уместен сравнительный метод, который используется, если стоит задача выявления эквивалентности перевода оригиналу. Равноценность перевода обуславливается воссозданием в нем таких элементов семантики оригинала, как денотат (тема); сигнификат (идея); структурный компонент (место произведения в культурном и историческом контексте; традиционализм / новаторство поэтики, в том числе языковых средств выразительности; наличие у автора подлинника литературных последователей, в том числе в литературе

языка перевода); коннотат (эмоция, экспрессия, стилистическая окраска); национально-культурный компонент.

Исследования такого рода приобрели в последнее время особую популярность, что объясняется, согласно мнению автора, не только активизировавшимися процессами межкультурной коммуникации, но и падением культурной грамотности носителей русского языка.

В главе 4 «Коммуникативный подход в аспекте передачи различных видов информации художественного текста» показано, что суть коммуникативного подхода заключается в выявлении каналов передачи автором читателю различного рода информации. Типы информации к настоящему времени подробно описаны в работах И.Р. Гальперина, С.Ф. Гончаренко, А.М. Камчагнова. Суммируя наблюдения исследователей, автор делает вывод о том, что они весьма разнообразны. Содержание произведения вербализуется в языковых сигналах, формирующих содержательно-фактуальную информацию, связанную с темой и сюжетом произведения. Содержательно-концептуальная информация представляет собой смысл произведения, который выводится читателем с помощью анализа элементов сюжета (мотивов, сюжетных линий) и коннотированной, в первую очередь оценочной, лексики. Для адекватного восприятия этого вида информации читатель должен обладать необходимой базой фоновых знаний. Подтекстовая информация может быть получена путем анализа национально-культурного компонента текста, а также историко-литературного контекста. Эстетическая информация, существующая в ряде вариантов, может быть собственно эстетической, катартической, гедонистической, аксиологической, суггестивной. Она в комплексе с содержательно-концептуальной информацией составляет коммуникативное ядро художественного текста.

Особым способом коммуникации автора с читателем и коллегами по перу служит интертекстуальная организация текста. Она реализуется в использовании автором текста-реципиента элементов текстов-доноров. Степень присутствия претекста текста-донора в тексте-реципиенте может быть различной: в виде атрибутированных и неатрибутированных цитат, воспроизведенных дословно и с учетом трансформаций, реминисценций, аллюзий, центонных текстов. Наряду с маркерами собственно интертекстуальности, в тек-

сте-реципиенте могут быть использованы паратекстуальные, метатекстуальные, гипертекстуальные и архитектстуальные элементы, которые в комплексе участвуют в расширении художественного пространства, используемом автором с различными эстетическими и идейными целями. При этом автор может общаться с собеседником, приняв вид вымышленного персонажа, чей характер радикально отличается от его собственного.

В главе 5 «Проблематика речеведческого (жанрово-стилевого) направления» говорится о том, что название этого направления весьма условно, поскольку художественную речь в той или иной степени изучают и другие направления лингвопоэтического анализа, а выявление жанра и стиля исследуемого произведения только часть задач, решаемых им.

К их числу, по мнению автора, относится выявление литературного метода, которым написано произведение или литературного направления, в рамках которого оно создано. Исследования этого типа актуальны при анализе произведений тех писателей, которые на протяжении жизни меняли эстетические взгляды.

Е.А. Казак

УРОВНИ ЯЗЫКА

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА

2019.04.013. Е.П. ПОПОВА. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ: История, современность и перспективы.

Ключевые слова: юридическая терминология; специальная лексика; юрислингвистика; детерминологизация текста.

Аннотация. Юридическая терминология более, чем какая-либо другая, подвержена изменениям под давлением экстралингвистических факторов, поскольку она является отражением постоянно изменяющихся общественных отношений. Этот факт обусловлен основной функцией правовой лексики – обслуживать отношения государства и граждан практически в каждой области жизни: торговой, частной, военной, медицинской и т.д. Таким образом, юридическая терминология не используется исключительно в профессиональных кругах, а ее широкое употребление в бытовой сфере далеко за пределами юридических документов приводит к взаимопроникновению естественного и юридического языков. В данной работе предпринимается попытка проследить историю взаимоотношений общеупотребительной и правовой лексики, выявить глубину такого взаимодействия на современном этапе и определить возможные перспективы его развития.

Введение

Дискуссии о соотношении терминологии, специальной и общеупотребительной лексики ведутся на страницах научной литературы несколько десятилетий, тем не менее статус терминологичес-

ких и специальных единиц, их функция и место в словарном составе языка в целом остаются спорными. Исследования, проводимые в области юридической лингвистики, вносят существенный вклад в общую полемику о взаимоотношении естественного и юридического языков, дополняют и упорядочивают уже полученные знания о лексемах с правовой семантикой. Юрислингвистика является новой отраслью социальных и лингвистических исследований, научные интересы которой располагаются на границе изучения языка и права. Специалисты данной области применяют как традиционные, так и новые методы и инструменты к изучению материалов юридических коммуникаций, лингвистической экспертизы, юридического письма, языковой политики и юридического образования. Одним из разделов этой новой научной дисциплины является терминологическое, переводческое и лексикографическое обеспечение юридической деятельности.

Особое внимание уделяется вопросам взаимоотношения общеупотребительной и юридической лексики (см., например, работы В.И. Иконниковой [Иконникова, 2009], Н.Д. Голева [Голев, 2000, с. 8–40], И.И. Чироновой [Чиронова, 2007], С.П. Хижняка [Хижняк, 1997]). Результаты исследований приводят к выводам о широкой распространенности юридической терминологии за пределами профессиональной среды, жанровом многообразии текстов правовой направленности и о взаимовлиянии источников права и языка, которым они изложены.

На данном этапе исследователи выделяют два аспекта взаимодействия специальной и общеупотребительной лексики: 1) естественный язык является объектом правового регулирования; 2) естественный язык является средством реализации правовой деятельности и субстратом выражения ее результатов, и, следовательно, составляет юридический текст [Голев, 2000, с. 8–40].

Такая взаимозависимость естественного и юридического языков неизбежно приводит к проникновению лексем с правовой семантикой в обыденную жизнь и появлению текстов различной степени юридикации:

1. Максимально терминологизированных текстов: они являются результатом правотворческой деятельности и последующей лингвистической экспертизы, в ходе которой отслеживаются при-

оритет терминов и периферийный статус общеупотребительной лексики.

2. Текстов средней степени терминологизации, т.е. текстов для нужд служебной переписки, связанной с правоприменением. Такие тексты не исключают частое обращение к общеупотребительной лексике.

3. Текстов юридического предназначения, имеющих степень терминологизации ниже средней и отражающих обыденные представления языковой личности о юридическом языке.

4. Текстов минимальной степени терминологизации и созданных вне юридического функционирования [Голев, 2000, с. 8–40].

Различия в степени терминологизации текстов правовой направленности говорят о том, что взаимодействие современного общеупотребительного и юридического языков неоднородно и зависит от жанра текста. Обзор исторических памятников английской юридической литературы также позволяет делать выводы о нестабильном соотношении общих, специальных и терминологических языковых единиц на разных этапах их эволюции и ставит вопрос о месте правовой лексики в языке в целом.

Для более полного представления о важности поставленного вопроса в начале данной работы предпринимается попытка определения места правовой лексики в современном английском языке с опорой на данные тезаурусной лексикографии, а затем дается краткий экскурс в историю правовой лексики в соотнесении с историческими этапами права в целях наглядного сравнения.

Статус лексем с правовой семантикой

Стилистически нейтральная лексика является базовым компонентом современного английского языка. Она лишена экспрессивно-эмоциональной окраски и может быть использована в любом функциональном стиле, в том числе и в официально-деловом, используемом для коммуникации в официальной обстановке (в сфере делопроизводства, законодательства и административно-правовой деятельности). Этот стиль характерен для текстов документов (законов, приказов, постановлений и т.д.), т.е. текстов максимальной и средней степени терминологизации, в которых используется специальная юридическая лексика [Попова, 2017].

В составе специальной лексики, применение которой ограничено определенной областью знаний, выделяются, в частности, термины и профессионализмы. Дальнейшая дробная рубрикация приводит к различению в ее составе терминов, терминоидов, предтерминов, квазитерминов, прототерминов и профессионализмов [Гринев-Гриневиц, 2008].

В самых общих чертах термин определяется как специальная единица, номинирующая понятие определенной области познания или деятельности. Термин исполняет функции элемента теории, описывающей определенную специальную сферу человеческих знаний или деятельности. Таким образом, различаются термины категорий: общенаучные, общетехнические, межотраслевые и специальные. Каждый из них должен соответствовать ряду требований, так называемому «порогу терминологизации». Главным и общим из этих требований является тематическая специфичность употребления [Чиронова, 2007].

Если обратиться к ресурсам словаря «Oxford English Dictionary» (далее: OED), в частности к разделу Historical Thesaurus, можно наблюдать расположение английской специальной правовой лексики в составе корпуса современной общеупотребительной лексики. Лексические группы, содержащие правовую лексику, имеют сопряженные границы и даже области с лексическими группами из сферы морали, религии, достоинства, веры и совместно с ними входят в наиболее крупное объединение слов *Society* («Общество») [Oxford English dictionary online, 2019].

Такое объединение лексических единиц имеет как лингвистическую, так и социальную обусловленность, которая может быть выявлена при анализе взаимодействия социальных и языковых факторов на разных этапах становления корпуса английской правовой лексики.

Данные тезауруса Oxford English dictionary online (OED) об областях, включающих лексику с правовой семантикой, могут быть представлены графически с оговоркой о том, что границы между лексико-семантическими полями являются предельно условными и подвижными:

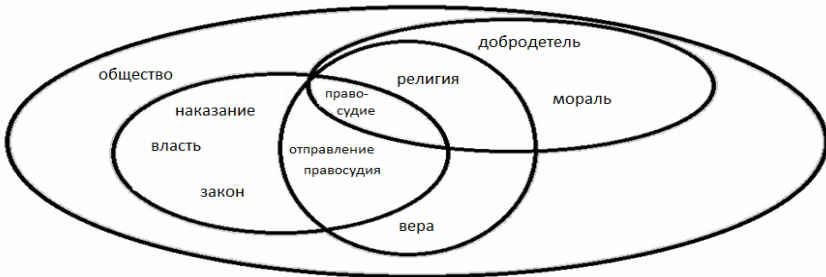

Рис. 1. Схематическое изображение таксономических отношений в группе *Society* («Общество»)

Такая условная иерархическая организация лексики позволяет выделять конкретные ассоциативные отношения, присущие определенной тематической сфере (например: *court room* «зал судебных заседаний» – *trial* «судебный процесс» – *accused* «обвиняемый» – *judgment* «решение суда»). Закрепление лексической единицы на определенном уровне отношений в тезаурусе дает возможность судить о смысле данного слова через призму семантических отношений, в которые это слово вступает (см., например: [Historical thesaurus of English, 2009; Longman collocations dictionary and thesaurus, 2013; Roget's thesaurus of English words and phrases, 2004]). В случае со специальной правовой лексикой, которая объединяет профессионализмы и терминологию, иерархические отношения построены по принципу подчинения специальных единиц общеупотребительным и не исключают взаимопроникновения ввиду прозрачности границ семантических полей. Кроме этого, семантические поля с доминантами *punishment* «наказание», *law* «закон», *authority* «власть», *justice* «правосудие» и т.д. включают в себя лексику с оценочной коннотацией, т.е. стилистически маркированные языковые единицы.

Причины взаимодействия общеупотребительной и правовой лексики

Для понимания причин взаимопроникновения общеупотребительной и правовой лексики, которое можно наблюдать в тезаурусах и юридических текстах, следует обратиться к истории этих

отношений, а именно к эволюции обыденного правового сознания, которая происходила в первую очередь под давлением экстралингвистических факторов. При исследовании состава корпуса правовой лексики на разных исторических этапах также становятся явными взаимоотношения религии, морали, общественных отношений и права.

Интенсивность влияния экстралингвистических факторов на разных этапах эволюции профессиональной английской юридической лексики можно проследить, обратившись к сводной периодизации истории права и истории английского языка (см. табл.) [Попова, 2017].

Таблица

Сравнительная датировка периодов истории английского языка и английского права

№	История языка		История права	
	1	До середины XI в.	древнеанглийский период	До середины XI в.
2	Середина XI – конец XV в.	среднеанглийский период	Середина XI – конец XV в.	<i>Norman feudalism (early common law)</i> – ранненормандский период
3	Конец XV – начало XVII в.	ранненованглийский период	Конец XV – начало XIX в.	<i>Later medieval common law</i> – выделение статутного права
4	Начало XVII в. – по настоящее время	поздненованглийский период	Начало XIX в. – по настоящее время	<i>Modern common law</i> – современный период

Данная периодизация базируется на определенной общности датировок, но не является их отождествлением: язык и социум развиваются по разным законам, и взаимодействие языковых и исторических процессов проявляется лишь в плане лексики. Тем не менее социальная обусловленность внутриязыковых изменений особенно отчетливо проявляется в формировании правовой лексики (и, в дальнейшем, юридической терминосистемы) английского языка. Экстралингвистические данные исключительно важны при изучении англоязычной правовой лексики, референтная область которой отражает не только узкоправовые, но и общественные отношения в целом.

Согласно сводной периодизации, временные рамки древнеанглийского периода истории английского языка практически полностью совпадают с рамками англосаксонского периода истории права – целой эпохи в истории Англии от V в. до середины XI в. Важным историческим моментом, связанным с формированием правового пространства англосаксов, стало распространение христианства на территории древней Англии, которое было идеологической опорой для укрепления государственного строя.

Основной массив единиц, обслуживавших сферу права в древнеанглийский период, отражал бытовые представления (которые можно отнести к донаучному периоду истории науки). Такие лексемы находились в составе корпуса общеупотребительной лексики и были практически неотделимы от нее стилистически и функционально. Так, например, вышедшая из употребления лексема *æ (w)* «закон, обычай, брак» отражала индивидуальное и общественное мышление в области права и могла рассматриваться в качестве ключевой при определении понятия англосаксонского права. Данная единица являлась одним из центральных элементов нескольких лексических объединений: *faith* «вера», *lagu* «закон», *gódnæs* «мораль», *ealdor-dóm* «власть», *wedlāc* «брак», и *dōm* «судьба, указ, закон» [Oxford English dictionary online, 2019].

В течение некоторого периода времени в древнеанглийском языке исконное германское слово *æ (w)* сосуществовало с восточноскандинавским *lagu* «закон». Начало контактов со скандинавами привело к заимствованию ряда слов, призванных обслуживать сферу регулирования взаимоотношений между народами. В результате исконные и заимствованные единицы приобретали своего рода специализацию употребления. Так, *æ (w)* стало означать «закон вообще» и, в частности, – «законы божеские», в то время как *lagu* в большинстве текстов имело значение, аналогичное современному *law* («человеческие законы»): *Drihten, min God; ic hæfde geteohhod, and gy thæbbe, þæt ic scyle healdan þine æ symle on minre heortan.* (*Oh Lord, my God, I am prepared ... that I should keep your law close to my heart.*) «Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце» (перевод наш. – Попова Е.П.) [The Paris Psalter manuscript, psalm 39, 2018].

Поскольку общество руководствовалось обычаями – системой первичных мононорм (правил поведения) для упорядочения

хозяйственных, бытовых, семейных и религиозно-ритуальных отношений, – в отсутствие системных исследований в области права общеупотребительная лексика привлекалась для обозначения специальных социальных и правовых отношений.

В данный период обнаруживается присутствие лексики, детально номинирующей виды преступников и наказаний, что свидетельствует в пользу знакомства древнего народа с соответствующими времени судебными принципами адекватности и доказанности. Представления о процессах законотворчества и законоприменения определялись моральными и религиозными устоями общества. В такой системе право было практически неотделимо от норм религии и морали и базировалось на дихотомии «свой – чужой», что отражено в корпусе общеупотребительной многозначной лексики древнеанглийского периода: *gōd* «подходящий, справедливый» – *wrang* «неподходящий, несправедливый»; *efen* «беспристрастный, справедливый, правдивый» – *unefen* «несправедливый»; *maect* «моральное полномочие, право» – *miss* «недостаток, ошибка, злой умысел» [Попова, 2017].

Лексикой древнеанглийского периода, обслуживавшую отношения между гражданами, можно признать, таким образом, общеупотребительной. При этом обзор данного лексического пласта указывает на способность отражать правовые начала в следующих областях:

1) отправление правосудия (*démend* «судья», *folcgemōt* «закондательный орган», *aalfæt* «ордалия», *gebannan* «отдавать приказ о явке на судебное заседание» и т.д.);

2) церковное право (*æ (w)* «закон, обычай», *cyriceawe* «брак, признаваемый церковью», *absolution* «освобождение от ответственности, долгов, наказания», *acuste* «обвинять», *ælmesse* «дар, благотворительность, договор дарения» и т.д.);

3) брачные и наследственные отношения (*fæderenfeoh* «собственность, передаваемая отцом дочери в день ее бракосочетания, приданое», *æwfæst* «связанный узами брака, женатый, замужем», *wedlāc* «законный брак» и т.д.);

4) имущественные отношения (*botlgestreōn* «богатство, собственность», *ār* «недвижимость», *cwicfeoh* «скот», *æht* «землевание» и т.д.);

5) виды преступников и наказаний (*ceāpgyld* «компенсация за краденое имущество», *weregyld* «компенсация за убийство», *hættian* «снятие скальпа преступника», *synsceaþa* «совершивший умышленное преступление», *þeōdsceaþa* «совершающий преступление против общества, возмутитель порядка», *sæþeōf* «пират, грабитель на море» и т.д.) [Bosworth–Toller Anglo-Saxon dictionary, 2019].

Правовая лексика древнеанглийского периода также изобилует примерами метафоры и метонимии. Номинация правовых реалий на данном этапе происходила по ассоциации и с опорой на наивное (бытовое) представление о мире и выполняла номинативную, характеризующую, идентифицирующую или классифицирующую функцию: *alms* «имущество, полученное в дар» <*alms* «милостыня, благотворительность», *lord* «муж» <*lord* «господин, повелитель», *house* «заведение, место для ведения переговоров и приема посетителей» <*house* «дом», *niman* «красть» <*niman* «брать в руки». Метафора также служила источником полисемии слова: *rechtwis* «законный; правомерный» <*rechtwis* «правильный», *play* «использование оружия, упражнение с оружием» <*play* «забава; представление, спектакль».

Примеры метонимии особенно обширны в группе слов, указывающих на виды наказаний: *limlæw* «наказание, при котором преступника намеренно калечили» <*lim* «конечность, часть тела» + *læw* «рана, увечье», *heāfodstoc* «шест, на котором выставляли на всеобщее обозрение отрубленную голову преступника» <*heāfod* «голова» + *stoc* «шест», *hættian* «снять скальп преступника в качестве наказания» <*hæt* «шляпа» [Bosworth–Toller Anglo-Saxon Dictionary, 2019].

Ранненормандский период истории права – это второй период становления общего права (*early common law*). В отличие от такой научной дисциплины, как история языка, где границы между периодами крайне размыты, так как опираются на языковые изменения, история права определяет свои рамки довольно четко благодаря датам фактических событий в обществе. Так, ранненормандским считается период от 1066 г. до установления династии Тюдоров в 1485 г. Его можно условно соотнести со среднеанглийским периодом в истории английского языка.

В Средние века на территории Англии происходит преодоление сопротивления местных обычаев и утверждение нового, едино-

го для всей страны государственного и судебного порядка путем проведения реформ. Создаются условия для номинации правовых понятий под влиянием новых тенденций в политике, церковных делах, торговле и семейном укладе. Вследствие замещения старых реалий новыми, принесенными нормандцами, изменяется и набор номинативных единиц, использовавшихся в правовой сфере. С середины среднеанглийского периода происходит унификация норм обычного права, вырабатывается единообразный способ подачи и рассмотрения жалоб, формируется начальная база для создания общего права. Происходит историческая смена бытовых понятий специальными и начинается процесс отбора и накопления лексики, способной максимально точно вербально обозначать новые реалии. Таким образом, закладываются основы профессиональной лексики, которая постепенно вытесняет общеупотребительную лексику из сферы профессионального общения. Общеупотребительная лексика при этом оставалась источником правовой терминологии. Многозначные слова с конкурирующими (общим и специальным) значениями некоторое время могли функционировать в языке, постепенно приобретая специализацию (ср., напр.: *mittimus* «увольнение» > «предписание (приказ) суда о переводе в другой суд», *monish* «предостережение, обращение к разуму» > «вынесение судом предупреждения за проступок», *legitime* «законнорожденный (родители состоят в браке)» > «законный (не противоречит законодательству)», *libel* «трактат, научный труд» > «первое заявление истца, обвинение» > «клевета в письменной форме») и т.д. [Oxford English dictionary online, 2019].

Постепенная централизация власти, отход от бытовых представлений о праве, судебная реформа и определение функционала правоведов создали условия для формирования особого языка, способного обслуживать новую профессиональную область. Тем не менее лексика, использовавшаяся в нормативных документах и на судебных процессах в среднеанглийский период, не может быть определена как терминологическая, поскольку ее употребление было бессистемным и юриспруденция представляла скорее совокупность практик, нежели теоретическую дисциплину.

Процесс оттачивания языка правоведов потребовал задействования всех доступных способов пополнения словаря – как внешних, так и внутренних: заимствования, деривации, словосложения и

изменения семантической структуры слова. По сравнению с древнеанглийским периодом происходит значительное увеличение объема лексических групп, отражавших правовые реалии этого периода [Попова, 2017].

В данный период семантические переносы (метафора и метонимия) способствуют удержанию общеупотребительной лексики в сфере права. Метафора по-прежнему остается источником полисемии слова: *amys* «проступок» < *amys* «ошибка», *partyngе* «компаньонство, партнерские отношения» < *partyngе* «разделение на мерные части».

Метафора широко использовалась также с целью эвфемизации: в связи с общим утончением форм быта и формализацией правовых отношений эвфемизмы были призваны устранить просторечные слова из сферы правовой коммуникации: *familiarite* «прелюбодеяние» < *familiarite* «близкое знакомство», *tomolefy* «смягчать суровое наказание» < *tomolefy* «размягчать, задабривать», *tostrik* «казнить» < *tostrik* «нанести удар» [Oxford English dictionary online, 2019].

Не менее многочисленны примеры метафоризации, механизмы которой хорошо прослеживаются в композитах по типу бахуврихи: *euell-willi* «желающий зла, злоумышленный» (букв. «корзина, полная зла») < *euell* «злой» + *willi* «корзина»), *kynde-witted* «здравомыслящий, мудрый» (букв. «с добрым умом») < *kynde* «добрый» + *witted* «ведающий, обладающий знаниями».

Третий период истории права продлился с 1485 до 1832 г. и был признан расцветом общего права (*later medieval common law*), которое, однако, было вынуждено пойти на компромисс с дополнительной правовой системой, нашедшей свое выражение в «нормах справедливости» (*equity* «справедливость»). *Equity law* (право справедливости) развивалось параллельно с общим правом как набор максим добропорядочности и непредвзятости, стоящих над законом и являющихся источником истины для общегражданских законов. Это – этап усиления ветви судебной власти, отделения церкви от судопроизводства и развития правовых научных теорий.

Конец XV – начало XVII в. также условно определяют границы ранненовоанглийского периода в истории английского языка. Формирование научно-теоретических основ потребовало выработки соответствующего профессионального словаря юристов (прото-

научный период). Созданы условия для вытеснения латинского и французского языков из судопроизводства и предпосылки для унификации текстов в нормативных документах, нормализации и стандартизации стиля, соблюдения точности и четкости формулировок. Ранненовоанглийский период можно охарактеризовать как рубежный между завершением процесса отбора прототерминов и началом формирования юридической терминологии. Общеупотребительная лексика оказывается вытесненной на периферию сферы профессионального общения юристов или принимает узкоспециальные значения, например: *desert* «покинуть, оставить в беде» (XII в.) > «дезертировать» (XV в.), *precedent book* «записная книжка» (XIII в.) > «сборник судебных прецедентов» (XVI в.) [Oxford English dictionary online, 2019].

Постепенная специализация лексики, обслуживавшей сферу правовой коммуникации, обусловила закрепление общеупотребительной лексики на периферии профессионального общения и в речи непрофессиональных участников правовых отношений.

Метафора и метонимия в данный период тем не менее оставались востребованными механизмами словопроизводства для нужд правовой сферы. Результатом их применения становились полисемия слова или распадение слова на омонимы. В зависимости от текстуального окружения слово могло быть признано общеупотребительной или специальной единицей, например: слово *wyndefall* «неожиданное (в том числе, неосновательное) приобретение» <*wynde* «ветер» + *fall* «падение») закрепилось в профессиональной речи юристов в качестве термина, указывающего на неожиданное обогащение или незаконное взимание дополнительных средств при оказании какой-либо услуги.

Реализация переосмысления денотата через призму оценочного, чувственного или образного представления происходила с использованием механизмов метонимии: *head-worker* «интеллектуал, работник умственного труда» < *head* «голова» + *worker* «рабочий», *head-wise* «умный, образованный» < *head* «голова» + *wise* «мудрый», *long-robeman* «юрист» < *long* «длинный» + *robe* «мантия, широкая одежда» + *man* «человек».

Можно утверждать, что к XVII в. речь юристов преимущественно состояла из прототерминов, которые еще не приобрели системных связей в профессиональной лексике ввиду отсутствия тео-

ретических научных исследований в области юриспруденции, но имели закрепленную область употребления в профессиональной сфере.

К XVIII в. на фоне сокращения прилива иноязычных заимствований нейтральная лексика становится одним из основных источников терминологии, что сохраняет нечеткой границу между юридическим терминологическим пластом и общеупотребительной лексикой (например, *bluebag* «портфель адвоката», который остается характерным символом работы современного барристера). Вероятно, со временем переосмысление *bluebag* положило начало широкому использованию *brown bag meetings* «переговоры в неформальной обстановке» [Oxford English dictionary online, 2019].

В правовой лексике этого периода также присутствуют номинанты стихийно формирующихся и неоднозначно трактуемых понятий, не обладающих четкими признаками термина, которые получили название терминоидов. Например, к разряду терминоидов можно отнести композит *abdication address* «документ, содержащий речь монарха, отрекающегося от престола», впервые зафиксированный в письменных источниках в 1701 г. С тех пор появилось еще несколько вариантов наименования данного документа: *abdication bill*, *abdication speech* и *abdication notice*.

Современный период истории англосаксонского права (*modern common law*) может быть соотнесен с поздненовоанглийским периодом истории английского языка. Этот этап ознаменован рядом реформ с конца XIX по конец XX в., которые были призваны произвести максимально возможное разделение и специализацию законодательной и судебной власти. Результатом стало не только фактическое процессуальное слияние права справедливости и общего права, но также доступ для простых граждан к системе правосудия в целом, который был прежде ограничен особыми процессуальными формами (формами иска), например: *Debt* «иск о взыскании долга», *Detinue* «иск о возвращении незаконно удерживаемого движимого имущества», *Covenant* «иск о договорных обязательствах», *Special Assumpsit* «иск об убытках из нарушения положительно выраженного обязательства», *General Assumpsit* «иск об убытках из неисполнения подразумеваемого обязательства», *Trespass* «иск о противоправном нарушении владения. Каждая форма иска требовала особого делопроизводства, в результате чего

обращение в суд *pro se* – от своего лица, без адвоката, было абсолютно невозможным.

В судебной практике реформа означала отказ от процессуального словесного турнира, отшлифованного веками ораторского искусства, которое требовалось постигать десятилетиями. Из технического и формального анализа формулировок судебное рассмотрение дела превратилось в рациональное исследование сути дела, что открыло доступ к правосудию простым гражданам. Реформы, таким образом, проложили путь к упрощению и частичной деформализации делового стиля.

Правовая лексика современного этапа характеризуется сложившейся системой терминов, пополняемой преимущественно *ad hoc*. Периферия профессиональной коммуникации представлена словами, называющими устаревающие реалии, единицами неправовой семантики, приобретающими в контексте специфические значения, и идиомами.

Детерминологизация юридического текста

Особый интерес в контексте современного состояния англоязычной юридической практики, а именно широкого использования правовых текстов с низким уровнем терминологизации, вызывает тенденция к своеобразной «детерминологизации» текста и к возврату к естественному языку. В среде юристов – носителей английского языка все чаще поднимается вопрос о неоправданной, с их точки зрения, перегруженности юридических документов сложными языковыми конструкциями. Присутствие дуплетов (*lawful / legitimate* «законный», *career / profession* «профессия», *occupation / vocation* «направление профессиональной деятельности»), идиом (*on all fours* «тождественный») и неясная пунктуация скорее препятствуют скорому разрешению правового вопроса, нежели способствуют ему (см., например, работы: [Haigh, 2015; Wydick, 2005]).

Одним из примеров такого максимально терминологизированного и тяжелого для восприятия читателю, незнакомому с юридическими текстами, хотя и являющемуся субъектом данных правовых отношений, может служить отрывок из завещания:

«I give and bequeath to _____ of _____ the sum of _____, to be his absolutely and forever, if he be living ninety (90) days after my

death..., all of said rest, residue and remainder of my property which I may own at the time of my death, real, personal and mixed, of whatsoever kind and nature and wheresoever situate, including all property which I may acquire or to which I may become entitled after the execution of this will, absolutely and forever, to _____... in witness whereof, I have hereunto set my hand and seal at _____, this ____ day of _____» «Я отдаю и завещаю _____ из _____ сумму _____, навсегда и в его полное распоряжение и, если он будет жить через девяносто (90) дней после моей смерти..., весь указанный остаток моего имущества, которым я могу владеть во время моей смерти, будь то личное, движимое и недвижимое имущество любого рода и характера, в любом месте, включая все имущество, которое я могу приобрести или на которое я могу получить право после исполнения этой воли, без исключений и навсегда... в подтверждение чего я собственноручно подписываю и скрепляю настоящий документ своей печатью, в этот ____ день» (перевод наш. – Попова Е.П.)» (Heward 1990).

Новая тенденция в практике юристов – *Plain English* «простой язык» – основывается на том, что их деятельность обслуживает сферу правовых отношений в обществе, а значит, речь должна быть доступной максимальному количеству желающих участвовать в них. Такой подход избавляет современных участников правоотношений от прежних представлений о юридических документах как запутанных (иногда намеренно), сложно структурированных и максимально терминологизированных текстах.

Сторонники упрощения правовой коммуникации выдвигают новые требования к юридическому тексту:

- 1) четкость языковых конструкций;
- 2) краткость;
- 3) предпочтение активного залога пассивному (*the company wil l hold a meeting* «компания проведет собрание» vs *the meeting will be held* «собрание будет проведено»);
- 4) нацеленность на потребителя (необходимо учитывать, что текст могут читать непрофессионалы);
- 5) простота изложения (*despite* «несмотря на» vs *not with standing the fact that* «несмотря на то, что»);
- 6) использование специальных слов по мере необходимости, а не для красоты изложения;

7) предпочтение утвердительных конструкций отрицательным (*reasonable* «целесообразный» vs *not unreasonable* «не лишенный оснований»);

8) предпочтение английских слов латинским (*method* «метод, порядок работы» vs *modus operandi* «метод, порядок работы»);

9) по возможности исключение омофонов из текста (*principal* «начальник, директор» vs *principle* «принцип; основа»);

10) объем абзаца должен определяться не положением на странице и ненужностью соблюсти структурный и визуальный баланс частей текста, а законченностью мысли.

Первые примеры детерминологизации и деформализации юридических текстов наблюдались уже в середине XX в. (см. решения судьи *Chief Judge Benjamin Cardozo no делу Palsgraf v Long Island Railroad Co., 248 N.Y. 339, 162 N.E. 99 (1928)* и судьи *Lord Denning* по делу *Beswick v Beswick (1967) UKHL 2 (1968)*, принявшие форму простого повествования о событиях, приведших граждан в суд). Лорд Деннинг (*Lord Denning*) был убежден, что как судья он обязан излагать свои постановления в доступной форме, поскольку если народ не будет понимать причины принятия тех или иных судебных решений, он также не будет понимать, что есть справедливо и правильно, а значит, не будет следовать принятым в суде решениям [Heward, 1990].

Судебные решения Судьи Кардозо (*Chief Judge Benjamin Cardozo*) отличаются простотой фраз, свободой от излишней формализации и экономией слов. Вместо *despite the fact that the train was already moving* «несмотря на тот факт, что поезд уже находился в движении» он пишет: *though the train was already moving* «хотя поезд уже двигался» (перевод наш. – Е.П. Попова). Во всех своих текстах судья старается избегать канцеляризм (например: *hereinbefore* «выше в данном документе») и больших промежутков между подлежащим и сказуемым. Одной из характерных черт его текстов является краткость: в его самом коротком предложении шесть слов, а максимально длинном 27.

Если тенденция к применению «простого английского» в юридических текстах будет воспринята лингвоправовым сообществом, следует ожидать прилива общеупотребительной лексики в сугубо профессиональные тексты и выход последних из разряда максимальной степени терминологизации.

Заключение

Очевидно, что изучение истории английской правовой терминологии не может происходить в отрыве от истории англосаксонского права и истории английского языка. Такой комбинированный подход способствует выявлению причин соотношения общей и специальной лексики на каждом историческом этапе. По результатам таких исследований можно также утверждать, что содержание корпуса профессиональной правовой лексики зависит от уровня представлений общества о справедливости, адекватности и своевременности процессов отправления правосудия, роста теоретических знаний и систематизации отраслей права.

Семантическое наполнение современного пласта специальной лексики демонстрирует общую преемственность правового сознания носителей языка со времен древнеанглийского периода. Об этом свидетельствуют такие многочисленные сохранившиеся и активно используемые слова, как: *law* «закон», *privilege* «привилегия», *right* «право», *wrong* «вред», *mail* «рента», *offer* «оферта», *sit* «засесть», *breach* «нарушать», *even* «справедливый» и др. Все перечисленные лексические единицы были заимствованы из общеупотребительной лексики, что указывает на нее как основной источник юридической терминологии.

Теоретическая база и практический опыт современных англоговорящих юристов отражены в сложившейся юридической терминологии и обслуживаются еще более богатым корпусом профессиональной лексики. Специальная лексика на сегодняшний день развивается как за счет внешних источников (заимствования), так и внутренних ресурсов (деривация, аббревиация, конверсия и т.д.), а также черпает новые единицы из массива общеупотребительной лексики путем сужения или расширения семантики лексических единиц.

Список литературы

Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика. – Барнаул: Алтай. гос. ун-т, 2002. – № 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – С. 8–41. – Режим доступа: http://siberia-expert.com/load/nomera_zhurnalov/1-1-0-5

Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2008. – 304 с.

Иконникова В.И. Взаимодействие и взаимовлияние англоязычных правовых терминосистем: Принцип системности [Электрон. ресурс] // Вестн. ННГУ. – 2009. – № 6(2). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-i-vzaimovliyanie-angloyazychnyh-pravovyh-terminosistem-printsip-sistemnosti> (Дата обращения 23.10.2018.)

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 367 с.

Попова Е.П. Становление английской юридической терминологии. – М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2017. – 132 с.

Хижняк С.П. Юридическая терминология: Формирование и состав. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1997. – 137 с.

Чиронova И.И. Сопоставительный анализ юридических терминов в английском и русском языках: Возможности и перспективы // Вопр. филол. наук. – М., 2007. – № 6 (29). – С. 126–132.

Bosworth–Toller Anglo-Saxon dictionary [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://bosworth.ff.cuni.cz/> (Дата обращения 19.01.2019.)

Haigh R. Legal English. – 4th ed. – Abingdon: Routledge, 2015. – 360 p.

Heward E. Lord Denning: A biography by Heward Edmund. – L.: Weidenfeld & Nicolson, 1990. – 243 p.

Historical thesaurus of English / Kay Chr., Roberts J., Samuels M., Wotherspoon I. – Oxford: Oxford Univ. press, 2009. – 4, 448 p.

Longman collocations dictionary and thesaurus. – New ed. – L.: Pearson education limited, 2013. – 1472 p.

Oxford English dictionary online. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://www.oed.com/view/th/class/173525> (Дата обращения 03.04.2019.)

The Paris Psalter manuscript, psalm 39: The Paris Prose / Edition of the Latin and English of the first fifty psalms in the Paris psalter prepared by Richard Stracke. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10515446x/fl.image> (Дата обращения: 17.12.2018.)

Roget's thesaurus of English words and phrases. – 150 anniv. ed. – L.: Penguin, 2004. – 848 p.

Wydick R.C. Plain English for lawyers. – 5th ed. – Durham: Carolina acad. press, 2005. – 139 p.

2019.04.014. Е.О. ОПАРИНА. ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ. (Обзор).

Ключевые слова: фразеология русского и английского языков; паремология; крылатые фразы; трансформация и вариантность фразеологизмов и паремий; дискурсы (политический, массмедиа, научный, религиозно-публицистический, юридический, интернет-

коммуникация); *фразеология как инструмент прецедентности; языковая игра.*

В обзоре исследуются закономерности функционирования воспроизводимых аналитических единиц – фразеологических единиц и оборотов (ФЕ), паремий, крылатых выражений в разных дискурсивных сферах.

Трансформация (преобразование) фразеологизмов, возникновение их вариантов – закономерное условие функционирования этих элементов языкового фонда. Преобразованные фразеологизмы воспринимаются носителями языка в соотношении с их прототипами, в то же время они привлекают внимание необычной формой и выражают индивидуальную оценку говорящим описываемой ситуации. Этот прием активно используется в медиаязыке [Раденкова, 2018; Бредис, Бредис, 2018].

Трансформированные ФЕ занимают важное место в системе языковых средств, используемых в российской прессе, в том числе в заголовках [Раденкова, 2018]. Преобразованные единицы создаются обычно в целях языковой игры, позволяющей повысить эффект воздействия высказывания. Изучение трансформированных фразеологических оборотов в заголовках электронных версий российских газет показывает, что субституция одного из лексических компонентов является самым распространенным видом игровой трансформации ФЕ. Такие замены помогают конкретизировать тему статьи и в то же время актуализируют оценочную функцию заголовка, повышают его семантическую емкость. Например: *«Как в бочку глядел»* – об очередном падении курса рубля в связи с понижением цены на нефть (РГ, 01.09.2015) [Раденкова, 2018, с. 320]. Введение лексемы *бочка* вместо традиционного для оборота компонента *вода* не только отсылает к «нефтяной» тематике, но и разрушает семы 'волшебство', 'неизвестность', присущие исходной ФЕ (благодаря отсылке к обряду гадания на воде, связанному с языческими верованиями).

Другим распространенным видом изменения фразеологического оборота в заголовках российских СМИ является семантическая трансформация. В этом случае состав ФЕ остается неизменным, но она помещается в необычный контекст, вносящий новые оттенки смысла, часто через игру слов. Например: *«Темная лошадка разбила сердце Владимира Кличко?»* (КП, 25.07.2011) [Раденкова,

2018, с. 322] – статья рассказывает о романе боксера с темнокожей супермоделью, известной вспыльчивым характером. Заголовок сохраняет смысл ФЕ *темная лошадка* – «некто неизвестный по качествам, намерениям, способностям», но одновременно активизирует у существительного сему 'необузданная, буйная', а также реализует прямое значение прилагательного *темный*.

Анализ трансформированных фразеологизмов подтверждает, что заголовок статьи представляет собой микротекст, адекватное декодирование которого необходимо для понимания интенции автора и смысла целого текста [там же].

К числу трансформов, созданных в целях языковой игры и относящихся к смеховой культуре, принадлежат «антипословицы», анализируемые в: [Бредис, Бредис, 2018]. Данный термин (нем. Antispruchwort, англ. anti-proverb) был введен В. Мидером, который определил антипословицы как способ пародирования традиционных пословиц, выражающий юмористическую или сатирическую интенцию автора [цит. по: Бредис, Бредис, 2018, с. 209]¹. Этот жанр не является новым. Авторы статьи, цитируя Х. Вальтера и В.М. Мокиенко, напоминают, что Вольтер, И.В. Гёте, Ф. Шиллер, И. Кант и многие другие писатели и философы «превращали пословицы в антипословицы, которые столь же легко переносились из уст в уста, как и их прототипы» [там же, с. 210].

Антипословицы опознаются носителями языка благодаря их сходству с исходными традиционными паремиями. В современных немецкоязычных СМИ, как и в литературе, подобные трансформы используются активно. Особенно это касается широко известных библейских и греко-римских паремий: чем популярнее традиционная пословица, тем выше эффект ее пародийного трансформы, в котором участвуют разные языковые средства. Например, случаи обыгрывания известной паремии из Евангелия от Матфея, 26.41: *Der Geist ist willig, aber das Fleisch ist schwach* (в букв. переводе Дух бодр, плоть же немощна) основаны на вариации значений составляющих ее немецких слов и на звуковом сходстве: *Fleisch* – это не только «человеческая плоть», но также «мясо»; *willig* может иметь значения «желающий», «послушный», «готовый». Отсюда варианты антипословицы: *Der Geist ist billig, aber das Fleisch ist*

¹ Mieder W. Proverbs: A handbook. – Westport, 2004. – P. 28.

teuer – букв. Дух дешев, а мясо дорого; *Der Greis ist willig, aber das Fleisch ist schwach* – букв. Старик бодр, а плоть плоха (немошна) [Бредис, Бредис, 2018, с. 210–211]. Не менее популярна латинская пословица *In vino veritas* – «Истина в вине»: *In Kino veritas* – букв. Истина в кино; *In vino profitas* – букв. Прибыль в вине; *In vino sanitas* – букв. Здоровье в вине (о пользе профилактического употребления вина).

Возникновение антипословиц не означает, что традиционные паремии перестают употребляться. Изучение интернет-дискурса показало, что число привычных форм пословиц даже в этой сфере общения существенно выше по сравнению с их трансформами [Бредис, Бредис, 2018]. Авторы статьи ссылаются на данные финской исследовательницы О. Лаухакангас.

А.А. Константинова, анализируя функции паремий в медийном дискурсе и в публичной коммуникации на примере англоязычного материала [Константинова, 2018], указывает, что их прагматический потенциал обусловлен языковой и когнитивной природой этих устойчивых и воспроизводимых высказываний: паремии содержат в себе готовую репрезентацию определенного типа ситуаций, они направлены на интерпретацию ситуации и ее субъективную оценку.

Эти свойства паремий ярко проявляются в дискурсе недавно основанного американского общественного движения «Time's Up!» («Время вышло!»)¹. В статьях и речах участниц движения в прототипическом и измененном вариантах встречается немало англоязычных паремий. Они выражают приверженность участников движения своим взглядам, уверенность в их обоснованности, решительный настрой. Например, одна из основательниц движения, известная киноактриса Р. Уизерспун, процитировала в речи на церемонии вручения премии (2015) слова своей матери, которые та часто повторяла ей как совет: «*If you want something done, honey, do it yourself*» – «Если ты хочешь, чтобы что-то было сделано, дорогая, сделай это сама». Эта традиционная паремия, в которую вставлено ласковое обращение *honey*, в данном случае должна подчеркнуть способность женщин быть самостоятельными и независимыми, не-

¹ Движение было создано представительницами американского шоу-бизнеса, выступающими против сексуальных домогательств и гендерного неравенства. – Е. О.

обходимость добиться равных с мужчинами прав и доходов. Пословица *Enough is enough* – «Чаша терпения переполнена» (букв. Достаточно – это достаточно) употребляется другой актрисой, Д. Фэрроу, для объяснения того, почему она решила рассказать о домогательствах, которым подвергалась со стороны известного кинорежиссера.

Интернет-общение участников движения и сочувствующих его целям доказывает, как отмечает автор статьи [Константинова, 2018], способность паремий выполнять помимо информативной и оценочной также фатическую функцию. Благодаря своей общеизвестности и авторитетности пословицы устанавливают контакт в дискурсе, маркируют принадлежность говорящего к определенной социокультурной группе.

И.Ю. Шишлова на материале русскоязычных работ по лингвистике и литературоведению анализирует специфику устойчивых фраз (пословиц, поговорок, афоризмов, крылатых выражений и т.п.) в научном дискурсе [Шишлова, 2018]. Главной функцией научного дискурса является информативная, в соответствии с этой направленностью привлекаются, как правило, устойчивые фразы, лишённые ярко выраженной эмотивности. Частотны выражения литературного происхождения: «...как редко мы бываем поэтому способны **“над вымыслом слезами обливаться”** и получать от чтения обыкновенное наслаждение» (Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность) [цит. по: Шишлова, 2018, с. 314]; «**В эпосе сохранились и преданья старины глубокой, и текущие события**» (Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка) [там же].

В работах по филологии проявляется и такое свойство устойчивых фраз, как вариативность, при этом основным видом трансформации становится сокращение компонентного состава: «...бывает, что фразы начинаются **за упокой**, но потом все же обнаруживается нечто такое, что меняет смысл и тональность рассказа на оптимистические» (Автономова Н.С. Лотман и Якобсон: Романтизм, сциентизм и этос науки) [там же, с. 315]. Встречаются также совмещения нескольких видов изменения исходной формы, как, например, дистантное расположение компонентов, субституция одного из компонентов и изменение глагольной формы в тексте Л.В. Щербь: «**Из двух зол... очевидно, приходится выбирать лучшее; лучшим же является, конечно, то, которое менее**

противоречит живым фактам современного произносимого языка» (Щерба Л.В. Несколько слов по поводу «Предварительного сообщения орфографической подкомиссии») [цит. по: Шишлова, 2018, с. 316].

Устойчивые фразы, используемые авторами проанализированных работ, позволяют снизить формальность и абстрактность изложения, не нарушая при этом установки на информативность научного текста.

Русская юридическая фразеология является до настоящего времени неизученным полем. Д.С. Скарнев отмечает, что главная цель использования фразеологизмов в юридическом дискурсе – выражение участником юридического процесса логического аргумента и его усиление [Скарнев, 2018].

Анализ материала, собранного автором статьи, показывает, что русская юридическая фразеология представлена в основном устойчивыми словосочетаниями, значение которых является прямым или частично переосмысленным. Классификация, проведенная по семантическому принципу, выявила продуктивность следующих групп фразеологизмов: предметной, процессуальной и качественно-обстоятельственной. Предметные ФЕ называют и характеризуют лица, предметы, свойства: *дееспособное / недееспособное лицо; юридическое лицо; юридическая сила; обратная сила; формула закона; время доказывания* и др. [там же, с. 301]. Процессуальные фразеологизмы, идентифицируемые глагольными лексемами и обозначающие действия, процессы, состояния, изменения, представляют собой наиболее частотную группу в юридическом дискурсе. К ней, в частности, относятся ФЕ: *иметь юридическую силу; дать право; обойти закон; служить интересам (кого); претендовать на статус* и др. [там же, с. 302]. Качественно-обстоятельственные ФЕ характеризуют обстоятельство действия, степень проявления процесса или предмета: *в рамках закона; в силу закона; в интересах лица* и др. [там же, с. 302–303].

Помимо подобных аналитических единиц, относящихся прежде всего к инвентарю юридического дискурса, в этой сфере общения функционирует множество устойчивых словосочетаний, представляющих собой часть общеязыкового фонда. Они, как и описанные выше группы юридической фразеологии, направлены на логический аспект речи и на рациональное оценивание ситуации:

сфера действия; исключение из правил; краеугольный камень; брать на вооружение; делать первые шаги; нести ответственность; в первую очередь и т.д. [Скнарев, с. 301–303].

На современном этапе в российском обществе активно развивается религиозно-публицистический дискурс. А.С. Макарова отмечает: «Являясь одним из типов медийного дискурса, религиозный дискурс занимает не последнее место как в печатных СМИ, так и в интернет-пространстве» [Макарова, 2018, с. 261]. Фраzeологизмы в медиатекстах этого дискурса, как и в других сферах коммуникации, часто применяются как элементы языковой игры. Особенно это проявляется в заголовках, которые занимают сильную позицию в тексте и выполняют не только информативную, но и модально-оценочную функцию. Установка автора выражается в трансформации ФЕ, которая направлена на создание экспрессивности.

А.С. Макарова анализирует различные приемы языковой игры, которые используются и часто совмещаются в процессе преобразования ФЕ в данном дискурсе¹. Так, фоносемантические сближения, причем касающиеся иностранных слов, представлены в заголовке «*Без кайфа нет лайфа?*» [Макарова, 2018, с. 262], в котором, кроме того, через знак вопроса ставится под сомнение правильность современного молодежного афоризма. Прием обманутого ожидания, усиленный звуковым сходством компонентов, действует в заголовках: «*Квест одиночества*»; «*ТравмОтеческий опыт*» [там же]. Применяется также прием аллюзии к разным фразеоресурсам языка, сочетающийся с субституцией компонента. Например, аллюзия к ставшим прецедентными фразам из классических литературных произведений: «*Какой русский не любит быстрой еды?*»; «*Тихий дом. К международному дню слепых*» [там же, с. 262–263], к терминологическому пласту языка: «*Духовно-транспортное происшествие*» [там же, с. 263]. Активно действующим приемом языковой игры является создание антитезы или антиномии посредством синтаксиса ФЕ или значений их компонентов: «*Преданный Богу. Преданный своими*»; «*Независимые за-висимые*» [там же].

¹ Работа проведена автором статьи на материале журнала «Фома» – ежесемейного православного культурно-просветительского издания (издается с 1996 г.). – Е. О.

В плане содержания трансформация проанализированных ФЕ и цитат из заголовков обнаруживает религиозную проблематику статей, к которым они относятся. Они представляют темы: «Милосердие и забота о близких», «Жизнь ради удовольствий?», «Приоритет духовного над материальным» и др. Частотность приема фразеологической языковой игры в современной коммуникации, как отмечает А.С. Макарова, объясняется отношениями адресанта и адресата: адресант стремится выразить свою индивидуальную позицию, сделав текст более образным и экспрессивным. При этом медиатекст создается в расчете на массового читателя, внимание которого автор старается привлечь [Макарова, 2018]. Эта ситуация проявляется и в религиозно-публицистическом дискурсе.

А.С. Титлова исследует употребление цитат в русскоязычных электронных изданиях, в том числе в текстах микроблогов [Титлова, 2017].

Выражения из известных литературных произведений и кинофильмов воспринимаются носителями языка как элементы прецедентных текстов. Исследователи, вслед за Ю.С. Карауловым, важнейшими характеристиками прецедентности языкового явления или ситуации называют общеизвестность, эмоциональную и познавательную ценность и повторяемость / реинтерпретируемость в коммуникации. В речи представителей культурно-языковой общности такие выражения функционируют как «крылатые» фразы. Прецедентные выражения активно обыгрываются в электронных СМИ и микроблогах. Будучи узнаваемыми и самоценными как мини-тексты, они включаются в более широкие тексты в исходном или трансформированном варианте, повышая его семантическую емкость и экспрессивность: *«На основании “показаний” говорящего попугая американку признали виновной в убийстве. Да здравствует американский суд, самый гуманный суд в мире!»* – интерпретация фразы из знаменитого фильма Л. Гайдая «Кавказская пленница» [цит. по: Титлова, 2017, с. 243]; *«На Западном фронте без перемен: обстрелы окраин Донецка продолжаются»*, – цитируется название некогда популярного в нашей стране романа Э.М. Ремарка [там же].

При более широкой трактовке понятия прецедентности исследователи анализируют поликодовые тексты, в состав которых входят не только устойчивые и узнаваемые вербальные выражения,

но также невербальные компоненты – живопись, скульптура, видео, музыка (В.В. Красных¹, Г.Г. Слышкин²).

К данному направлению относится статья О.В. Ломакиной [Ломакина, 2018], в которой рассматриваются оценочные характеристики крылатых фраз в демотиваторах Рунета. Демотиваторы построены на сочетании вербального и визуального компонентов. Материал показывает, что в этом жанре интернет-дискурса наиболее часто обыгрываются «вечные» темы российской жизни. Крылатые фразы обычно выступают в трансформированном виде, адаптируясь к изображению. Восходящая к Н.В. Гоголю фраза «В России две беды – дураки и дороги» является одной из наиболее частотных: «Две беды России встретились» (изображена разбитая, покрытая водой дорога с электрическим столбом посередине). В следующем случае к гоголевской фразе добавляется рекламное клише: «2 in 1: дураки и дороги» (изображена неровная дорога с мусорным баком посередине) [там же, с. 256]. Распространенной темой является состояние армии и ее значение для страны, при этом подчеркивается различие между парадом и реальными военными действиями. В вербальной части может использоваться цитата из Л.Н. Толстого: «На параде и на войне... Гладко было на бумаге, да забыли про овраги» или пословица «Хочешь мира – готовься к войне» [там же, с. 258]. О.В. Ломакина отмечает, что в демотиваторах прослеживается установка на изображение изъянов современного российского общества, однако это соответствует характеру и целям жанра.

Список литературы

Бредис Е.М., Бредис М.А. Антипословицы в роли газетных заголовков: (На материале публикаций германских СМИ) // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула, 17–19 мая 2018 г. – Тула: ТППО, 2018. – С. 209–214.

Константинова А.А. Паремии в дискурсе общественного движения «Time's Up» // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула, 17–19 мая 2018 г. – Тула: ТППО, 2018. – С. 323–328.

¹ Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М., 2001. – 270 с.

² Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст: Опыт лингвокультурологического анализа. – М., 2004. – 153 с.

Ломакина О.В. Крылатика в интернет-дискурсе: Функционально-прагматический аспект // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула, 17–19 мая 2018 г. – Тула: ТППО, 2018. – С. 254–260.

Макарова А.С. Реализация приема языковой игры лексико-фразеологическими средствами: (На примере заголовка религиозно-публицистического дискурса) // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула, 17–19 мая 2018 г. – Тула: ТППО, 2018. – С. 260–265.

Раденкова Е.К. Реализация категории оценочности посредством преобразования фразеологических оборотов: (На материале газетных заголовков) // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула, 17–19 мая 2018 г. – Тула: ТППО, 2018. – С. 318–323.

Скнарев Д.С. Функционирование фразеологизмов в юридическом дискурсе // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула, 17–19 мая 2018 г. – Тула: ТППО, 2018. – С. 299–304.

Титлова А.С. Прецедентность текста микроблога // Межкультурная <-> интракультурная коммуникация: Прецедентный текст в коммуникации: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Уфа, 15–16 дек. 2017 г.) / отв. ред. Тарасов Е.Ф. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 241–245.

Шишлова И.Ю. Использование устойчивых фраз в русской научной речи // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула, 17–19 мая 2018 г. – Тула: ТППО, 2018. – С. 308–317.

2019.04.015. Л.Р. КОМАЛОВА. ЯЗЫКОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БРЕКЗИТА. (Обзор)¹.

Ключевые слова: языковая политика; языковые преобразования; английский язык; лингвистическая креативность; неологизм; СМИ; институциональный дискурс; когнитивная модель; концептуальная метафора; концепт; домен; мультимодальность; референдум; Великобритания; Европейский союз; мем; концептуальная теория метафор.

В результате референдума, состоявшегося в Великобритании 23 июня 2016 г., о членстве страны в Европейском союзе большинством голосом было принято решение о выходе Великобритании из ЕС. Политическое событие, которое окрестили Брекзитом (Brexit), повлекло за собой множество преобразований на всех уровнях

¹ Обзор подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий».

жизнедеятельности Великобритании, Европейского союза и многих других стран, в том числе в языковой плоскости.

Авторы монографического исследования (в сборнике представлены 22 статьи) под редакцией профессора Михаэля Келли¹ [Language after Brexit..., 2018] задаются рядом вопросов в отношении использования английского языка на международном уровне в условиях Брекзита. В широкий круг общих вопросов, касающихся обучения иностранному языку, языковой политики, языковой практики (использования языка), статуса английского языка как *lingua franca* авторы включают такие частные вопросы, как трудности, которые испытывают при взаимодействии на международном уровне носители британского варианта английского языка, мало осведомленные о вариативности и культурном разнообразии англоязычного мира; или проблема с возрастающей языковой интерференцией между родным языком меньшинств и английским языком, которая остро назрела в младшей школе.

По мнению авторов статей, последствия Брекзита сводятся к следующим преобразованиям [Coulmas, 2018; Language after Brexit..., 2018]: 1) в лингвистической плоскости Брекзит является ситуацией «проигрыш – проигрыш»; 2) после Брекзита будет достаточно сложно развивать торговые отношения в силу отсутствия ясной языковой политики; 3) из-за ограничения социальной (в том числе трудовой) мобильности граждан бизнес столкнется с нехваткой квалифицированных кадров; 4) велики риски того, что государственные службы не смогут выполнить взятые на себя юридические обязательства; 5) выход из состава ЕС может иметь пагубное влияние на и так неустойчивое положение иностранных языков, преподаваемых в школе, а также языков меньшинств, на которых ведется обучение; 6) последствия Брекзита в силу близости границ с ЕС в первую очередь могут ощутить жители Северной Ирландии.

По мнению исследователей, значимое положение английского языка в институтах ЕС не связано с членством Великобритании (1973), поэтому вопрос о том, повлияет ли Брекзит на использование английского языка в институциональном дискурсе Европей-

¹ Об авторе: Mode of access: https://www.southampton.ac.uk/ml/about/staff/mhk_page

ского союза, требует учета и политических, и экономических, и культурологических факторов, способствовавших формированию высокого статуса английского языка во всем мире [Coulmas, 2018, p. 638].

Более узкоспециализированное исследование представлено в работе [Lalić-Krstin, Silaški, 2018]. Гордана Лалич-Крстин и Надежда Силашки делают попытку осмыслить языковые последствия Брекзита на лексическом уровне. Исследуя англоязычные неологизмы (например, *breferendum*, *brexiteer*, *Brexitosphere*, *regrexit*, *Brexitology*), авторы описывают преобладающие способы словообразования с использованием конструкции «Brexit» в качестве модели, ресурса или аналога для создания неологизмов.

В официальных документах конструкция «Brexit» впервые появляется в 2012 г. Словообразовательной моделью послужила конструкция «Grexit» (Greece / Greek + exit), которая появилась ранее в этом же году в момент, когда Греция заявила о желании выйти из Еврозоны. В настоящее время конструкция «Brexit» стала моделью для множества неологизмов, краткий список которых зафиксирован в печатной и позже электронной версиях Оксфордского словаря. Включение конструкции «Brexit» в словарь свидетельствует о ее относительно быстрой конвенционализации, лексиколизации и институализации в английском языке [Lalić-Krstin, Silaški, 2018, p. 3].

На основе анализа данных, отобранных из различных медиаисточников и социальных медиа за период с июня по ноябрь 2016 г., авторы выявили следующие наиболее частотные ресурсные слова, на основе которых формируются неологизмы в контексте Брекзита: *exit*, *leave*, *remain*, *Britain*, *EU*. Для дальнейшего анализа был отобран 71 неологизм. Исследуемые неологизмы конструировались либо по модели «Brexit» (например, *Germexit*, *Portugexit*, *Itexit*, *Spexit*), либо по аналогии с данной конструкцией (например, *Departugal*, *Italeave*).

Авторы отмечают, что словообразовательная модель быстро генерализировалась и расширила свое значение от «выход Великобритании из состава ЕС» до «выход любой страны из состава политического объединения» и еще шире – до выхода любой части из состава целого. В подтверждение данного вывода говорит появление таких неологизмов, как «Calexit» («California + exit» в значении

выход штата Калифорния из состава США), «Texit» («Texas + exit» – выход штата Техас из состава США) или «Scexit / Scoxit» («Scotland + exit» – выход Шотландии из состава Великобритании), «Mexit» («Messi + exit» – уход Леонеля Месси с арены международного футбола), «Zumxit» («Zuma + exit» – потенциальная отставка президента Якоба Зума) и др.

Предполагается, что конструкция «Brexit» может основываться на двух ресурсных словах: *Britain + exit* или *British + exit*. Однако неясно, какое из слов (*Britain*, *British* или *Brexit*) стало ресурсным для образования таких неологизмов, как *breferendum*, *Brexpats*, (*point of no*) *Breturn*. Наряду с этим авторы четко определяют *Brexit* как ресурсное слово для таких случаев суффиксального словообразования, как *brexiter*, *brexiteer*, *Brexitesque* или *Brexitography*, *Brexitology*, *Brexitophobia*. Употребление данных неологизмов в институциональном дискурсе СМИ и в социальных сетях свидетельствует о том, что конструкция «Brexit» используется для создания новых сложных конструкций, интерпретация которых семантически не осложнена толкованием их словообразовательной основы. Легкость, с которой конструкции с основой «brex- / bre- / br-» распознаются в неологизмах, является еще одним доказательством того, что конструкция «Brexit» институализировалась и прочно вошла в английский лексикон.

Частотное употребление неологизмов, созданных на основе использования конструкции «Brexit» в качестве аналога (например, *Byegium* [*bye + Belgium*], *Czechout* [*Czech + checkout*], *Retireland* [*retire + Ireland*] и др.), авторы объясняют лингвистической креативностью говорящих, контекстуализацией политического события и языковой модой, стремлением продемонстрировать свою осведомленность о происходящем и причастность к определенным социально-значимым событиям.

Целью работы [Mogozova, 2017] является выявление конструктивного потенциала и политически значимых последствий функционирования мономодальных (словесных, письменных) и мультимодальных (словесно-изобразительных) концептуальных метафор¹ Брекзита, которые автор рассматривает как динамические

¹ В рамках концептуальной теории метафор исследователи в качестве основной принимают предпосылку о том, что суть концептуальной метафоры заключается в понимании одной области человеческого опыта (цели) с позиций дру-

дискурсивные образования, основанные на ситуативных моделях¹, в противовес устойчивым когнитивным представлениям, хранящимся в долговременной памяти и совместно используемым всеми носителями языка в качестве культурных моделей² [Mogozova, 2017, p. 251]. Анализируются метафоры, появившиеся в СМИ в период с июня 2016 г. по октябрь 2017 г.: первый этап референдума о выходе Великобритании из состава Европейского союза (23 июня 2016 – 29 марта 2017); второй этап – обращение к статье 50 Лиссабонского договора, в которой указывается процедура выхода Великобритании из состава ЕС (29 марта 2017 – по настоящее время). Словесные метафоры Брекзита (всего 70) были извлечены из письменных текстов (газетные статьи на английском языке), мультимодальные (всего 130) – из интернет-источников на английском языке.

По мнению автора, Брекзит – это новое явление для европейской политики. Признаком его концептуальной сложности является тот факт, что даже видным политическим деятелям трудно объяснить его суть [ibid., p. 261]. Однако словарное определение Брекзита может послужить основой для воссоздания структуры события (или его низкоуровневой когнитивной модели / концепта, структурированной в виде рамки), а именно, выход Соединенного Королевства (Великобритании) из Европейского союза (ЕС) и связанный с ним политический процесс: [*АКТОР1 (Соединенное Королевство) – совершает ДЕЙСТВИЕ (уходит от / выходит из) – по отношению к*

гой области опыта (источника). Таким образом, концептуальная метафора одновременно фиксирует и процесс, и его конечный результат. Концептуальные структуры исходного домена отображаются на концептуальные структуры целевого домена, привнося с собой ряд связанных атрибутов [Mogozova, 2017, p. 261].

¹ Знание, структурированное ситуативной моделью, является уникальным и определяется участниками в терминах субъективных конструкций. Ситуативные модели являются конкретизацией (instantiations) культурных моделей, поэтому они представляют только определенную часть соответствующих культурных моделей, но обычно характеризуют ее более детально, вызывая более богатые ассоциации. Ситуативные модели не являются «готовыми» ментальными сущностями, которые хранятся в памяти: они создаются только по мере необходимости [ibid., p. 258].

² Культурные модели статичны: они хранятся в долговременной памяти, организуя обмен знаниями о вещах, событиях или ситуациях определенного типа [ibid., p. 257].

АКТОРУ2 (Европейский союз) – в определенной СРЕДЕ (политический процесс)] [Mogozova, 2017, p. 265].

Рассматривая Брекзит как концепт структуры события, его можно соотнести с такими концептуальными областями, как ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ТОРГОВЛЯ, КУЛЬТУРА, БЕЗОПАСНОСТЬ, ИММИГРАЦИЯ и т.п., которые вместе составляют матрицу доменов данного концепта. Это означает, что в разных контекстах семантика слова Брекзит может состоять из элементов, принадлежащих к различным концептуальным областям, и само слово, следовательно, будет нести положительные или отрицательные коннотации в зависимости от типа конструкта. Таким образом, АКТОР1 может быть концептуализирован как ЧЕЛОВЕК (примеры 1, 3) или как ОБЪЕКТ (пример 2), его ДЕЙСТВИЕ / СОСТОЯНИЕ – как САМОУПРАВЛЯЕМОЕ ДВИЖЕНИЕ (пример 3) или как ИЗМЕНЕНИЕ СОСТОЯНИЯ (пример 4), АКТОР2 – либо в качестве другого ЧЕЛОВЕКА (пример 1), либо в качестве КОНТЕЙНЕРА (пример 5) [ibid.]:

(1) ...*what I do know for certain is that the EU wants the UK to settle any outstanding bills before it leaves...* (что я точно знаю, так это то, что ЕС хочет, чтобы Великобритания оплатила все оставшиеся счета, до того как она уйдет)¹.

(2) *Sir Keir Starmer announced that the party now wanted to keep the UK in the single market...* (Сэр Кейр Стармер объявил, что теперь партия хочет сохранить позиции Великобритании на едином рынке); ...*part of the goal of Brexit was to remove the UK from the ECJ's jurisdiction* (одной из целей Брекзита было выведение Великобритании из-под юрисдикции Европейского суда).

(3) *The UK has voted to leave the European Union* (Великобритания проголосовала за выход из Европейского союза).

(4) *Most of the EU-derived laws on the UK's statute books will be copied across into UK law so that businesses can continue to function on the day Britain leaves the EU, in March 2019* (Большинство законов ЕС о британских уставных документах будут продублированы в британском законодательстве, чтобы предприятия могли продолжать функционировать, когда Британия покидает ЕС в марте 2019 г.).

¹ Здесь и далее перевод с английского языка на русский наш.

(5) *Who wanted the UK to stay in the EU (Кто хотел, чтобы Великобритания осталась в ЕС)?*

Среди словесных метафор, разработанных на основе данной схемы персонификации, преобладают «состязательные» метафоры, которые истолковывают Брекзит как конкурентную / антагонистическую ситуацию, наподобие тех, что происходят в спорте, на войне, при разводе и т.д. Концепт СПОРТ лежит в основе метафоры «Брекзит – это боксерский матч» в ответе Тома Флетчера¹ на вопрос о стратегии ведения переговоров о выходе Великобритании из ЕС: *Muhammad Ali did not published his strategy before the Rumble in the Jungle (Мухаммед Али не афишировал свою стратегию боя до «Грохота в джунглях»²)*. Такое сравнение подразумевает, что Великобритания выйдет победителем. В заголовках «The Guardian» в большом количестве представлена метафора «Брекзит – это война»: *«The Brexit war can still be won, but I must start fighting back» (Война за Брекзит все еще может быть выиграна, но я должен начать сопротивляться)*; *«The Dunkirk spirit: how cinema is shaping Britain's identity in the Brexit era» (Дух Дюнкерка³: как кино формирует британскую идентичность в эпоху Брекзита)*; *«Brexit war of words heats up as 'enemy' EU tells Britain to pay up» (Словесная война вокруг Брекзита разгорается, когда «враг» ЕС требует от Британии расплатиться по долгам)*.

Метафорические выражения «жесткого» / «мягкого» Брекзита указывают на степень, в которой Великобритания и ЕС готовы к компромиссу по вопросам своего сотрудничества в будущем. Же-

¹ Том Флетчер – бывший посол Великобритании в Ливане.

² «Грохот в джунглях» (или «Разборка в джунглях») – боксерский поединок между Мохаммедом Али и Джорджем Форманом, состоявшийся 30 октября 1974 г. в городе Киншаса, Заир (ныне Демократическая Республика Конго). Данный поединок часто рассматривается как один из самых великих боксерских поединков XX в. Он проходил в тропических условиях, в период дождей и повышенной влажности. К тому же, для удобства американских телезрителей бой проходил в четыре часа утра по местному времени. Поединок завершился в ходе восьмого раунда победой Мохаммеда Али.

³ «Дюнкерк» – военная драма (2017) режиссера Кристофера Нолена. «Чудо Дюнкерка» – военная операция (26 мая – 4 июня 1940 г.) по эвакуации войск союзников, атакованных войсками фашистской Германии близ Дюнкерка. Данная операция подняла боевой дух в Великобритании, что имело большое значение для дальнейших событий. Подробнее см.: [Сидорчик, 2017].

сткий сценарий подразумевает непримиримость обеих сторон и полное отчуждение Великобритании от ЕС. Мягкий сценарий подразумевает, что стороны будут поддерживать как можно более тесные отношения [Mogozova, 2017, p. 269].

Примером мультимодальной метафоры может служить изображение флага ЕС, одна из звезд на котором отделяется от остальных. Изображение дополняется надписью «SEE UE LATER!» (УВИДИМСЯ! / ДО СКОРОГО!), в котором заключена игра слов: слитное произнесение букв «UE» приравнивается к местоимению «YOU». Или пример с изображением, на котором флаги Великобритании и ЕС образуют довольно темный, едва различимый фон для фразы «*Well, I guess EU has now 1 GB of free space*» (Ну, я полагаю, что в ЕС сейчас есть 1 ГБ свободной памяти). Это высказывание также содержит игру слов: GB – это одновременно аббревиатура для «*Great Britain*» (Великобритания) и «*gigabyte*» (*gigabait*). Таким образом, значение аббревиатуры альтернативно соотносится с доменом КОМПЬЮТЕР и ОРГАНИЗОВАННАЯ СУЩНОСТЬ. В первом случае читаются метафоры «ЕС – это компьютерная память», «Великобритания – это информация» [ibid., p. 271].

В заключение О. Морозова делает вывод о том, что большинство проанализированных словесных метафор Брексита являются структурными. Они имеют тенденцию к использованию цепи сложных рассуждений, одновременно отсылающих к нескольким концептам. Это объясняет значительный манипулятивный потенциал таких метафор, поскольку разные субъекты могут делать акцент на различных связях содержания конкретного концепта, актуализируемого метафорой. Мультимодальные метафоры более эмоционально окрашены, чем словесные метафоры. Как правило, они апеллируют к эмоциональной сфере, в то время как словесные метафоры – к сфере сознания [ibid., p. 272].

Список литературы

Сидорчик А. «Чудо Дюнкерка»: Подлинная история событий // Аргументы и факты. – 2017. – Режим доступа: http://www.aif.ru/society/history/chudo_dyunkerka_podlinnaya_istoriya_sobytyi (Дата обращения: 30.01.2019 г.)

Coulmas F. Book review on «Language after Brexit: How the UK speaks to the world» // Lang. policy. – Dordrecht, 2018. – Vol. 17. – P. 637–639.

Lalić-Krstin C., Silaški N. From Brexit to Bregret: An account of some Brexit-induced neologisms in English // English today. – Cambridge, 2018. – Vol. 34(2). – P. 3–8. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0266078417000530>

Language after Brexit: How the UK speaks to the world / Ed. by Kelly M. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – 271 p.

Morozova O. Monomodal and multimodal instantiations of conceptual metaphors of Brexit // Lege artis: Language yesterday, today, tomorrow: The j. of univ. of SS Cyril and Methodius in Trnava. – Warsaw: De Gruyter Open, 2017. – Vol. 2(2). – P. 250–283. – DOI: 10.1515/lart-2017-0017.

СТИЛИСТИКА

2019.04.016. БОРИСОВА Е.Б. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ: Опыт общепилологического анализа. – Самара: СГСПУ, 2018. – 248 с.

Ключевые слова: перевод художественной прозы (с английского на русский); (обще)филологический подход к переводу; образ пейзажа в исходном и переводном тексте; лексико-фразеологическая сочетаемость в исходных текстах и в переводах; ритмико-синтаксическая организация текста в оригинале и в переводе.

В монографии, состоящей из введения и четырех глав, разрабатывается методология общепилологического анализа художественных текстов. Этот метод является междисциплинарным: он берет за основу принципы лингвопоэтического анализа, но также учитывает данные литературоведческих работ и других гуманитарных исследований. Междисциплинарный комплексный метод обладает значительным гносеологическим потенциалом, особенно при изучении текстов, характеризующихся сложными видами взаимодействия формы и содержания.

В первой главе «Теоретические основы многофакторного изучения литературно-художественного образа» анализируются предпосылки возникновения (обще)филологического метода и его применимость при изучении образности в оригиналах и переводах.

Лингвистический и литературоведческий подходы различаются по целям и методологии анализа. Для литературоведения исходным пунктом и главным объектом интереса является текст, а язык рассматривается как вспомогательный материал. Для линг-

вистического подхода, нацеленного на выявление языковых фактов в их значении и употреблении, именно язык является первоэлементом произведения и отправной точкой его анализа и характеристики. Литературоведческий анализ, таким образом, идет от содержания к форме, лингвистический – от формы к содержанию.

Однако крупные отечественные ученые XX в., такие как А.А. Потебня, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, В.Г. Винокур, стремились к совмещению обоих подходов. Их исследования служат основой представленного в монографии Е.Б. Борисовой общемонологического анализа, в фокусе внимания которого – взаимоотношение словесной структуры текста и его композиционной организации. Их взаимосвязь играет ключевую роль в воплощении художественного замысла и в создании произведения как единого целого [с. 19].

Автор подчеркивает роль А.А. Липгарта в развитии лингвопоэтического метода¹, нацеленного на изучение эстетического эффекта, создаваемого разноуровневыми единицами языка. Этот подход послужил основой для разработки метода филологического анализа. Указывается, что сходные идеи были высказаны также видными зарубежными учеными². Лингвопоэтический метод учитывает словесно-стилевые характеристики образа, их роль в сюжетно-композиционном построении и в создании общего эстетического эффекта. Этот метод разрабатывался автором данной монографии на примере отдельных тематических фрагментов художественных произведений с учетом сопоставления оригинальных и переводных текстов³. На современном этапе необходимо развитие общемонологического метода анализа художественных произведений, в котором интегрируются данные переводческого опыта, аппараты лингвостилистики, литературоведения, лингвокультурологии, социолингвистики и, при необходимости, других гуманитарных дисциплин [с. 53].

Важнейшим для филологических наук понятием является понятие «образ». При исследовании этого понятия в лингвистике

¹ Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. – М., 2006. – 168 с.

² Leech G. Language in literature: Style and foregrounding. – Harlow, 2008. – 423 p.

³ Борисова Е.Б. Художественный образ в британской литературе XX века: Типология, лингвопоэтика, перевод. – Самара, 2010. – 356 с.

подчеркиваются такие компоненты, как тропеизация значения слова или выражения, наличие чувственных и эмоциональных компонентов, субъективность видения мира (индивидом или народом – носителем языка), представленного в языке, наличие разных видов словесных образов. Однако четкого определения образа в лингвистике не выработано. Значительным достижением современного этапа развития лингвистики автор считает переход к изучению образа как когнитивного механизма, принимающего активное участие в познании, а также в кодировании, репрезентации и трансформации знаний. Большинство исследователей признают образ составной частью концепта – важнейшего для когнитивной лингвистики объекта изучения. Так, согласно теории З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «образное содержание концепта включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей, а также когнитивный образ, который отражает смысловые связи (метафорические, метонимические) содержания концепта с другими концептами» [цит. по реф. работе, с. 36].

Во второй главе «Образ природы как часть общехудожественного авторского замысла: Металогическое повествование» исследуются пейзажные описания в трех романах английских писателей первой половины XX в.: «Собственник» Дж. Голсуорси (Galsworthy J. «The man of property»), «Смерть героя» Р. Олдингтона (Aldington R. «Death of a hero») и «Возвращение в Брайдсхед» И. Во (Waugh E. «Brideshead revisited»). Природная топики выделена и проанализирована как относительно самостоятельный смысловой фрагмент на основе разработанного автором приема тематического расслоения текста.

Проведенное исследование позволяет выявить средства психологизации повествования, специфические для каждого из трех авторов и не очевидные в отсутствие герменевтического прочтения ландшафтной топики. Например, в романе Дж. Голсуорси состояние ненастной осенней погоды в день похорон одной из представительниц клана Форсайтов передает атмосферу начавшегося разобщения в некогда сплоченном семействе: «...*the wind, like some slow, desintegrating force...*»; «...*they began to spit into groups, and as quickly, as possible to fill the waiting carriages*» – «ветер, как медленная, разобщающая сила...»; «...они стали разделяться на группы и заполнять ожидавшие их кареты так быстро, как только это было

возможно» [с. 57–58]¹. Показательны описания природы, имеющие отношение к старому Джолиону. В целом в романе такие описания как часть авторской речи преобладают над теми, которые включаются во внутренний монолог персонажа. Однако в рассказе о последних годах жизни старого Джолиона, научившегося ценить человеческие отношения и гармонию природы, эти описания даны как часть несобственно-прямой речи, когда голоса автора и персонажа уже трудно разделить.

Образы английской природы и старинных усадеб в романе И. Во в значительной степени построены на контрасте: красота того, что было прежде, противопоставляется упадку, наступившему в результате войны. Ностальгический тон противостоит документальной точности, с которой дана картина разрушений. Такой подход соответствует идеологической установке автора – его вере в аристократическую элиту Англии, в консервативный уклад жизни.

По мнению Е.Б. Борисовой, проведенное исследование свидетельствует об антропоцентричности ландшафтных описаний в проанализированных романах.

В третьей главе «Лексические средства создания художественного образа в параллельных текстах» представлено сопоставительное изучение ландшафтных описаний в английской литературе XX в. и в русских переводах.

Метод «филологического перевода» [с. 92], применяемый Е.Б. Борисовой, был разработан на материале поэтических произведений; в работах автора данной монографии он получил развитие применительно к прозе². В данной работе это понятие еще более расширяется: предлагается сравнительно-сопоставительное изучение средств создания художественного образа в параллельных текстах (в оригинале и в его разных переводах), которое, по мнению автора, может способствовать улучшению качества перевода: «Сопоставление, как лакмусовая бумага, укажет и лингвокультурные погрешности, и удачно найденные соответствия» [с. 98]. При этом «переводчик и исследователь перевода, как носители языка-цели и

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по реферируемой монографии с указанием соответствующих страниц; перевод мой. – *Прим. реф.*

² Борисова Е.Б. Прагматика художественного перевода // Прагматика высказывания и текста: Межвуз. сб. – Самара, 1999. – С. 139–144; и др. работы. – *Прим. реф.*

соответствующей культуры, в ходе сопоставления получают возможность точнее определить отечественные средства для передачи идиостиля переводимого автора» [с. 98]. Сопоставление также помогает выявить те значимые художественные средства исходного текста, которые могли остаться незамеченными без сопоставительного изучения. Таким образом, важную задачу разрабатываемого метода Е.Б. Борисова видит в том, чтобы помочь филологам и переводчикам раскрыть лингвокультурные особенности текста на этапе его предпереводческой интерпретации (учитывая тот факт, что переводов одного текста бывает множество).

Анализ языкового материала проводится на примере трех указанных выше классических романов. Автор монографии показывает, что при кажущейся легкости поиска словарных эквивалентов, относящихся к исследуемой тематической области, в английском и русском языках существует множество лексических единиц, которые различаются по обозначаемым референтам, или же формируемые ими образы по-разному воспринимаются носителями этих языков. Автор рассматривает исходные контексты с существительными *hedge*, *ruins*, *ivy*, *warren*, *garden* и их переводные русскоязычные варианты. Так, перевод фрагмента из романа «Собственник»: «*over a countless succession of fields and hedges*» – «за бесконечной вереницей полей и изгородей» [с. 117–118] характеризуется как неточный в плане референции. Кроме того, предложенный перевод слова *hedge* («изгородь») лишает его культурных и эмотивных коннотаций, которыми оно обладает не только в романе Дж. Голсуорси, но во многих поэтических контекстах английской литературы. Это слово означает 'живую изгородь, состоящую из близкорастущих кустарников' – традиционный для англичан элемент ландшафта, знак присутствия человека в природе и его заботы о красоте уголка своей земли. Выявление подобных различий требует от переводчиков лингвокультурной компетенции, неточности же сказываются на качестве художественного перевода.

В четвертой главе «Лексико-фразеологические и ритмико-синтаксические средства создания художественного образа в параллельных текстах» Е.Б. Борисова подчеркивает, что видные отечественные лингвисты всегда рассматривали лексическую сочетаемость как проявление национально-культурной специфики языка. Анализ английских словосочетаний в исследуемых прозаических

произведениях и в их русских переводах подтверждает это утверждение.

Е.Б. Борисова прослеживает и узуальную сочетаемость, и окказиональные авторские словосочетания. Отмечается, что обычные словосочетания, взятые авторами из английского языка, в большинстве случаев находят в русском языке узуальные эквиваленты, не противоречащие нормам сочетаемости. Например: *light wind* – «легкий ветерок»; *wild daffodil* – «дикий нарцисс»; *in a silver streak* – «серебряной полосой» (визуальный образ реки). Однако попытки передать словосочетания, выражающие индивидуальный взгляд автора, часто оказываются неудачными, не учитывающими культурные особенности, стилистическую окраску слов или же нормы сочетаемости. Так, оборот *an exquisite man-made landscape* (из романа И. Во) переведен как «изумительный искусственный ландшафт» [с. 170]. Слово *ландшафт*, тем более с определением *искусственный*, воспринимается русским читателем как термин, что лишает его необходимого эмоционального и эстетического воздействия.

Отдельно рассматриваются способы передачи в переводах ритмико-синтаксической организации исходных текстов. Этот аспект только недавно стал привлекать внимание исследователей переводов художественной прозы. Е.Б. Борисова анализирует такие эстетически значимые явления, как особенности фразировки, основанной на выделении смысловых синтагм, тема-рематическое членение, инвертированный порядок слов, повторы, расстановка предикатов, употребление определительных конструкций в препозиции или в постпозиции к существительным. Устанавливается, что авторы исследуемых переводов стремятся воссоздать ритмическую структуру оригиналов, тем не менее некоторые фрагменты переводных текстов получаются монотонными, лишенными ритмической «энергии» оригиналов [с. 183].

Е.Б. Борисова предлагает свои варианты переводов ранее проанализированных прозаических фрагментов, основанные на филологическом методе.

В заключение приводится перечень требований к общефилологическому переводу, установленных автором на основе изучения русскоязычных переводов пейзажных описаний английской прозы:

- 1) правильное представление о референтах, обозначаемых словами

данной тематики; 2) восприятие этих слов в контексте литературных традиций исходного языка; 3) соблюдение норм языка перевода – в первую очередь лексико-фразеологической сочетаемости; 4) необходимость разграничения узуальных единиц языка оригинала и тех, которые созданы автором произведения; 5) по возможности – сохранение ритмико-синтаксической структуры оригинала [с. 187].

Е.Б. Борисова подчеркивает, что метод филологического анализа художественного перевода является комплексным: он интегрирует учет накопленного положительного опыта перевода произведения с исправлениями и добавлениями, которые определяются исследованием словесного и текстового материала. Он также включает изучение лингвокультурологических, психолингвистических и социолингвистических аспектов литературного образа и особенностей их выражения в языке перевода. Переводные тексты, созданные посредством данного метода, могут служить научной основой для новых, более совершенных переводов.

Е.О. Опарина

2019.04.017. Е.О. ОПАРИНА. ЯЗЫК И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ. (Обзор).

Ключевые слова: язык художественных произведений; индивидуально-авторский стиль; языковая игра как образное средство; диалектная и просторечная лексика как образное средство; словарь языка писателя; жанры прозы.

В статье С.Г. Филипповой [Филиппова, 2018] на примере произведения современного британского автора Сары Холл «Миссис Фокс» (S. Hall, «Mrs. Fox») анализируются способы моделирования авторских концептов в жанре фантастического рассказа. Ведущим признаком литературной фантастики С.Г. Филиппова называет включение в повествование таких событий или персонажа, которые выходят за границы признаваемого реально возможным в той действительности, к которой принадлежит автор. Фантастические допущения способствуют актуализации особых концептуальных структур, так как в фантастике концепты могут быть нечеткими и трудно определяемыми. Исследуемый рассказ относится к популярному в настоящее время виду фантастики –

фэнтези, который, в отличие от научной фантастики, строится не на научном допущении, а на волшебном или мистическом [там же, с. 154]. В данном случае сюжет строится вокруг иррационального превращения женщины в лису¹, которое является иносказательным выражением психологического конфликта между ней и ее мужем. Фантастическое событие служит в рассказе предпосылкой для анализа человеческих отношений. Психологизм рассказа основан также на интертекстуальных связях сюжета, в частности он ассоциируется с легендой о лисе-оборотне (кицунэ), воплощающей злые чары в японском фольклоре. В концептосфере рассказа выделяются две смысловые ядерные зоны: 1) связанный с образом жены концепт 'изъявление воли' (эксплицирован в тексте выражением «*the act of will*») и 2) характеризующий мужа концепт 'любовь' 'love'. Структура моделируемых концептов включает в себя противоположные смыслы: 'свобода выбора', 'физическая привлекательность', с одной стороны, и 'комфортная семейная жизнь', 'собственность', 'непонимание / понимание', 'самопожертвование' – с другой. Ядерные концепты выражаются прямыми номинациями и тропеическими оборотами: «*he thinks of Sophia, whom he loved*» – «Он думает о Софии, которую он любил»; «*be his pet*» – «быть его любимым питомцем»; «*strike fear into his heart*» – «поразить страхом сердце»; *brilliant, exceptional, astonishing, gamey* «великолепная, исключительная, потрясающая, смелая» (эпитеты жены)². Перечисленные смыслы и выражающие их языковые средства реализуют негативное отношение автора рассказа к ограничению свободы во взаимоотношениях и, наоборот, характеризуют свободу воли как проявление красоты человека.

З.М. Чемодурова исследует языковые механизмы другого своеобразного литературного жанра, ставшего особенно популярным во второй половине XX в. – биофантастики, или фикциональной биографии [Чемодурова, 2018]. В этом жанре сочетаются реальные исторические факты и художественный вымысел³. Природа таких

¹ Образная многозначность формируется начиная с названия рассказа, в котором называется фамилия женщины: *fox* означает *лиса*. – Прим. авт.

² Здесь и далее перевод мой. – Е. О.

³ К этому жанру принадлежат популярные в последние годы романы Дж. Барнса, например «*The noise of time*» («Шум времени»), посвященный жизни Д.Д. Шостаковича. – Е. О.

текстов предполагает намеренную игру оппозициями «вымысел, мистификация vs реальность», «воображение vs. фактографичность».

З.М. Чемодурова анализирует игровые механизмы, созданные авторами ранних биофикций, написанных в первой половине XX века: В. Вульф («Орландо») (V. Woolf, «Orlando», 1928) и В. Набоковым («Истинная жизнь Себастьяна Найта») (V. Nabokov, «The real life of Sebastian Knight», 1941). Стилистика В. Вульф характеризуется как «рефлексивная игра» [Чемодурова, 2018, с. 162–163], в которой автор, иронизируя над попытками биографов-повествователей остаться объективными летописцами, трансформируется в «биографа-творца» как ипостась «авторской маски» [там же]. В. Вульф использует такие приемы пародирования классических биографий, как «панегирик» герою повествования («*A more candid, sullen face it would be impossible to find*» – «Невозможно было бы найти лицо с более искренним, угрюмым выражением» [там же, с. 163]); стилистически маркированную лексику (*scribe* – ист. «книжник», «писец», но также разг. «наемный литератор», «памфлетист»); традиционные для высокого стиля синтаксические приемы – инверсии, параллельные конструкции, обособления. Игровой характер текста создается также полидискурсивным приемом – портретными иллюстрациями, на которых изображены люди из разных эпох.

Произведение В. Набокова создано как игровой монтаж биографического и детективного дискурсов с неоднозначностью хронотопа и персонажных масок. Такая комбинаторика обуславливает возможность нескольких интерпретаций. В качестве игровых механизмов применяются, в частности, биографические / автобиографические «реконструкции», метафорическая модель 'жизнь – шахматная игра' и антропонимы. Судьба ассоциируется с разыгрываемой шахматной партией, действующие лица воспринимаются как ее фигуры. Эта аллюзия поддерживается именами персонажей – *White* и *Black*, букв. Белый и Черный, т.е. обозначениями цветов шахматных фигур. Таким образом, в рассмотренных произведениях классиков прозы начала XX в. заложен игровой потенциал, который получил развитие в жанре биофикции спустя десятилетия, в конце XX – начале XXI в.

В статье С.М. Пашкова [Пашков, 2018] на материале неоготической прозы исследуются способы выражения фазовости в обозначении эмоций. Автор отмечает, что категория фазовости, т.е. выражение динамичности процесса протекания, характерна для переживаний так же, как параметры интенсивности и оценки. Языковым и речевым средствам выражения фазовости С.М. Пашков относит единицы и обороты с семантикой начала, продолжения, окончания, внезапности, краткости состояния.

В жанре неоготического романа ключевой эмоцией выступает страх, который актуализируется в три основных этапа: нагнетание, кульминация, угасание. В романе П. Макграта (P. MacGrath, «Spider») фазовость эмоций выражается лексическими, грамматическими и текстуальными средствами, которые маркируют эти этапы при развертывании повествования.

По сюжету романа главный персонаж едет в Лондон, в реабилитационный центр. До этого он 20 лет провел в психиатрической больнице, куда попал за убийство матери. Центр расположен недалеко от места трагедии, и это воскрешает в памяти героя детали убийства и постепенно заставляет его осознать весь ужас совершенного преступления. Нагнетание страха описывается во фрагментах, относящихся к отъезду героя из больницы, ставшей для него привычным местом, где у него были друзья. Чувства одиночества и тревоги, которые герой на этой стадии еще пытается контролировать, актуализируются в словах, словосочетаниях и фразах: *isolation; threatening world* – «одиночество, изоляция от мира»; «угрожающий мир»; «... *attempting to control strong surges of bewilderment and loss that at times almost overwhelmed me*» – «... пытаюсь держать под контролем сильные приливы замешательства и растерянности, которые время от времени переполняли меня» [цит. по: Пашков, 2018, с. 147]; физические симптомы страха и растерянности представлены во фразе «*I stood... gripping my suitcase and frozen like a statue*» – «Я стоял... неподвижный, как статуя, вцепившись рукой в свой чемодан» [там же, с. 148]. Кульминация страха, наступившая после приезда в реабилитационный центр, объективируется в языковых и текстовых единицах, обозначающих наводящие ужас звуки и интенсивные негативные переживания: *shambling panic* – «постоянно преследующее паническое чувство»; *terrible sound* – «ужасный звук»; «*a goods train went wildly shrieking*

beneath me» – «товарный поезд шел подо мной с диким, пронзительным визгом» [цит. по: Пашков, 2018, с. 149]. Угасание страха связано в данном сюжете с мыслью о самоубийстве как желанном исходе. Предощущение свободы от страха переживается героем как счастье. Сема 'полное счастье' выражается в лексической единице *exult* «ликовать, торжествовать» и в контекстах ее употребления, подчеркивающих через форму грамматического времени длительность эмоции: «... *I'll be exulting inwardly*» – «Внутри меня будет чувство ликования»; «*I'll be exulting at the prospect of silence and darkness...*» – «Надежда на тишину и темноту наполнит меня ликованием / торжеством» [Пашков, 2018, с. 150]. Таким образом, учет фазовой семантики эмоций позволяет адекватно описать динамику внутреннего мира персонажа художественного текста.

Монография И.М. Курносовой [Курносова, 2017], содержащая исследование диалектных и просторечных элементов русского языка в прозе Е.И. Замятина, состоит из предисловия и трех глав.

В предисловии отмечается, что период конца XIX – начала XX в. стал временем поиска новых форм в русской литературе. Важной тенденцией этого процесса являлось взаимодействие в литературных текстах нормативных и некодифицированных языковых средств. Особое место в данном процессе принадлежит Е.И. Замятину, который активно использовал народно-разговорную и локально ограниченную лексику в художественных целях¹. В прозе Замятина реальное переплетается с вымышленным и гротескным. Это же можно сказать о языке, в котором обилие диалектных и просторечных слов Юга России все же не дает основания для однозначного определения их как реального языка какой-либо местности.

В первой главе ««Неправдоподобность» как «подлинная реальность» языка Е.И. Замятина» анализируются ареальные и стилистические характеристики слов народно-разговорного языка из

¹ И.М. Курносова подчеркивает, что Е.И. Замятин в разные периоды своего творческого пути пробовал себя в различных литературных направлениях. Однако сам писатель причислял себя к представителям неореалистического направления, в котором главное – «кажущаяся неправдоподобность действующих лиц и событий, раскрывающая подлинную реальность» (цитата – из текста Е.И. Замятина «Современная русская литература: Вступительная лекция»; цит. по [Курносова, 2017, с. 7]). – Е. О.

арсенала писателя. В центре внимания автора монографии – повести «Уездное», «Алатырь» и ряд других. Замятин родился и вырос в Лебедяни – небольшом уездном городе на берегу Дона (в Тамбовской области). Географическое положение Лебедяни обусловило своеобразие речи ее жителей, в которой присутствуют фонетические, морфологические и лексические диалектные элементы разных говоров русского Черноземья – тамбовских, курских, воронежских, донских и др. Писатель хорошо знал речь жителей этой местности: «*Ох, и чтой-то стыдь на дворе ноне*» («Уездное») [Курносова, 2017, с. 11].

Однако в результате анализа лексикографических региональных справочников было установлено, что лишь 30% диалектной лексики из произведений Замятина действительно относятся только к южным говорам России; около 60% известны как в южнорусских, так и в других говорах. Например, существительное *матрена* в значении 'нерасторопная женщина' зафиксировано в словарях как принадлежащее к архангельским и свердловским говорам; глагол *кروطаться* 'ворчать себе под нос' – как элемент нижегородских и пермских говоров. Количество ареально маркированных (диалектных) и стилистически маркированных (просторечных) единиц практически равно. Подход писателя был в известной степени «вольным» – нацеленным не на буквальное отображение «языка среды», а на создание его синтезированного и стилизованного образа в художественных целях [там же, с. 20].

Одним из наиболее ярких стилистических приемов в прозе Е.И. Замятина являются сравнения и метафоры. Писатель строит сравнения на союзах и знаменательных словах, относящихся к диалектной или просторечной лексике: «*А он, собака рыжая, языком – чисто хвостом: туды-суды, так и стелет*» [там же, с. 28]; «*Лицом – черный, волосатый, чисто окаяшка*» (т.е. «бес», «черт»). Используются также бессоюзные сравнительные конструкции, которые становятся основой для метафор: «*Встал Сикидин, лоб нагнул: бык брухучий*» (от *брухать* – «бодать») [там же, с. 30].

Во второй главе «Идеографическое описание диалектно-просторечной лексики произведений Е.И. Замятина» исследуются фонетические и грамматические особенности некодифицированных единиц, а также проводится их семантическая параметризация по признаку обозначения определенных внеязыковых сфер. Централь-

ное место занимает анализ лексики, связанной с показом человека – его внешности, характера, поведения, родственных отношений, социального статуса, отношений с природным и мифическим миром.

Показано также, каким образом Замятин использует народно-разговорную лексику и фразеологию в художественных целях. Частым приемом является синтез нескольких значений и смыслов при употреблении одного или нескольких слов. Так, название *плясавица* обозначает в русской мифологии демонологический персонаж – одну из сестер-*лихоманок*, злобных духов, насылающих на людей различные заболевания. Вместе с тем в народных говорах так называли девушку, которая умеет и любит плясать. Оба смысла этого слова в тексте повести «Полуденница» накладываются на семантику наименования, вынесенного в заглавие и обозначающего один из древнейших персонажей славянской мифологии – полевой дух, воплощающий солнечный удар. Синтез этих смыслов становится средством образного описания героини повести, чья любовь-страсть действует как разрушительная сила [Курносова, 2017, с. 116–118]. Фразеологизмы, не отмеченные в словарях, как правило, выводимы из контекста или через ассоциацию с общерусскими литературными идиомами: *одним кумачом подбиты – одним миром мазаны, одного поля ягоды; колумесить околицей – вести речь (разговор) околицей (околицами)*. Ср. также антонимичные фразеологизмы: *без околичностей, без обиняков*.

В третьей главе «О проблемах лексикографирования языка Е.И. Замятина» И.М. Курносова, опираясь на собственный опыт лексикографической работы, анализирует трудности создания диалектно-просторечного словаря писателя. Отмечается, что главные проблемы обусловлены его стремлением к языковой игре как инструменту создания образов, но при этом сами языковые средства также становятся предметом художественного изображения. Эти свойства стиля Е.И. Замятина ставят перед лексикографом вопрос о квалификации языкового материала, поэтому проблемы возникают уже при составлении словника. В каждом случае необходимо решить, имеет ли место индивидуально-авторское словоупотребление, или же это языковая реалья определенной территории. Вопросы возникают, в частности, при обработке многочисленных в прозе Е.И. Замятина контаминированных лексических единиц, не совпадающих с данными русского языка и его диалектов, но созданных

на их базе: у Замятина – форма *голяшом* 'в голом виде, без одежды', в других словарях – формы *голяком* и *гольшом*.

Сложной задачей является также лексикографическое представление фразеологических единиц. Помимо единиц, действительно содержащих диалектные или просторечные компоненты, в прозе писателя выявлено немало фразеологизмов, не ограниченных территориально или стилистически, или же вообще не зафиксированных словарями.

И.М. Курносова полагает, что при создании индивидуально-авторского словаря подобные единицы должны включаться в словарь, если они служат речевой характеристике персонажей, существующих в определенной языковой среде, и если они образованы по моделям народно-разговорного языка. Однако при создании сводного словаря, например словаря писателей русского Черноземья, подход может быть изменен.

Список литературы

Курносова И.М. «Язык среды и эпохи» Е.И. Замятина: (Лексико-семантические особенности и проблемы лексикографирования). – Елец: Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2017. – 173 с.

Пашков С.М. Категория фазовости в контексте репрезентации эмотивных смыслов в художественном тексте: (На материале неоготического романа П. Макграта «Spider») // Язык и познание в современной науке: Сб. науч. трудов / отв. ред. Щирова И.А. – СПб., 2018. – С. 144–152. – (Studia linguistica; вып. 27).

Филиппова С.Г. Реализация авторских концептов в фантастическом рассказе Сары Холл «Миссис Фокс» // Язык и познание в современной науке: Сб. науч. трудов / отв. ред. Щирова И.А. – СПб., 2018. – С. 153–160. – (Studia linguistica; вып. 27).

Чемодурова З.М. Игровые механизмы создания фикциональной биографии // Язык и познание в современной науке: Сб. науч. трудов / отв. ред. Щирова И.А. – СПб., 2018. – С. 161–169. – (Studia linguistica; вып. 27).

КУЛЬТУРА РЕЧИ

2019.04.018. О.В. ЧАГИНА. ПИЩЕВЫЕ НОМИНАЦИИ КАК ОБЪЕКТ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ.

Ключевые слова: еда; лексика; словообразование; речевые ошибки; культура речи; преподавание РКИ.

В статье рассматривается проблема культуры речи с позиции преподавания русского языка как иностранного на примере темы еды, одной из наиболее востребованных среди иностранцев, изучающих русский язык. Многие из них связывают свое будущее с организацией у себя на родине ресторанного бизнеса, открытием ресторанов русской кухни. При этом, обращаясь к пищевой теме, студенты встречаются с фактами употребления языковых форм, которые оцениваются филологами как ненормативные. Часто они оказываются затруднительными не только для иностранцев, но и для самих русских. Эти нарушения нормы происходят на разных уровнях языковой системы – в области акцентологии, словообразования, словоизменения, лексики, синтаксиса, стилистики.

В наблюдениях над употреблением «пищевых» слов представителями разных групп людей учитывались также социологические факторы: пол, возраст, уровень образования говорящего и т.д.

Обратимся к примерам.

Известно, что многие «пищевые» слова связаны с миром человека и имеют антропоцентрическое измерение. Названия некоторых блюд мотивированы антропонимами и прямо связаны с именами конкретных лиц. Например, граф Строганов увековечил свое имя в истории кулинарии в названии блюда *бефстроганов*, прочно ассоциирующегося с русской кухней. Однако в речи некоторых носителей языка можно услышать искаженное название этого блюда – **бефстроганый* или даже **строганый беф* (**Мне салат из огурцов и строганный беф*) /запись разговорной речи/. Говорящий

ориентируется на внутреннюю форму слова, ошибочно воспринимая ее как способ приготовления блюда, поскольку мясо для него режут на мелкие кусочки, «строгают».

Многие ошибки в употреблении «пищевых слов» связаны с ударением. Большинство филологов и педагогов единодушны в том, что единственно правильным ударением в слове *гренки́* является ударение на окончании, и это зафиксировано рядом нормативных словарей. Именно в этой форме употребляется слово *гренки́* в популярных изданиях второй половины XX в. – таких, как «Книга о вкусной и здоровой пище» [Книга о вкусной и здоровой пище], выдержавшая ряд изданий; или книга Л.А. Маслова «Кулинария» [Маслов, 1951]. Например: «Приготовление *гренков*» [Книга о вкусной и здоровой пище, 1953, с. 102]; «Бульон наливают в бульонную чашку; на пирожковой тарелке подают 3–4 гренка» [Маслов, 1951, с. 87]. Казалось бы, уже сама массовость этих изданий должна была способствовать распространению нормативного варианта. Между тем в последние десятилетия в речевой практике все более распространяется вариант произнесения этого слова с ударением на основе: *грénки*. Отметим случай лексикографического описания этого слова с ударением на основе в одном из авторитетных словарей: «Грénки /.../ Является формой мн. ч. от *гренок* /.../. Образовано от *греть*» [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 114].

Такое утверждение представляется спорным, так как оно противоречит уже сложившемуся в языке способу образования многочисленной группы отглагольных существительных с суффиксом – *ок* в ед. ч., имеющих во мн. ч. ударение на окончании: *кусать* – *кусок* – *куски́* (но не **куски*), *глотать* – *глоток* – *глотки́* (но не **глóтки*), *мазать* – *мазок* – *мазки́* (но не **мазки*) и т.д. Слово *гренки́* тоже входит в этот словообразовательный ряд: *греть* – *гренок* – *гренки́*, ударение же на основе подрывает его системность. При этом перенос ударения с флексии на основу влечет за собой и изменение парадигмы склонения, и изменение рода. Ср.: *гренки́* (м. р., мн. ч.), *гренко́в* (м. р., род. п.), *один грено́к*, *два гренка́*, *пять гренко́в*. Но: *грénки* (ж. р., мн. ч.), *одна грénка*, *две грénки*, *пять грéнок*.

Новая тенденция приняла характер эпидемии, настолько серьезной, что в 1990-е годы на «Радио России» в цикл передач о культуре речи был включен сюжет о правильном произношении

слова *грэнкі*. Однако и сегодня *грэнки* продолжают свое шествие по стране. Недавно в Москве на улице Кржижановского открылось кафе под названием «Пенки-грэнки» по образцу дублетных фольклорных оборотов *хлеб-соль*, *мед-пиво* с ритмически организованным ударением, что насыщает оборот фольклорной экспрессией, усиливая для слушателя фонетическую привлекательность слова и притягательность заведения для посетителя.

Неоднозначную акцентологическую судьбу имеет деминутив *мяско*. Ни в словаре Даля, ни в БАС, ни в МАС, ни в орфоэпическом словаре это слово не зафиксировано. В АГ-80 *мяско* приведено в ряду примеров, иллюстрирующих образование деминутивной формы с помощью суффикса *-к* – по типу *пиво* – *пивко* с ударением на флексии [Русская грамматика, 1980, т. 1, с. 212]. С появлением в Москве в 2011 г. сети розничных магазинов «Мяско» зона распространения этого слова с ударением на флексии стала расширяться. Название «Мяско» попало на вывески магазинов. Его написание может варьироваться, начиная от обычного графического «Мяско» до заключающего в себе элемент языковой игры «МясКо» с заглавным К в середине слова, что может восприниматься как аббревиатура словосочетания «Мясная компания», и это при чтении способствует закреплению ударения на окончании.

В последние годы в разговорной речи настойчиво зазвучало слово *мяско* с ударением на корневом гласном. Его употребление обусловлено гендерным фактором. В женской речи мы часто слышим: *мяско такое нежное получилось; возьми мяско в холодильник и разогрей*. Характерно, что эти формы мы не встретим в речи женщин, занятых тяжелым физическим трудом, – штукатуров, маляров, бетонщиц, доярок.

Список «мясных» деминутивов пополняется. В женской речи недавно появились отсутствующие в нормативных словарях деминутивы *колбасонька* и *сосисонька*, произносимые с оттенком умиления: *В холодильнике колбасонька, поешь* (запись разговорной речи), или в шутку: *А теперь положим на овощи сосисоньку и все прогреем* (из ТВ передачи, эстрадная певица Катя Семенова).

Расширение сети магазинов, кафе и ресторанов национальной кухни ввело в речевой оборот россиян пищевые номинации, активно используемые в устной речи: *хинкали, хачапури, манты, мчади, равиоли, суши, пепперони, мюсли, чипсы*. Языковая норма,

касающаяся рода и числа этих существительных, определилась не для каждого из них; не все они получили лексикографическое описание. Исходя из внешних, формальных признаков, говорящие часто относят эти существительные к множественному числу, так как видят в них реальное множество предметов. Например, слово *манты* в нормативном языке имеет ударение на последнем слоге и относится к неизменяемым словам – см. известную книгу В. Похлебкина «Национальные кухни наших народов»: «Отличие манты от других видов пельменей»; «*Приготовление на пару создает возможность сохранить у манты форму*» [Похлебкин, 1980, с. 193]. Большинство же говорящих изменяют это слово по падежам с переносом ударения на первый слог: **Съел один манти*; **четыре манта*; **какие манти вкусные*. Разнобой наблюдается в употреблении и других названий блюд этой группы с формой на *-и*. Так, итальянское название *равиоли* провоцирует русскоговорящих на его употребление в форме мн. ч.: **Купи пачку raviолей* по аналогии с русским *пачка пельменей*. В то же время печатные издания ориентируются на употребление этих слов как неизменяемых при склонении: *Не могу устоять перед итальянскими raviоли* («7 дней»); *В этот вечер мы с Сашей ужинали замечательными хинкали*. Да, *готовил Абдулов потрясающе* (Панкратов-Черный, «7 дней»).

Отметим некоторые неправильности, связанные с категорией числа.

Общеизвестно, что слово *консервы* имеет только форму множественного числа, и употребление его в единственном числе воспринимается как вопиющая безграмотность: **Я съел консерву, она была сытная*. В то же время в профессиональной сфере на предприятиях пищевой промышленности это слово нередко употребляется в форме единственного числа. Так, в одной из телевизионных передач, посвященных оценке качества овощных консервов, зрители могли услышать от работников разных фирм-изготовителей: **Мы давно выпускаем эту консерву*. **Наша консерва пользуется большим спросом*. **Из этой консервы можно приготовить вкусный суп*. Возможно, что здесь перед нами случай профессионального жаргона и что за пределами профессии те же люди придерживаются общеупотребительной нормы, – как это происходит с работниками других профессий: с моряками (**компас* – *кóмпас*), с работниками правоохранительных органов (**осужденный* – *о́суждённый*).

Распространенная ошибка – использование в ситуации заказа на предприятиях общепита счетных форм. Так, при заказе некоторых блюд говорящий употребляет форму собирательного числительного **двое котлет* вместо «две порции котлет». Эта ошибочная форма может использоваться как с существительными, имеющими форму ед. и мн. ч.: *котлета – котлеты, биточек – биточки, перец – перцы* (**двое котлет / биточков / перцев*), так и с существительными, имеющими только форму *Pluralia tantum*: *пельмени, щи, мозги, макароны: *двое пельменей / щей / мозгов / макарон*.

Встречаются нарушения и письменной речи. Так, реклама одного московского кафе обещала посетителю, что его будут **подчевать* старинными русскими блюдами (вместо нормативного *потчевать*, возникшего в русском языке в результате преобразования древнерусского *почьстити*, т.е. ‘оказать честь’). Автор рекламы «корректирует» морфемную структуру глагола, заменяя непонятную часть слова (сочетание префикса *по-* и отрезок корневой морфемы) понятным и определенным префиксом *под-*.

В меню того же заведения значатся и *»*пирог* с визигой» вместо нормативного употребления *с вязигой*. Составитель меню исходил из звуковой формы слова без учета его утраченной внутренней формы: *вязига* – это спинные или шейные сухожилия осетровых рыб. Эта внутренняя форма слова высвечивается при сопоставлении слов «*вязига*» и «*долговязый*», т.е. *длинношей*.

Стоит заметить, что здесь перед нами – лишь некоторые наблюдения над употреблением пищевой лексики и над встречающимися речевыми ошибками носителей языка в этой языковой зоне. Понятно, что пласт пищевой лексики – хоть и активно употребляемая, но все же только часть русской языковой системы. Проанализировать природу подобных речевых ошибок, вскрыть их лингвистический механизм – значит, помимо прочего, и помочь преподавателю-русисту, в том числе работающему в иностранной аудитории, целенаправленно выстраивать работу по повышению речевой культуры учащихся.

Список литературы

- Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
Книга о вкусной и здоровой пище. – М.: Пищепромиздат, 1953. – 400 с.
Маслов Л.А. Кулинария. – М.: Госторгиздат, 1951. – 232 с.

Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов. – М.: Пищевая промышленность, 1980. – 304 с.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

2019.04.019. А.В. ВЕЛИЧКО. РУССКИЙ ЯЗЫК НАШИХ ДНЕЙ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО НОРМАЛИЗАЦИИ.

Ключевые слова: образцовость литературного языка; культура речи; нормализация языка; идентичность русского языка.

В современной лингвистике вопросы о состоянии, развитии языка и о культуре речи можно расценивать как особо актуальные, требующие активного научного обсуждения, что обусловлено рядом обстоятельств, связанных с состоянием русского языка, с одной стороны, и с наукой о культуре речи – с другой.

Социально-исторические и общественные изменения в жизни России последних десятилетий обусловили тот факт, что русский язык претерпел чрезвычайное многочисленное и разнообразное изменения. Наступившая эпоха глобализации коснулась разных сторон жизни и самым решительным образом вторглась в язык. Русский язык подвергается активному влиянию других языков, в первую очередь английского; его буквально наводнили языковые заимствования. Это слова, связанные с общественно-политической, деловой и культурной жизнью: *консенсус, импичмент, легитимность, рейтинг, имидж, ноу-хау, шоу, маркетинг* и т.п. Ср. также зафиксированные нами высказывания из публицистики, теле- и радиопередач: *Стилист рассказал, какие тренды будут актуальны в следующем сезоне...; В 1862 г. Леонкавалло написал оперу «Паяцы», ставшую потом мировым хитом; Многие наши писатели и поэты писали басни, но только И. Крылов стоит в одном ряду с Эзопом и Лафонтеном, и именно И. Крылов – наш бренд; Выступивший подчеркнул, что при создании культурного кластера, важно учитывать...; Подарки под елкой предлагаем заменить на праздничный квест за подарками; Главный приз новогоднего баттла – это...; Чтобы скатиться с ледяной горки не обязательно брать с собой тюбинг; Таксипортируйтесь от 85 руб.*

Отмечаются также новые явления иного плана: «Замечено, что под влиянием американизмов происходит некоторое изменение у русских элитарных языковых личностей. Так, в речи журналистов

и ТВ-комментаторов исчезает такая особенность русского языка, как отчество, появляется не свойственная русскому языку восходящая интонация в конце повествовательного предложения и др.» [Шаховский, 2010, с. 108].

Возникла ненужная конкуренция новых заимствованных и русских слов, ср., *проводить кастинг / отбор, вести мониторинг / подсчет, тест / проверка, тестировать / проверять*.

Изменившиеся жизненные ориентиры и ценности отражаются на стилистических и экспрессивно-оценочных компонентах языка. Например, для выражения состояния или отношения к кому-, чему-либо активно используются слова и сочетания типа *классный, супер, клевый, обалденный, крутой, тусовка, туфта, хайповые кроссовки*. Такое нарочитое употребление жаргонной лексики стало непременным условием и критерием «современности» у молодежи. Однако такие выражения нередко присутствуют и в речи теле- и радиоведущих. Кроме того, некоторые режиссеры считают необходимым включать в кинофильмы, в сериалы стилистически маркированные, вульгарные высказывания, очевидно, как наиболее яркое, с их точки зрения, средство для выражения их авторского замысла.

В такой ситуации усиливается роль науки о культуре речи. Наука о культуре речи – это теоретическая и практическая дисциплина, которая включает три ступени, три аспекта, тесно взаимосвязанные, составляющие ее триединую цель, определяющие ее предназначение: 1) фиксацию, упорядочение, описание новых явлений, элементов языка, 2) их оценку, квалификацию в свете соответствия современной норме и 3) языковую политику, т.е. деятельность языковедов, широких кругов общественности, связанную с воздействием на функционирование литературного языка и на его эволюцию.

Ранее культура речи уделяла большое внимание освобождению литературного языка от диалектных явлений. Сейчас эта задача не так волнует, во многом отпала в результате естественного отмирания диалектов.

Важную роль играют закономерности правильного речевого использования единиц языка: правильное ударение, произношение (и написание), ср.: *свеклá – свѣ́кла, твóрог – творóг, пóртфель – портфѐль, звóнит – звонít. обеспéчение – обеспѣчение*. Ср. также *одеть – надеть, кушать – есть, посетить выставку – сходить на*

выставку. Сейчас эти случаи не так актуальны и во многом преодолеваются. Речь шла о повышении общего уровня речевой культуры рядового пользователя языка, и культура речи активно и успешно этим занималась.

Что касается современной науки о культуре речи, то в последние десятилетия в ней, как представляется, преобладает первый аспект из трех названных: языковеды фиксируют новые факты, проникающие в русский язык, описывают их, делают объектом научного изучения.

Что же касается двух других аспектов, то здесь сложилась практика не отвергать новые факты, не оценивать их, не регулировать процесс их функционирования в речи. Подчеркнем, что это происходит именно сейчас, когда наш язык подвергается изменениям, обусловленным процессом глобализации, о чем здесь уже шла речь, именно сейчас, когда ежедневно мы слышим новые слова и словосочетания, которые приходится запоминать, понимать, осваивать, употреблять (*сайт, файл, валидатор, провайдер, блогер, флэшмок* и т.п.).

Другими словами, наметился разрыв между фиксацией языковых нововведений, их оценкой и регулированием. Пассивная позиция представляется здесь неоправданной. В. Гумбольдт писал, что исследование языка «относительно не включает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт, 1985, с. 383]. Эти слова, полностью относятся к изучению каждого национального языка, и, конечно, русского, тем более того русского языка, каким мы видим его сегодня.

Не вызывает сомнений тот факт, что далеко не все те новшества, которые появляются в языке, способствуют его развитию, ибо под развитием понимаются постепенные изменения, переход из одного состояния в другое, более совершенное, движение к высшему. В последнее время в общественности все чаще поднимают вопрос об обеднении, о порче русского языка, сложился термин «коррозия русского языка».

Необходимо преодолеть этот разрыв при квалификации новых элементов, восстановить триединство целей культуры речи.

Важно строго придерживаться при этом положений, которые выработаны в теории культуры речи. Здесь представляются наиболее важными следующие принципы.

Регулятором синхронного существования языка является норма. Норма – это сложное диалектически противоречивое явление. Она сочетает в себе черты устойчивости и изменчивости. Это означает, что она позволяет, может изменить оценку, отношение к тому или иному факту, однако при этом норма, и в этом основная ее цель, должна обеспечивать стабильность и целостность русского языка, так как она являет собой феномен «гибкой стабильности» (В. Матезиус).

В процессе нормализации надо учитывать социально-исторические факторы, обуславливающие изменения в языке. В сложившейся ситуации следует пересмотреть, уточнить существующие, разработать новые критерии, условия, которые позволили бы дать объективную лингвистическую квалификацию новым, подчас очень неожиданным и спорным, явлениям, элементам, наводнившим русский язык, поскольку критериев, которые использовались ранее, недостаточно для этой цели.

Надо исходить из того, что вершиной культуры речи признается литературный язык, где закрепляются, накапливаются, как в сокровищнице, культурные традиции народа, достижения мастеров слова, писателей, и норма предназначена поддерживать высокий статус, образцовость литературного языка.

Важно оберегать литературный русский язык от элементов, не соотносимых со сложившимися закономерностями его лексико-грамматической системы, отвергать слова, обороты, чуждые ей. Так, отмечается значительное повышение продуктивности модели «существительное + существительное» для словосочетаний с определительным значением типа *аппетит-рецепт*, *гипер-маркет*, *мастер-класс*; *интернет-магазин*; *эконом-класс*; *гала-концерт*. Такие образования, получившие распространение, очевидно, под влиянием языков аналитического типа, не типичны для лексико-грамматической системы русского языка, поэтому они и утомляют слух носителя русского языка.

Следует строго оценивать, исключать ненужные заимствования. Обратим внимание на то, что новые слова и явления идут не из устной народной речи, что в теории культуры речи признается

естественным, а вносятся в обиход чаще всего людьми образованными, знающими иностранные языки, «русскими элитарными языковыми личностями», которые в принципе должны быть сторонниками чистоты языка.

Цель таких нововведений, объясняется зачастую лишь тем, что хочется что-то, без особой необходимости, обозначить как-то иначе, не пытаясь использовать богатейшие ресурсы своего родного языка. Это своего рода мода, ложное понимание современности. Вот мы и предлагаем *хэндауты* (а не раздаточные материалы), проходим *кастинги*, слушаем бесконечные *шлягеры* и *хиты*, радуемся, что купленный крем прошел *тестирование*, и обучаем не иностранных учащихся, а *инофонов*, проводим *мониторинг*.

Культуре речи мешает также засорение словесными штампами (*Надо пройти кастинг; Это наш бренд; Я в шоке; Это клево!; Не парься!; Это круто*).

Важно учитывать дистрибуцию языковых средств, т.е. учитывать дифференциацию литературного языка, внутреннее деление коммуникативного пространства, когда маркированные в каком-либо отношении (стилистическом, эмотивном, коннотативном, оценочном) языковые средства признавать допустимыми только в определенных, соответствующих ситуациях общения. Ср.: *Я просто в шоке, Это клево; Я думаю, будет прикольно; Это классно, он такой крутой!; Обалденно!*). Следует отметить, что сейчас такие высказывания используются всеми и в любой ситуации без ограничений.

Представляется не способствующим эволюции и закреплению статуса русского языка, случаи внешнего влияния иностранных языков закрепившееся с недавнего времени объявление станций метрополитена не только по-русски, но и по-английски. Это же встречается и при объявлении расписания, времени отправления и прибытия поездов и электричек на вокзалах, а также удивляют указатели на полу в метро типа «*way out*».

Не поддается разумному объяснению, почему и с какой целью теперь журналисты стали «гордо» называть наше лучшее в мире метро подземкой.

Неоправданно использование написания отдельных слов (или их частей), используя буквы латиницы (*vip-зал; Капаоке Star*).

Названные выше произошедшие и происходящие изменения в русском языке не только нарушают образцовость русского литературного языка, но и затрагивают идентичность национального языка, поэтому представляются наиболее неоправданными, недопустимыми. Не случайно укрепилась оценка «коррозия русского языка».

Почему происходят подобные изменения, расшатывание русского языка. Довольно правильное, на наш взгляд, объяснение дает В.И. Шаховский. Он пишет: «Та легкость, с которой некоторые американизмы проникают в функциональную систему русского языка, объясняется социо-лингвистической ситуацией в России: экономический, политический, духовный кризис не позволяет русскому языковому обществу целенаправленно заниматься языковым строительством. Эта стройка, как и все другие в сегодняшней России, заброшена: оградительные (правовые, моральные, эстетические) «шлюзы» опущены, «очистительные сооружения» разрушены, никто языковые вкусы, особенно в эмоциональной коммуникации, людей, говорящих на русском языке, в данный период не формирует» [Шаховский, 2010, с. 108].

Язык, как известно, является хранителем национальной идентичности нации. Некультурная речь – прямой путь к деградации нации. Академик Д.С. Лихачёв в работе под значимым названием «Раздумья о России» писал: «Если мы сохраним нашу культуру и все то, что способствует ее развитию,... Если сохраним неиспорченным наш богатейший язык, литературу, музыкальное образование, научные институты, то мы, безусловно, будем занимать одно из ведущих мест на Севере Европы и Азии» [Лихачёв, 1999, с. 50].

Исследования языковедов не должны быть простым зеркалом, отражающим то, что проникает в язык. Долг каждого языковеда заботиться о повышении речевой культуры общества, о самобытности русского языка. Лингвист-теоретик не должен отгораживаться от жизни языка. Его работы должны содержать рекомендации. Кто как не филолог, специалист по культуре речи покажет, что хорошо, а что не очень, что уместно, а что можно выразить русскими словами. В его работах должен быть луч, показывающий, что следует использовать, а что является неправильным, ненормативным. Для этого следует использовать самые разные средства: научно-

популярные статьи в популярных газетах и журналах, популярные справочники и словари, радио- и телепередачи и т.д.

С культурой речи и ее регулирующей ролью надо связывать исследования, которые демонстрируют красоту, богатство, выразительность русского языка. Таких работ сейчас очень мало. К большому сожалению. Как представляется, сегодня чрезвычайно важно говорить, исследовать, в чем проявляется богатство, самобытность нашего родного языка.

Здесь уместно вспомнить слова Л.В. Щербы: «Достоинство литературного языка определяется ...богатством готовых возможностей выражать разнообразные оттенки» [Щерба, 2007, с. 112]. Человек создал язык таким, чтобы можно было передать с его помощью все свои мысли, чувства, потребности, отразить свое познание и видение окружающего мира. Поэтому, например, в русском языке так много синонимов и антонимов. Слово «маленький» имеет более полутора десятков синонимов и близких по значению сочетаний. А сколько различий скрывают близкие по звучанию паронимы: *артистичный* – *артистический*; *женская* – *женственная*; *коренной* – *корневой*; *скрытый* – *скранный* и т.п.

Яркая специфика русского языка в наличии большого количества приставочных глаголов. Так, у глагола *говорить* более двадцати приставочных «родственников», в которых русский человек зафиксировал разные стороны и особенности речевого процесса: производительные особенности (*проговорить*, *выговорить*), характеристику речи во времени (*заговорить*, *договорить*, *поговорить*), особенности речевого общения (*разговориться*, *заговориться*, *наговориться*, *переговорить*, *оговорить*, *сговориться*), содержательную характеристику речи (*оговориться*, *проговориться*) и т.п. [Величко, 1990, с. 25–34].

Человек проявлял наблюдательность, осваивая окружающий его мир, смог отразить в словах сходство родственных объектов, зафиксировав при этом и специфику каждого из них. Например, на человеческом теле *кожа*, а на дереве – *кора*, у ореха – *кожура*, на лимоне и апельсине – *корка*, у персика *кожица*, у крупных животных *шкура*, а у белочки – *шкурка*. Другой аналогичный пример: у человека *глаза*, цветы называются «*анютины глазки*», на картошке бывают *глазki*, а в двери *глазок*.

В грамматике также отражается своеобразие русской языковой картины мира. Так, деепричастия не всегда можно заменить глаголами, образовав однородные члены предложения (*Дети сидели на диване, рассматривая картинки – Дети сидели и рассматривали...*), так как они занимают в русской речи свое особое место и, присоединяясь к глаголу, могут передавать такие оттенки, такие движения мысли, которые нельзя передать, заменив деепричастие глаголом: *И они с сестрой пошли, оставляя солнце за спиной; Серафима принарядилась, надев красивое платье и накинув красивую шаль; Мужчина сидел, по-восточному скрестив ноги.*

Знакомые с детства стихотворные строки, простые для запоминания, каждый раз восхищают точностью смыслового сочетания слов и живостью образов. Приведем несколько фрагментов без комментариев, чтобы не нарушить их поэтической прелести: *Крот уж лист золотой влажную землю в лесу, Смело топчу я ногой Вешнюю леса красу* (А. Майков). *Унылая пора! очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса – Люблю я пышное природы увяданье* (А.С. Пушкин). *Под голубыми небесами Великолепными коврами, Блестя на солнце, снег лежит* (А.С. Пушкин). *Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит; Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит* (М.Ю. Лермонтов).

Невольно вспоминаешь глубокие оценки русского языка наших классиков: «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название драгоценнее самой вещи» (Н.В. Гоголь).

Список литературы

- Величко А.В. Употребление приставочных глаголов, мотивированных глаголом *говорить* // Рус. яз. за рубежом. – М., 1990. – № 4. – С. 25–34.
- Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
- Лихачёв Д.С. Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999. – 672 с.
- Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 128 с.
- Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: АСПЕКТ Пресс, 2007. – С. 113–129.

ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ

2019.04.020. Э.Б. ЯКОВЛЕВА. О РЕГИОНАЛИЗМАХ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ. (Обзор).

Ключевые слова: общие и региональные этнонимы; названия и самоназвания; Северо-Восток России; эвены; регионализмы; диалектология; проклятия; табуирование; этимология.

Изучение регионализмов является актуальным направлением современной лингвистики. Их источником, как правило, являются диалекты, распространенные на определенных территориях. В рассматриваемых статьях данный пласт лексики трактуется в диахронии и синхронии, что представляется весьма интересным для специалистов, занимающихся данной отраслью языкознания.

В статье М.С. Тейкина [2] отмечается, что изучение коренных малочисленных народов Севера, их языковых особенностей и родоплеменных отношений, названий и самоназваний как научное явление возникло с момента начальных контактов русских первопроходцев с туземцами – с первой половины XVII в. Исследователи прошлых веков разграничивали разные народы Севера, но это не всегда удавалось в полной мере. Так, вплоть до XX столетия имело место смешение современных эвенов и эвенков, часто именовавшихся общим этнонимом *тунгусы*, не отражавшим полным образом этнического своеобразия Северо-Востока России. В статье рассматриваются устаревшие и современные этнонимы эвенов, как распространенные среди всех представителей данного этноса, так и региональные, имеющие хождение на ограниченных территориях. Исследуется происхождение наименований эвенов, анализируются прежние названия и причины, побудившие в XX в. переменить в русском языке наименование одного из коренных малочисленных народов Севера. Также рассматривается проблема эвенских самоназваний, вплоть до середины прошлого столетия конкурирова-

ших между собой за статус единственного общего наименования в русском языке для всех представителей одного этноса.

Указывается, что эвены относятся к коренным малочисленным народам Северо-Востока России. Территория их обитания обширна – Магаданская область, Чукотский автономный округ (Анадырский и Билибинский районы), северная часть Камчатского края, Северо-Восток Якутии. Эвены никогда не имели компактного места проживания, что объяснялось кочевым образом их жизни. В результате эвенский язык подразделяется на множество диалектов, отличающихся не только фонетикой, но и лексическим составом [2, с. 102].

Кроме языковых различий, эвены, проживающие в той или иной природной зоне, именуется сородичами по-разному – чаще всего в зависимости от рода занятий, ведущегося с учетом ландшафта и климата. Автор констатирует, что для представителей данного этноса существуют разные региональные этнонимы, а общий этноним *эвен* объединяет все географические группы в одно целое – по общему языку и происхождению. Местные названия и самоназвания имеют хождение не только среди самого эвенского этноса – их заимствовали ближайшие соседи эвенов, в том числе говорящие по-русски. При этом региональные этнонимы (в отличие от общих) не входят в лексику, составляющую литературный язык. Это регионализмы – слова, обозначающие реалии определенной территории.

В русском языке имеются также и устаревшие наименования эвенов, ныне встречающиеся в научной литературе и хрониках прошлых веков; эти имена не являются самоназваниями.

Описание эвенских этнонимов автор начинает с использовавшихся в прошлые эпохи в соответствии с хронологической последовательностью, а затем переходит к рассмотрению региональных названий эвенов, часто привязанных к географии преимущественного проживания.

Отмечается, что одно из первых известных науке наименований эвенов – *ламуты* встречается в письменных источниках с середины XVII в. «Так, в “Отписке Ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова” упоминается поход Постника Иванова 1638 года. Происхождение данного этнонима сомнений не вызывает: *ламу ~ лам* на эвенкийском языке означает ‘море’» [там же].

До революции встречалось именование эвенов *тунгусами* – с полным или частичным их отождествлением с родственными им эвенками. При этом большинство исследователей прошлых эпох, относя ламутов к тунгусам, все же отмечали неполную тождественность данных этнонимов, хотя другие ставили между ними знак равенства [2, с. 103].

М.С. Тейкин пишет, что ученые, путешественники и ссыльнопоселенцы XVII, XVIII и XIX вв., запечатлевшие свои исследования в письменном виде, выделяли ламутов на общем фоне, относя их при этом к тунгусам. По его мнению, нельзя говорить и о полном отождествлении этнонимов *ламут* и *тунгус*: носители первого включаются в более широкое этническое образование, и в качестве существенного отличительного признака указывается на приморское проживание ламутов. Однако автор замечает, что для точной этнической дифференциации народов, называемых сегодня эвенами и эвенками, этого явно было недостаточно: эвены живут не только у моря. Таким образом, вплоть до XX в. ламуты в отдельный этнос не выделялись, а так или иначе соотносились с тунгусами. Результатом было смешение этнонимов и непоследовательное их употребление.

Исследователь пишет: «Безусловно, и эвены, и эвенки имеют общее происхождение. Языки обоих этносов относятся к тунгусо-маньчжурской группе, на основании чего их правомерно называют – с лингвистической точки зрения – тунгусскими народами» [там же].

Отмечается, что эвенки – близкородственный эвенкам, но все же не тождественный им народ; это различные этносы, хоть и имеющие общее происхождение. Автор ссылается на исследование Я.И. Линденау¹, который пишет, что, несмотря на отождествление тунгусов с ламутами, знак равенства между ними все же ставить нельзя «Их [ламутов] язык отличается от языка тунгусов» (6: 53). «Например, *море* по-эвенски *нам*, в отличие от эвенкийского *ламу ~ лам* (последнее – диалектная форма), из которого и происходит слово *ламут*. Безусловно, слова имеют этимологическую связь: переход *л* в *н* объясняется тем, что в эвенском языке незаимствованные лексические единицы не могут начинаться на букву *л*» [там

¹ Линденау Я.И. Описание народов Сибири: (Первая половина XVIII века). – Магадан, 1983. – 176 с.

же, с. 103]. Очевидно, что этноним *ламут* являлся географически ограниченным – применявшимся к эвенам, обитающим у морских берегов.

Указывается, что происхождение этнонима *ламуты* от эвенкийского слова *ламу* (диал. *лам*) ‘море’ не делало его неподходящим для употребления, почему он успешно использовался для наименования тунгусской народности на протяжении нескольких столетий – с XVII по XIX в. включительно. Переход на новый этноним произошел в первой половине XX в. – после революции. Оценивая исторические реалии, автор предполагает, что решение о смене наименования коренного малочисленного народа Севера принималось по причине того, что *ламуты* – не самоназвание, географическая же неточность (эвены живут не только на побережье моря) сыграла здесь далеко не ведущую роль. В тот же исторический период (1930-е годы) была попытка заменить привычный и научно устоявшийся этноним *чукча* на близкий к самоназванию *луораветлан*, но неологизм в русском языке не прижился. Дело в том, что этноним *ламут* до революции не закрепился в качестве единственно точного, охватывающего всех тех, кого сегодня принято называть эвенками. Автор указывает, что «Если бы четкое этническое разграничение было проведено ранее, следствием чего стало бы прекращение смешения понятий *тунгус* и *ламут*, – последний мог бы стать национальным идентификатором определенного народа Крайнего Севера. Сего, однако, не произошло. Именно поэтому замена старого – не совсем точного – этнонима новым (произошедшая не стихийно, а сознательно проведенная) прошла в русском языке безболезненно» [2, с. 104]. Словари, выпущенные во второй половине XX в., уже относят слово *ламут* к устаревшим. В период официального утверждения нового этнонима эвенками называли себя, наряду с иными самоназваниями – зачастую конкурировавшими друг с другом на разных территориях, большинство представителей данного этноса; поэтому в русскую научную и этнографическую литературу, официальную документацию, а вслед за тем и во все остальные сферы жизни вошло именно это слово.

Относительно происхождения этнонима *эвен* существуют различные предположения. Автор ссылается на учебник В.И. Цин-

циус¹, где самоназвание связывается с глаголом *эвдэй* ‘спускаться с гор’, однако, по его мнению, более правдоподобной выглядит версия об этимологической связи этнонима с эвенским словом *эвэн* ~ *эвун* ‘местный, здешний’, предложенная К.А. Новиковой². «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека и М.Е. Роббек³ слово *эвув* ~ *эвуч* переводит как ‘близкий, ближний’, что в определенной степени синонимично прилагательному *местный*.

Автор отмечает, что ввиду немногочисленности и территориальной рассеянности эвенов наблюдается такое явление, как смешение этнонимов: региональные наименования этноса совпадают с названиями иных народов.

В Хабаровском крае проживает малочисленный народ орочи. Эвены Быстринского района Камчатского края также называют себя орочами, поскольку владеют оленьими стадами: по-эвенски *оран* значит ‘олень (домашний)’ [2, с. 104].

Оседлые эвены, живущие у Охотского побережья и занимающиеся охотой, рыболовством, а также разведением собак, именуются *мэнэ* ‘оседлый’ – от слова *мэнэдэк* ‘летняя база’. Данный этноним объясняется тем, что взрослые мужчины летом перекочевывали с оленями, а женщин, стариков и детей оставляли на одном месте: необходимо было подготовиться к зиме, а женщинам – пошить на всех одежду. Разумеется, находящиеся на летней базе и занимающиеся хозяйством не имели возможности кочевать, поэтому логическая связь существительного *мэнэ* и прилагательного *мэнэдэк*, по мнению исследователя, четко прослеживается [2, с. 105].

Эвены побережья именуют живущих в глуби материка *донрэткэнами* (*дөнрэткэн* ‘таежный, живущий в глуби материка’ – от слова *дөнрэ* ~ *дөмуэ* ‘суша, материк; тайга, лес; местность, удаленная от моря’. Донрэткэны занимаются оленеводством, а также охотой и рыболовством на озерах [там же].

В свою очередь, эвены, живущие в отдаленных от моря районах, противопоставляют себя эвенам побережья и называют по-

¹ Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Л., 1947. – Ч. 1. – 272 с.

² Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. – М.; Л., 1960. – Ч. 1. – 264 с.

³ Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. – Новосибирск, 2005. – 356 с.

следних *намаатканами* (*намаатџан* ~ *намутџан*) ‘приморский житель, помор’ – от слова *нам* ‘море’) [там же].

Эвены, живущие в низовьях Колымы, называют себя *илканами* (*илџан* ‘настоящий, зрелый, возмужалый’. Данный этноним имеет весьма ограниченное распространение. Прослеживается взаимосвязь регионального эвенского самоназвания с самоназванием родственных эвенкам негидальцев – *элькан бэйэнин* (*elkan bööñin*) ‘настоящие люди’ [там же].

Отмечается, что существуют и более древние региональные этнонимы, ныне уже не встречающиеся в устной речи. Так, эвены, проживающие у реки Тауй, протекающей по северной части Хабаровского края и по Магаданской области, в прошлом называли себя *товунканами*.

Отдельные региональные этнонимы эвенов происходят от наименований местностей проживания. Так, самоназвание *уяганкан* восходит к названию реки Уега. Данный региональный этноним является также наименованием современного эвенского рода, распространенного от Северо-Востока Якутии до севера Камчатского края.

В заключение исследователь констатирует, что в зависимости от места проживания и рода деятельности различных групп эвенов различаются и их названия. В прошлом некоторые из них конкурировали между собой за признание в качестве общего обозначения всех представителей одного этноса. Данный феномен в наши дни не характерен для больших народов. Именно это и составляет уникальность малочисленных этносов.

Сегодня общим этнонимом для именованя всей совокупности народа является *эвен*. *Ламут* по праву указывается в словарях в качестве устаревшего слова. *Ороч*, ранее конкурировавший с этнонимом *эвен*, ныне является всего лишь региональным самоназванием.

На основании вышеизложенного автор делает вывод, что благодаря проведенной этнологами и лингвистами работе эвены имеют общий этноним и сегодня четко разграничиваются от остальных малочисленных народов, населяющих не только Северо-Восток, но и иные регионы России. Это играет положительную роль при изучении языковых и этнических особенностей эвенов и не в последнюю очередь способствует эффективным и плодотворным лингвистическим исследованиям.

Материалом для статьи Е.Л. Березович, О.Д. Суриковой [1] послужили формулы проклятий, извлеченные из диалектных словарей русского языка и неопубликованных полевых записей, сделанных топонимической экспедицией Уральского университета на Русском Севере и в Поволжье. Рассматривая логико-смысловую структуру проклятий, авторы статьи останавливаются на категории актора, отличающейся широким репертуаром смысловых функций и богатством средств лексического воплощения. Под актором понимается существо, предмет, явление, которое, по мысли исполнителя проклятия, должно причинить вред проклиняемому. Выделяются логические роли, в которых выступает актер в текстах проклятий; определяются семантические типы лексики, выступающей в роли актора. Особое внимание уделяется так называемым квазиакторам, которые являются контекстно обусловленными и не функционируют как самостоятельные номинативные единицы; изучаются языковые механизмы, способствующие появлению квазиакторов (лексическая инерция, отглагольная деривация). Исследуется роль языкового табу в процессах номинативного воплощения категории актора. На основе выделенных особенностей осуществляется семантико-мотивационная и этимологическая реконструкция ряда слов, функционирующих в проклятиях.

Отмечается, что для реализации целеустановок текста актер не столь значим, как предикат проклятия, однако эта категория отличается широким репертуаром смысловых ролей и богатством средств лексического воплощения. Авторы считают, что при продуцировании текста проклятия лингвокреативная энергия говорящего уходит главным образом на создание образа актора, ведь представления о его вредоносных действиях априорны – и их вербализация требует меньших номинативных усилий. Актер предстает в следующих логических ролях: субъектная (основная), инструментальная, локативная и определительная (последняя реализуется крайне редко). Выделяются основные семантические типы лексики, выступающей в роли актора проклятий: «мифологическое существо, представитель нечистой силы; персонаж народного христианства»; «болезнь, болезненный симптом»; «смерть и ее атрибуты»; «опасное животное»; «природная стихия»; «беда, несчастье, напасть»; «инородец»; «угрожающее орудие, инструмент»; «персо-

нифицируемый топос (опасный, отдаленный или потусторонний)» [1, с. 106].

Нередки ситуации, когда в семантике обозначений актора сочетаются смыслы, относящиеся к нескольким выделенным группам. Если перечисленные группы вполне ожидаемы и предсказуемы, то наиболее интересен и специфичен еще один разряд акторов – квазиакторы, которые реализуют механизм персонификации, являясь при этом контекстно обусловленными и не функционируя (или ограниченно функционируя) как самостоятельные номинативные единицы.

Именно этот круг фактов привлек к себе особое внимание авторов данной статьи. Возникновение «реальных» акторов определяется главным образом мировоззренческими (когнитивными) причинами, в то время как появление квазиакторов вызвано собственно языковыми механизмами, которые обусловлены требованиями жанра проклятий. В их числе лексическая инерция (тавтология), в результате которой появляются окказиональные отглагольные существительные.

Авторы отмечают, что выделенные особенности реализации категории актора ярко демонстрируют магическое целеполагание проклятий и их «перформативность» – стремление говорящего добиться действенности слова. Отсюда, с одной стороны, особая роль глагольных ресурсов при образовании квазиакторов, а с другой – нередкая «зашифрованность» последних, их окказиональный характер.

По мнению исследователей, изучение актора проклятий помогает понять специфику этого речевого жанра, проследить его связь с базовыми механизмами наивного / обыденного сознания (анимизм, табуизация), определить особенности действия механизмов номинации в условиях повышенной прагматической нагрузки.

Список литературы

1. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. К реконструкции лексического состава проклятий: Категория актора и особенности ее реализации в текстах: (На материале русских народных говоров) // *Вопр. языкознания.* – М., 2018. – № 3. – С. 89–111.
2. Тейкин М.С. Общие и региональные этнонимы эвенов: Историко-филологические наблюдения // *Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та.* – Петрозаводск, 2019. – № 1(178). – С. 102–107.

LINGUA-RETRO

2019.04.021. МАРУСЕНКО М.А. ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: Языковые последствия глобализации. – М.: ВКН, 2015. – 496 с.

Ключевые слова: глобализация; постмодерн; языковое разнообразие; смерть языка; смена языка; возрождение языка; языковые конфликты; языковые меньшинства; языковые права человека; миноритарные языки; гравитационная модель языков; билингвизм; мультилингвизм; мультикультурализм; эколлингвистика; языковая идеология; лингвоцид; лингвицизм; языковой империализм; патуа.

Михаил Александрович Марусенко – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Санкт-Петербургского университета, специалист в области романского языкознания, социоллингвистики, языковой политики и языкового строительства¹.

Монография представляет собой опыт обобщения результатов изменений, накопленных разными странами в период параллельного развития двух взаимосвязанных процессов – глобализации и перехода западного общества в эпоху постмодерна².

Книга состоит из четырех глав.

¹ Автор работ: Квебекский язык: Le Québécois. – СПб., 2006. – 200 с.; Франкофония Северной Америки. – СПб., 2007. – Т. 1. – 353 с.; Т. 2. – 290 с.; Языковая политика Франции. – СПб., 2011. – 622 с.; Языковая политика Европейского союза: Институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб., 2014. – 288 с.; Языки и национальная идентичность: Современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. – М., 2015. – 575 с.

² Согласно социологической традиции, история европейской цивилизации делится на три этапа: эпоху преמודерна (холистическую), эпоху модерна (Новое время) и эпоху постмодерна (с. 7). – *Прим. реф.*

В главе первой «Постмодерн и глобализация» постмодерн определяется как «комплексное состояние общества, отраженное в культуре, политике, науке и связанное с господством информационного производства, смещением культурных архетипов, девальвацией ценностей»¹, суть которого состоит в «возрастании значения высоких технологий, виртуализации экономики и политики, стохастической неопределенности»². Автор перечисляет проблемы, порождаемые цивилизацией: «1. Уменьшение места и снижение роли национальных языков на собственной традиционной территории. 2. Подчинение языков законам рыночной экономики. 3. Создание экстерриториальных сообществ, независимых в языковом отношении, например научных. 4. Сетевые эффекты в сферах, зависящих друг от друга (например, “образование – наука – производство”. 5. Ослабление связей между языком и идентичностью. 6. Нарушение равновесия в международном использовании языков» [с. 29]. Рассматривая этот комплекс проблем, М.А. Марусенко использует понятие «политкорректный дискурс» [с. 31], который концентрируется в отношении языков на двух вопросах: языковом разнообразии (подчеркиваются его преимущества) и смерти языков (которая оплакивается). Этот дискурс представляет собой «некое множество высказываний, претендующих на универсальность, которые лежат в основе *профессиональной этики лингвистов*» [с. 76]. Она основывается на следующих постулатах: 1) все языки равны; 2) все языки способны в одинаковой степени (некоторые после создания новых слов) выражать все знания, накопленные человечеством; 3) все языки должны иметь письменность; 4) миноритарные языки имеют право на официальное признание; 5) языки как часть культурного наследия или как виды под угрозой исчезновения должны иметь защиту; 6) носители имеют право на обучение на родном языке; 7) потеря языка означает потерю своих корней, идентичности, культуры и т.д. «Однако с точки зрения здравого смысла гибель любого языка, так же как и гибель любой культуры, запрограммирована во времени. Тот же здравый смысл говорит о том, что в повседневной жизни *языковое разнообразие* скорее

¹Гордеев И. Трансформация власти и политики в эпоху постмодерна и глобализации // Обозреватель = Observer. – М., 2007. – № 12. – С. 103.

²Там же.

представляет собой дорогостоящую и труднопреодолимую *помеху*, чем показатель богатства и гармонии. Стоит напомнить, что в мифе о Вавилонской башне увеличение числа языков было наказанием человечества, а не наградой» [с. 31].

Языковая проблема остро стоит для международных организаций, в том числе и для Европейского союза, который номинально поддерживает языковое разнообразие и принцип соблюдения равенства языков государств-членов: официальные языки всех этих стран являются официальными и рабочими языками ЕС. Однако на практике обнаруживаются серьезные проблемы в языковом режиме ЕС, и наиболее острой из них является место немецкого языка, совершенно не соответствующее ни численности его носителей от рождения (более 90 млн), ни самому большому числу государств, в которых он является официальным. Это снижение статуса немецкого языка все хуже переносится его носителями, ведь глобальные позиции этого языка сильнее французского и «почти достигают уровня английского языка (за исключением Албании, Болгарии, Македонии и Румынии)» [с. 34].

Отмечается, что особенно заметно глобализация проявляется в интернационализации знания: из примерно 100 000 научных периодических изданий, издаваемых в мире, 50% публикуется на английском языке.

Языковые конфликты, обостряемые глобализацией, М.А. Марусенко подразделяет на микро- и макроконфликты. Первые обычно касаются корпуса языка (например, будущего перехода Китая на фонетически ориентированную орфографию), вторые – статуса языка и языковой политики (защиты языковых меньшинств, использования определенных языков в образовании, бизнесе и международных отношениях). В некоторых случаях политические конфликты имеют языковое происхождение, например, в Эстонии, где 75% населения говорят на эстонском языке и 25% – на русском, причем 52% людей, самоидентифицирующихся как русскоязычные, бегло говорят по-эстонски.

Переходя к рассмотрению конфликта между глобализацией и языковым разнообразием, М.А. Марусенко отмечает, что наиболее остро он проявляется в соблюдении языковых прав и в обучении языкам. При этом автор ссылается на концепцию американского

социолингвиста Г. Клосса¹, который сформулировал различие между языковыми правами, ориентированными на толерантность, и языковыми правами, ориентированными на развитие. Первые гарантируют право на сохранение языка в частной, негосударственной сфере; вторые определяют границы, в которых права меньшинств признаются государством в общественной или государственной сфере. Языковые права, ориентированные на развитие, могут трактоваться ограничительно (публикация государственных документов на языках меньшинств) или расширительно (признание языков меньшинств во всех официальных областях в пределах национального государства, разрешение миноритарным языковым сообществам выражать свои интересы через собственные государственные органы самоуправления, право на образование на языке государствообразующего меньшинства).

Дается оценка гравитационной модели языков, в рамках которой различается гиперцентральный язык (английский), суперцентральные языки (французский, испанский, русский, арабский и т.) и центральные языки, к которым тяготеют 6–7 тыс. периферийных языков. На каждом уровне этой системы могут проявляться две тенденции: к горизонтальному билингвизму (владение языком того же уровня, что и родной) или к вертикальному билингвизму (владение языком более высокого уровня). По мнению М.А. Марусенко, языковое разнообразие должно рассматриваться в двух планах: 1) как горизонтальное, которое может перестроить отношения между центральными языками; 2) как вертикальное, которое в рамках X-фоний может обеспечить взаимодополняемость разных языков: французского и африканских языков, испанского и индейских и т.д.

В главе второй «Опасность исчезновения и смерть языков²». кратко излагается история эколлингвистики и анализируются основные положения «алармистского дискурса», который сформировался в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. и получил ироническое название «панихидный плач лингвистов» (*linguist's lament*) [с. 95]. Объектом их исследований стали аборигенные языки в бывших колониях европейских стран и миноритарные языки Европейского

¹Kloss H. The American bilingual tradition. – Rowly (Mass.), 1977. – P. 2.

²Термин «смерть языка» был предложен В. Дресслером: Dressler W. Language shift and language death: A protean challenge for the linguist // *Folia linguistica*. – 1981. – Vol. 15. – P. 5–28.

союза (бретонский, окситанский, баскский, саамский, гэльский и др.), находящиеся под угрозой исчезновения из-за давления национальных языков. По мнению М.А. Марусенко, «этот дискурс используется с совершенно иной целью – за защитой миноритарных языков скрывается сопротивление доминированию английского языка со стороны носителей суперцентральных языков, в то время как носители миноритарных языков имеют другую точку зрения на доминирование английского языка, который, наоборот, защищает их языки»¹.

Существуют две общепризнанные причины смерти языка: 1) если многие индивиды по личным причинам не передают свой язык детям (что произошло с окситанским языком); 2) если языковая политика государства направлена на уничтожение языка (не обеспечивается образование на нем, запрещается его публичное использование и т.д.). Возможны следующие варианты смерти языка: 1) постепенная смерть языка; 2) восходящая смерть языка (изменения начинаются с нижнего регистра, например с общения в семейном кругу); 3) нисходящая смерть языка (изменения начинаются с высшего уровня, например с государственного); 4) радикальная смерть языка; 5) лингвоцид (внезапная смерть языка в результате геноцида, физическая смерть языка) [с. 99].

Процесс исчезновения языков обычно сопровождается их изменениями: потерей фонологических противопоставлений, разрушением морфологических структур, переходом от синтетизма к аналитизму, потерей словообразовательной продуктивности и стилового разнообразия, устранением вариантов (т.е. стандартизацией) и т.д.

ЮНЕСКО опубликовала «Красную книгу языков, находящихся под угрозой исчезновения в Европе»² и «Атлас языков, находящихся под угрозой исчезновения в мире»³. В России 120 языков находятся в опасности, а 15 уже признаны мертвыми (алеутский, чукотский, терско-саамский и др.). «Для того, чтобы затормозить

¹ Марусенко М.А. Языковая политика Франции. – СПб., 2011. – С. 355.

² UNESCO Red book of endangered languages: Europe [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://www.endangeredlanguages.com/lang/ude>; <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>

³ UNESCO Atlas of the world's languages in danger [Электрон. ресурс]. – Mode of access: www.unesco.org/culture/languages-atlas.

процесс смерти языка, надо наладить трансгенерационную передачу языка, находящегося под угрозой, т.е. прежде всего, восстановить его использование в функции местного языка. С этой целью оптимальным является введение изучения *миноритарного* языка, начиная с *дошкольного* образования» [с. 103].

В этой же главе кратко излагается история эколоингвистики как раздела языкознания и констатируется факт концептуальных заимствований ею из антропологии (особенно из ее раздела о спасении меньшинств) и экологии. По мнению М.А. Марусенко, аналогии между языками, культурами и биологическими видами неправомерны по причине различий в историческом темпе биологической эволюции и языковых изменений и в возможности образовывать смешанные формы. Поэтому автор считает неправомерным и использование биологической терминологии применительно к языкам: «*овеществление* языка наподобие живых существ превращает его в *самостоятельную* сущность и ведет к смешению природы и культуры. Однако если массовая гибель животных или растений приводит к нарушению природного равновесия и может катастрофически повлиять на разнообразие видов на планете, то язык является преимущественно *социальным* явлением, и *социальные* субъекты, переставая использовать *свой язык*, не перестают существовать физически, они образуют новые или примыкают к существующим языковым группам, использующим *другие языки*» [с. 137–138]. М.А. Марусенко приходит к выводу, что алармистский дискурс об исчезновении языков основывается на обманчивых метафорах и ложной сентиментальности, поскольку сами термины «угроза», «опасность» и «смерть» применительно к языку являются метафорами, вызывающими сентиментальные коннотации.

Лозунг «чем больше языков, тем лучше» на самом деле провоцирует нарушение языкового равновесия: чем сильнее будет конкуренция между языками, тем больше будет распространяться английский язык, так как ни один автохтонный язык не сможет стать доминирующим (что уже произошло в Европейском союзе, Индии, Южной Африке и т.д.). «Гегемония английского языка укрепляется благодаря внедрению *мультилингвизма* усилиями, например, Европейской комиссии» [с. 153].

Подчеркивается различие между смертью языка и сменой языка: смерть языка возможна, если смена языка становится необ-

ратимой. Однако между ними обязательно существует период времени, в течение которого факторы, отвечающие за смену языка, могут прекратить свое действие. Приводится концепция Дж. Фишмана¹ об обратной смене языка во избежание смерти языка и потери связанной с ним культуры. М.А. Марусенко не поддерживает эту концепцию, полагая, что вероятное возникновение билингвизма может улучшить ситуацию, но спасаемый язык останется слабым и со временем все равно исчезнет. «Проблема в том, что неспособность языка удовлетворять функциональные запросы носителей как причина их отказа от него никуда не исчезает» [с. 261]. В таких случаях лингвисты не должны поддерживать носителей прежнего языка и сохранять их прежнее языковое поведение, т.е. проявлять патернализм.

Касаясь вопроса перспективы эволюции мировой системы языков, автор высказывает предположение, что ее развитие «приближается к *точке бифуркации*, в которой благодаря действию нового аттрактора произойдет резкое изменение *направления* ее движения» [с. 271], причем важнейшую роль сыграют в этом коммуникативные технологии, изменяющие наше отношение к миру.

Как указывается в главе третьей «Возрождение языков», понятию «смерть языков» противостоит понятие «ревитализация языков», положенное в основу «Зеленой книги возрождения языков на практике»². М.А. Марусенко считает, что «ревитализация языка» не учитывает социальные явления, определяющие судьбу языка, т.е. мотивацию его носителей, их языковое поведение, их отношение к языку.

Движение возрождения языка не может существовать без языковой идеологии, матрица которой близка к матрице доминирующей культуры. Языковая идеология присутствует в любых языковых контактах и имеет много видовых форм: идеология разнообразия кодов, идеология идентичности, идеология диглоссии, национальная идеология, идеология моноязычия, идеология самоопределения и т.д. В борьбе за возрождение языка используются не только идеи, но и мифы, транслирующие модели поведения и фор-

¹ Fishman J. Reversing shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. – Clevedon, 1991. – P. 88–109.

² Hinton L. Language revitalization: An overview // The Green book of language revitalization in practice. – San Diego, 2001. – P. 3–18.

мирующие представления об изменениях, к которым должно привести возрождение языка.

На сегодняшний день единственным достоверным примером полного возрождения исчезнувшего языка является иврит. М.А. Марусенко дает краткий исторический очерк возрождения иврита в результате реализации сложного комплекса политических и социальных мер и коллективной воли людей, прежде говоривших на разных языках. Отмечается, что альтернативой ивриту был язык идиш, который, однако, «не мог соперничать с ивритом по глубине и связи с территорией» [с. 337].

Глава четвертая «Актуальные тренды эволюции мировой системы языков» начинается с характеристики одного из важных трендов в современной языковой политике – лингвоцида. Он определяется как «комплекс мер административно-политического принуждения, направленных на искоренение языка в районах его традиционного употребления, в результате которых носители языка не уничтожаются физически, а подвергаются ассимиляции в языковой сфере» [с. 343]. Это происходит в соответствии с постулатом, что этнические меньшинства всегда представляют для национального государства помеху, вызывают дополнительные затраты и являются источником неприятностей для функционирования государственного механизма.

Практика лингвоцида связана со следующими действиями: принуждением носителей языка не передавать его своим детям; отказом в образовании на одном из языков государства; запрете публичного использования данного языка. Для этого используются следующие методы: 1) старинные, т.е. репрессивные (запреты, преследование, наказания и т.д.), со временем обнаруживающие свою малую эффективность (о чем свидетельствует, например, история курдского языка); 2) современные, т.е. связанные, прежде всего, с обязательным обучением, поскольку «нет ничего более эффективного для быстрого и окончательного *убийства языка*, чем обучение другому языку» [с. 346]: в первом поколении формируется популяция билингвов, во втором – моноязычная популяция, состоящая из людей, не знающих языка своих предков; 3) психологические, т.е. убеждающие людей в том, что местные языки – это системы выражения, недостойные называться языком; для обозначения таких систем был предложен термин «патуа», обозначающий любой ре-

гиональный вариант языка. У носителей такого варианта воспитывается отношение к нему как к постыдному пороку (в качестве примера приводится рипуарский, или рейнский язык).

Как констатирует М.А. Марусенко, только Швейцария является стабильно-благополучным многоязычным государством благодаря строгому применению принципа территориального использования языков: каждая часть ее территории живет в режиме фиксированного многоязычия.

Вторым трендом в эволюции мировой системы языков является языковой империализм¹. Этот термин ввел в научный обиход Р. Филлипсон², имея в виду распространение изучения второго языка. Ему же принадлежит термин «лингвизм» для обозначения «политики насаждения языка (чаще всего английского), сопровождающейся навязыванием культурных, социальных, эмоциональных и языковых норм доминирующего сообщества доминируемому сообществу при *неравном распределении* властных полномочий и ресурсов» [с. 357–358].

С идеологической точки зрения языковой империализм базируется на трех основных постулатах: 1) о неравенстве языков: некоторые из них оцениваются как варварские, отставшие от цивилизации, другие – как передовые, цивилизованные; этот подход опирается на теорию биологической и социальной эволюции; 2) о языковых универсалиях: «человеческая мысль может быть выражена на любом языке; общая *глубинная структура* всех языков позволяет выражать мысли на самом *распространенном и совершенном* языке вместо *родного* языка, который может быть лингвистически и географически очень ограниченным» [с. 359]; 3) о добровольном отказе носителей от своих родных языков. Первым идеологом языкового империализма был основатель Alliance française П. Фонсен, который, однако, использовал другой термин – «моральное завоевание» (*conquête morale*).

¹ М.А. Марусенко отмечает, что само по себе явление языкового империализма не новое: приводятся примеры империализма латинского языка, приведшего к образованию романских языков; империализма арабского языка, сопровождавшегося распространением ислама в Средиземноморье; кастильского в Латинской Америке; русского на территории бывших союзных республик (с. 357). – *Прим. реф.*

² Phillipson R. Linguistic imperialism. – Oxford, 1992. – P. 15.

Различаются два типа языкового империализма:

1) внутренний (например, в США), воздействию которого подверглись коренные жители этой страны (американские индейцы, эскимосы, алеуты) и население территорий, аннексированных или приобретенных США (например, Луизианы, Новой Мексики, Техаса, Калифорнии);

2) внешний, например американский или японский; последний тип относится к эпохе Мэйдзи (1868–1912), когда император Мицухито и двор переехали в г. Эдо (позднее переименованный в Токио) и власти стали заниматься строительством *когико* – национального языка (на базе токийского диалекта) и его внедрением на всей территории Японии.

В заключение рассматриваются различные аспекты критики мультикультурализма, а также изучения и преподавания языков в условиях глобализации.

Н.Н. Трошина

2019.04.022. МАРУСЕНКО М.А. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: Институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. – 288 с.

Ключевые слова: языковая политика; языковое планирование; языковое разнообразие; языковая ситуация; языковой режим; официальный язык; региональный язык; миноритарный язык; вес языка; экономика языка; пананглийский язык.

Михаил Александрович Марусенко¹ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Санкт-Петербургского университета, специалист в области романского языкознания, социолингвистики, языковой политики и языкового строительства².

¹ См. реферат: Трошина Н.Н. [реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2019. – № 4. – Реф. кн.: Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: Языковые последствия глобализации. – М.: ВКН, 2015. – 496 с.

² Автор работ: Квебекский язык: Le Québécois. – СПб., 2006. – 200 с.; Франкофония Северной Америки. – СПб., 2007. – Т. 1. – 353 с.; Т. 2. – 290 с.; Язы-

Книга посвящена изменениям в мировой системе языков, связанным с сокращением языкового разнообразия, и реакции на этот процесс со стороны Европейского союза, который декларирует создание многоязычной европейской идентичности. Указанный процесс протекает как потеря целых сфер употребления национальных языков, т.е. выдавливания их английским языком, прежде всего из сфер образования и науки.

Монография состоит из шести глав.

В главе первой «Что такое языковая политика?» этот феномен определяется как «систематические рациональные меры, основанные на теоретическом анализе, применяемые ко всему обществу и направленные на решение языковых проблем с целью повышения всеобщего благоденствия. Руководство языковой политикой осуществляют государственные власти или их уполномоченные; она касается всего населения, находящегося под их юрисдикцией, или какой-либо его части» [с. 7–8]. Языковая политика осуществляется путем обязательного языкового планирования, т.е. «процесса принятия решений о том, какие языки будут преподаваться или изучаться, кем и с какими целями» [с. 9].

Подчеркивая, что демократическая языковая политика может играть ключевую роль в участии граждан в политической жизни, автор указывает на следующие недемократические аспекты поведения современных европейских институтов: 1) граждане должны знать английский язык (иногда французский, реже – немецкий), чтобы иметь доступ к европейским программам по изучению языков; 2) многие важные европейские документы доступны только на нескольких языках из большого набора официальных; 3) некоторые учреждения ЕС не принимают заявления о приеме на работу на немецком языке (одном из главных официальных языков); 4) официальная газета ЕС «Innovation & Technical Transfer» выходит только на английском языке, маргинализируя, таким образом, другие языки; 5) в объявлениях о вакансиях часто требуется безупречное знание английского языка (на уровне родного).

Большое внимание автор уделяет соотношению понятий «язык», «нация» и «государство», так как языковые проблемы сильно политизировались, что приводило в различные периоды к различным результатам. «В период премодернистской¹ и модернистской языковой политики язык выполнял роль средства коммуникации и символа коллективной идентичности, в постмодернистской языковой политике ему отведена роль, главным образом, символа идентичности» [с. 12].

Автор называет три типа отношений между языком, нацией и государством: 1) государство → язык и нация (западноевропейские страны, а также Япония, Таиланд, Китай, Турция, Иран, Эфиопия); 2) язык → нация → государство (Германия, Италия, Словакия, Словения, Латвия, Эстония, Финляндия, Албания); 3) нация → язык и государство (Израиль).

Языковая политика осуществляется по трем основным направлениям: расширение корпуса языка (включая стандартизацию), повышение статуса языка, распространение изучения языка. Особое значение языковая политика получила в Европе в XIX в., так как, являясь составной частью обширного социально-экономического и политического проекта по модернизации и строительству национальных государств, выполняла три взаимосвязанные задачи – создание национальной идентичности, распространение грамотности и облегчение коммуникации. В постмодернистский период возникли новые проблемы в языковой политике, вызванные распространением грамотности на «неправильном» языке (например, на испанском вместо каталанского или баскского, русском вместо украинского или белорусского), когда вновь созданные государства и этнические или националистические движения проводили языковую политику с целью перестройки национальной идентичности, новой ликвидации неграмотности (с учетом смены языков), восстановления коммуникации (в результате смены языков). Поскольку прежнее языковое образование открывало дорогу к экономическому и

¹ «Согласно распространенной на Западе теории история человечества делится на три периода: премодерн, модерн и постмодерн. Каждому периоду соответствуют различные формы социальной и экономической организации, различные ценности и различные представления о характере грядущих перемен. Происходящие сейчас изменения в отношениях между языками могут свидетельствовать о закате эры модерна» [с. 246]. – *Прим. реф.*

социальному росту, новая языковая политика вызывает недовольство не только у «аутсайдеров», не владеющих местным языком, но и у «кинсайдеров», предпочитающих более сильный внешний язык слабому местному.

Однако старые государства имеют также большие проблемы с применением традиционной политики языковой интеграции иммигрантов, сталкиваясь с тремя типами препятствий: 1) приматом человеческих прав (в частности, языковых¹); 2) свободным рынком СМИ (появился спрос – и, соответственно, предложение – на материалы на языках иммигрантов); 3) новыми информационно-коммуникационными технологиями (они напрямую связывают иммигрантов с их родными странами и поэтому снижают необходимость и вероятность их контактов с языком принимающей стороны).

Различаются следующие типы языковых ситуаций в эпоху постмодерна: 1) неустойчивый билингвизм (например, в Уэльсе – валлийский и английский, в Стране басков – баскский и испанский); 2) принудительная смена языков (например, в Латвии и Эстонии); 3) «декоративный национальный язык, или языковой символизм» [с. 19] (например, в Ирландии); 4) поднятие диалектов (часто именуемых региональными языками) до языков (например, астурийского в Испании или кашубского в Польше)²; 5) возрождение языка (например, корнуоллский в Соединенном Королевстве и мэнский на о-ве Мэн); 6) эволюция языковых политик в отношении иммигрантов: культурная и языковая ассимиляция, гражданская аккультурация и многоязычие, невмешательство (иммигранты могут изучать местный язык или сохранять свой родной).

Называются два «полюса управления многоязычием, в интервале между которыми располагаются различные варианты национальных языковых политик [с. 28]: 1) функционально многоязычная, демократическая, экологическая языковая политика (основывается на применении формулы «три и более языков»); 2) дискриминационная, гегемоническая, иерархическая языковая

¹ «Язык может рассматриваться как элемент рыночных отношений и в аспекте прав человека, т.е. быть объектом “защиты для всех языковых сообществ”» [с. 29].

² Единственным успешным случаем в Европе является люксембургский (Lëtzebuergesch) [с. 20].

политика (ведет к маргинализации миноритарных языков, создает четкую иерархию официальных языков).

В главе второй «Языковой режим Европейского союза» ЕС характеризуется как политическая и юридическая организация *sui generis* (единственная в своем роде), основанная на принципе равенства всех своих 24-х официальных языков. Этим Евросоюз отличается от других международных организаций, признающих ограниченное число официальных языков.

Главная особенность языкового режима ЕС заключается в том, что он принимает юридически обязывающие документы, которые должны быть опубликованы на всех официальных языках ЕС. «Европейское право впоследствии трансформируется в национальное законодательство и становится, таким образом, непосредственно применимым ко всем гражданам Европы» [с. 32]. Этим определяется официальная цель языковой политики ЕС – формирование европейского институционального, т.е. властного дискурса как «системы способов означивания, интерпретаций, оценок, позиционирования и идентификации общественных субъектов, отношений и объектов реальности, которые закрепляются и легитимируются социальными институтами» [с. 33]. В плане языковой политики одной из главных задач анализа институционального дискурса является изучение механизма сложных взаимодействий между общественным институтом (ЕС) и другими коммуникантами (правительств и представителей государств-членов, а также граждан ЕС).

Различаются два этапа в истории формирования языкового режима ЕС: начальный (с 1957 г. и до расширения в 2004 г.) и современный (после расширения в 2004, 2007 и 2013 гг.). ЕС, в отличие от других международных организаций инициировал введение жестких правовых норм, обязательных для государств и для граждан ЕС, что оправдано существованием расширяющегося языкового режима.

Кратко характеризуются юридические документы ЕС, принятые в названные этапы, в плане отношения к языковой проблеме: 1) Договор об образовании Европейского сообщества угля и стали 1951 г., Договор об образовании Европейских сообществ 1957 г., Римский договор 1957 г., Маастрихтский договор 1992 г., Амстердамский договор 1999 г., регламент № 1/58 от 15 апреля 1958 г. об

утверждении языкового режима ЕС, Хартия основных прав ЕС 2000 г. и т.д.; 2) статьи IV-448, I-10, II-101, III-128, III-433 Европейской конституции.

Отмечая доминирование английского языка во многих сферах, А.М. Марусенко разделяет факторы этого процесса на структурные (использование английского языка в глобальной экономике, финансовой сфере, военно-промышленном комплексе; инвестиции Великобритании и США в преподавание английского в образовательных системах европейских стран) и идеологические (престиж английского, распространяемый СМИ; поп- и элитарная культура, ассоциации с успешностью и т.д.), автор соглашается с точкой зрения П. Бурдьё, которого цитирует: «'Глобализация' употребляется как кодовое слово, тогда как на самом деле она является придающей легитимность маской, за которой стоит политика, направленная на придание всемирного характера частным интересам и определенным традициям экономически и политически доминирующих сил, прежде всего США, распространение на весь мир экономической и культурной модели, максимально благоприятной для этих сил и представляемой одновременно как норма, как необходимость, как неизбежность, как предназначение судьбы и, в конце концов, как всеобщая покорность»¹. Англизация – всего лишь следствие всеобщей американизации и глобализации. Признание американско-английского языка представляющим опасность для языков и культур стран – членов ЕС привело к формулированию и синхронизации языковой политики на наднациональном уровне. Со второй половины 1990-х годов руководство ЕС стало обращать больше внимания на сферы образования, языка и культуры, выполняя решения Совета Европы и предусматривая сдерживание чрезмерного использования английского языка в системе образования и в обществе в целом.

Кратко описываются языковой режим других международных организаций (Совета Европы, ООН, Европарламента, Еврокомиссии).

Существует единственный документ, специально посвященный защите и поддержке региональных и миноритарных языков

¹ Bourdieu P. Contre-feux 2: Pour un mouvement social européen. – P., 2001. – P. 84.

Европы – «Европейская Хартия региональных или миноритарных языков», принятая в 1992 г. Из 47 государств – членов Совета Европы до настоящего времени Хартию

ратифицировали и подписали: Австрия, Армения, Босния и Герцоговина, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Испания, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Финляндия, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция;

подписали, но не ратифицировали: Азербайджан, Исландия, Италия, Македония, Мальта, Молдавия, Россия, Франция;

не подписали: Албания, Андорра, Бельгия, Болгария, Греция, Грузия, Ирландия, Латвия, Литва, Монако, Португалия, Сан-Марино, Турция, Эстония.

Анализ практик применения Хартии в разных странах приводит М.А. Марусенко к следующему выводу: «Государства стараются избегать риторики языковых прав и формулировать языковые законодательства при помощи только ‘объективных’ терминов, но не могут избежать ситуации, в которой законодательные стандарты, разработанные для РМЯ (региональных и миноритарных языков. – *Н. Т.*) воспринимаются как языковые права и используются миноритарными сообществами как инструмент расширения своих возможностей по отношению к государству» [с. 70–71].

В главе третьей «Многоязычие: Миф или реальность» называются три направления, выделенные Еврокомиссией (2005) в области многоязычия: поддержка изучения языков, развитие здоровой многоязычной экономики и обеспечение для всех граждан ЕС доступа к европейским законодательству, процедурам и информации на родном языке. В главе описываются реалии европейского многоязычия и политика ЕС по обучению языкам (модель «1+2»; отношение к английскому языку).

М.А. Марусенко использует понятие «экономическая рента англоязычных стран» [с. 97], прежде всего США: «Так же, как двойной статус доллара – в качестве платежного средства и международной резервной валюты – позволяет США жить за счет остальной части планеты, владение гиперцентральным языком обеспечивает им огромную необоснованную ренту. Эта рента имеет, прежде всего, идеологический характер, потому что побуждает большинство мировых элит, составляющих наднациональную про-

американскую партию, соблюдать верность языку хозяев, понятиям, которые формулируются на нем, и мировоззрению, распространяемому с его помощью» [с. 97]. Таким образом, англофоны получают необоснованную прибыль от использования английского языка в качестве *lingua franca*, а неанглофоны вынуждены нести несправедливые затраты времени и ресурсов на изучение английского, а также убытки из-за того, что они владеют английским не так хорошо, как англофоны по рождению.

Заканчивается глава выводом, что «языковые права человека в системе образования ничем не защищены» [с. 109].

Образовательной политике в странах ЕС посвящена глава четвертая «Изучение и преподавание иностранных языков как вид государственной политики: Переход от волонтаристских стратегий к стратегиям количественно-рационального выбора». В основе этого выбора лежит понятие «вес языка» [с. 130], отражающее меру влияния языка на общение людей, что определяется не только числом его носителей, но индексом человеческого развития в странах этого языка, степенью его присутствия в Интернете.

В главе пятой «Экономические аспекты языковой политики» сообщается, что объем рынка изучения иностранных языков в ЕС составляет около 60 млрд евро в год. «Если учесть также время, затраченное на изучение иностранных языков, и перевести его в денежное выражение (на основе средней оплаты труда в ЕС = 22,80 евро в час), получим сумму в 210 млрд евро в год» [с. 139].

Экономика языка характеризуется как научная дисциплина, изучающая следующие вопросы: 1) язык и доход (влияние языковых компетенций на оплату труда); 2) динамические процессы в языке (процессы упадка или распространения языков, мотивация носителей к изучению или неизучению языка, расчеты стоимости и рентабельности такого выбора); 3) язык и экономическая активность (эффективность производства зависит, в частности, от выбора и номенклатуры языков, используемых компанией); 4) экономическая оценка рентабельности языковой политики.

В главе шестой «Глобальный английский» анализируется будущее европейской системы языков с учетом нового языкового феномена, связанного с глобализацией, – «пананглийского языка» [с. 207]. Рассматриваются исторические условия распространения английского языка и современный этап его бытования. Единствен-

ным теоретически возможным конкурентом английскому языку мог бы быть французский, но и «его использование в качестве международного языка полностью не прекращается только потому, что ему присуще одно *отрицательное качество* (курсив автора. – Н. Т.), особенно важное для европейцев, – это не английский язык» [с. 213]. На международных форумах французский язык демонстрирует хоть какое-то языковое разнообразие.

Выделяются глобальные тренды, т.е. факторы, оказывающие влияние на будущее английского языка: 1) демографические тренды; 2) миграция; 3) урбанизация; 4) экономические тренды: международный бизнес, технологический прогресс; инженерная лингвистика (программы для обработки естественных языков: синтаксические анализаторы, поисковые платформы программы для распознавания речи и автоматического перевода и т.д.); 5) глобальная торговля; б) глобализация высшего образования и т.д.

Отмечается, что в ближайшие 50 лет конкурентами английского языка в функции *lingua franca* могут стать другие языки, но «в XXI в. ни один язык не будет занимать того монопольного положения, которое английский занимал в конце XX века. Скорее всего, малое число мировых языков образуют *олигополию* (курсив автора. – Н. Т.), в которой каждый из них будет иметь свои сферы влияния и региональные базы» [с. 244]. С точки зрения объемов международной торговли, миграционных потоков и коммуникаций между соседними странами страны Азии и Латинской Америки становятся более значительными, чем страны Европы и Северной Америки. Поэтому языки, обслуживающие региональную коммуникацию, будут повышать свои рейтинги.

Н.Н. Трошина

2019.04.023. ПИРОГОВА Н.К. КОНСОНАНТИЗМ РУССКОГО ЯЗЫКА: (Фонемный состав, синтагматика, парадигматика): Монография. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 184 с.

Ключевые слова: русский язык; фонетика; фонемный состав; консонантизм; синтагматика; парадигматика.

Данная монография была написана в 1985–1990-х годах в качестве продолжения ранее изданной работы «Вокализм современного русского литературного языка: (Синтагматика и парадигмати-

ка)»¹. Книга включает в себя предисловие, введение, три раздела («Некоторые общие проблемы консонантизма» (семь глав), «Периферийные согласные» (две главы) и «Центральные согласные» (четыре главы)) и заключение.

Автор книги стремился решить важнейшую задачу: по возможности дать цельное описание русского консонантизма, отличающееся определенным концептуальным единством, вскрыв некоторые новые аспекты исследования объекта. К числу новых аспектов изучения звукового строя русского языка Н.К. Пирогова относит следующее: проблематику фонемного состава; выявление конкретных синтагматических структур, в рамках которых велось исследование дистрибуции фонетических единиц; построение сложной иерархии парадигматических моделей; исследование аллофонической структуры русских фонем; некоторый пересмотр соотношения роли вокализма и консонантизма в фонетической системе современного русского языка.

Исследование выполнено с теоретической позиции Московской фонологической школы (МФШ). Автор ставил своей задачей развитие трех основных положений данного лингвистического направления: во-первых, учения о фонеме и ее парадигматическом содержании; во-вторых, учения о позиции и, таким образом, о нейтрализации; в-третьих, учения о вариантах и вариациях как основных единицах аллофонической структуры фонемы.

Автор предпринял попытку обосновать три эмические единицы для фонетической системы русского языка. Подобная попытка абсолютно не выводит исследование за рамки учения МФШ, так как в МФШ отсутствует единое суждение относительно количества фонологических единиц (см., например, у П.С. Кузнецова – фонема и дифференциальный признак; у Р.И. Аванесова – фонема и фонемный ряд; у М.В. Панова – синтагмофонема, субфонема и парадигмофонема; у А.А. Реформатского – фонема и гиперфонема). В традиции МФШ отсутствует обязательная установка на то, что единица только одна, и эта единица – фонема.

В первом разделе автор пришел к следующим основным видам. Для консонантизма характерны, с одной стороны, пропор-

¹ Пирогова Н.К. Вокализм современного русского литературного языка: (Синтагматика и парадигматика). – М., 1979. – 104 с.

циональность корреляций по глухости-звонкости и твердости-мягкости, и с другой – преобладающая автономность коррелятивных связей по локальным классам. Данные явления абсолютно не свойственны вокализму, где отсутствует и пропорциональность нейтрализаций, и «классовая» замкнутость этих нейтрализаций.

Фонетико-стилистическую дифференциацию русского литературного языка создают именно варианты и вариации фонем. В книге исследование консонантизма проводилось автором по следующей классификационной схеме: I. Суперкласс – периферийные согласные. Классы: 1) губные согласные и 2) заднеязычные согласные. II. Суперкласс – центральные согласные. Классы: 1) шумные зубные единицы, 2) аффрикаты, 3) шипящие, 4) переднеязычные сонорные согласные.

Исследование класса губных согласных показало, что они обладают более интересной синтагматической структурой и менее интересной парадигматикой. Ось сочетаемости характеризуется своеобразной сочетаемостью с гласными, много проблем возникает в области сочетаемости губных с другими согласными. В то же время парадигматическая ось отличается тем, что сеть аллофонического варьирования достаточно бедна, коррелятивные узлы предстают несложными. Конфигурация дисперсионных полей губных фонем также очень проста и необъемна.

Заднеязычные согласные еще в большей степени, чем губные, сохраняют многие древние черты. В плане синтагматических отношений наиболее показательны сочетаемость с гласными и функционирование заднеязычных в качестве второго компонента консонантных сочетаний.

Парадигматика заднеязычных достаточно прозрачна – в этом отношении автор также констатирует большой параллелизм с губными согласными. Многочисленные коррелятивные узлы отсутствуют. Нейтрализуется только признак глухости-звонкости и то не у всех единиц данного класса; модели нейтрализации очень просты.

В третьем разделе суперкласс центральных фонем подразделяется на классы по функциональной общности единиц. Следовательно, выделяются следующие классы: 1) зубные шумные, 2) аффрикаты, 3) шипящие, 4) переднеязычные сонанты, 5) фонема <j>.

Различные классы центрального суперкласса значительно отличаются друг от друга типологией аллофонической структуры.

Аллофоническая структура шумных зубных характеризуется большим разнообразием, которое адекватно отражает многообразие коррелятивных связей этих единиц.

Статистический анализ материала помог автору установить некоторые закономерности:

- частотность звуков обратно пропорциональна их информативной нагрузке;
- для текстов различных жанров и стилей характерна количественная устойчивость звуков;
- важный факт в процессе анализа категории твердости-мягкости – мягких согласных в несколько раз меньше, чем твердых;
- глухих согласных почти в 2 раза больше, чем звонких;
- наиболее частотными единицами являются [н], [т], [р]; наименее частотны – [ш':], [ж':], [х']. Частотность последних двух единиц почти отсутствует;
- статистический анализ звуковых единиц помогает определить их действительное место в фонетической системе языка и глубже проникнуть в перспективы динамики как самих единиц, так и их категориальных свойств.

В заключении Н.К. Пирогова приходит к следующему основному выводу: в русском языке гласные обладают более совершенной коррелятивной структурой, чем согласные. Вокалические коррелятивные узлы сложнее и разветвленные консонантических. В системе вокализма отмечается тенденция к пятичленной корреляции, в то время как в сфере консонантизма преобладает парная корреляция звуковых единиц. В вокалической системе все элементы в той или иной степени задействованы в коррелятивные отношения, среди же согласных остается – и притом последовательно и устойчиво – много некоррелирующих единиц, не игравших роли в динамике системы.

В.В. Потапов

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА¹

Алабаш С. 04.010
Бабушкин А.П. 04.001
Берестнев Г.И. 04.007
Борисова Е.Б. 04.016
Величко А.В. 04.019
Грязнова А.Т. 04.012
Гусейнова И.А. 04.008
Киреева Я.А. 04.007
Комалова Л.Р. 04.009, 04.011, 04.015
Косиченко Е.Ф. 04.008
Майлс С. 04.010
Марусенко М.А. 04.021–022
Международная научно-практическая
конференция памяти Юрия
Николаевича Марчука 04.006

Минасян А.А. 04.004
Опарина Е.О. 04.014, 04.017
Пирогова Н.К. 04.023
Попова Е.П. 04.013
Стернин И.А. 04.001
Уфимцева Н.В. 04.002–003
Чагина О.В. 04.018
Черкасова Г.А. 04.002–003
Яковлева Э.Б. 04.005, 04.020
Янг Р. 04.010
Alhabash S. 04.010
Miles S. 04.010
Young R. 04.010

Составитель: *Л.Р. Комалова*

¹ В номерах рефератов алфавитного и предметного указателей год издания РЖ (2019) опущен.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 1–4)

- Автоматический анализ речи 03.019
Автоматический анализ текста
02.023
Автоматический перевод 04.006,
04.011
Адекватность перевода 03.031
Акустическая фонетика 01.020,
02.008
Акцентно-интонационная система
03.023
Акцентология 04.005
Английский язык 02.023
– лексикология историческая 04.013
– неологизмы 03.016
– социолингвистические
исследования 01.011, 04.005, 04.022
– стилистика 01.015
– фонетика 01.020
– фразеология 01.021, 04.014
Английский язык (канадский)
04.005
Андерсен Г.Х.
– переводы 01.008
Аннотирование 03.018, 03.019
Артикуляторная фонетика 03.014,
03.021
Ассоциативный эксперимент 01.004,
02.004, 02.005, 04.002
- Балканский языковой союз 02.020
Библия
– переводы 03.029, 03.030, 03.031
- Билингвизм 01.005, 01.011, 02.006,
02.019
Брексит 04.015
Булгаков М.А.
– переводы 01.009
Былины русские 03.003
- Вариантность 01.011, 04.005
Вежливости форма 03.028
Внутренний перевод 01.007
Восприятие речи 02.016
Восприятие текста 02.003, 02.012,
02.013
- Гендерные исследования 01.020,
03.009
Герменевтика 01.009, 01.010
Гипертекст 02.013, 03.015
Глобализация и язык 03.008, 04.021
Говорящий 01.002, 03.007
Голландский язык
– памятники 03.001
- Детективная литература 04.008
Детская речь 01.004
Диахрония 02.010
Дискурс 01.004, 01.012, 01.013,
02.005, 02.010, 02.011, 02.013,
04.008, 04.017
Дискурс политический 02.005
Дискурсивный анализ 02.001

- Естественный язык 04.013
- Жанры 01.013, 04.008
- Житийная литература и фольклор 02.014
- Заимствование 02.019
- Замятин Е.И.
– язык и стиль 04.017
- Знак 01.001
- Идентичность культурная 03.016, 04.019
- Идентичность этническая 02.004, 04.005
- Идиоматика 02.018
- Инакость 01.012
- Инкорпорация 01.014
- Иностранные языки
– преподавание в высшей школе 03.012
– психология овладения 03.011
- Интернет 02.015
– язык и стиль 01.022, 02.005
- Интернет и дети 04.010
- Интерпретация литературного произведения 02.005, 02.013
- Интертекстуальность 02.013
- Интерференция 01.005, 03.011, 03.013
- Инференция 02.002, 04.007
- Информационная структура текста 02.002, 02.012
- Информация 03.024
- Иранские языки 02.020
- Историческая семантика 03.002
- Итальянский язык
– грамматика историческая 02.021
- Картина мира художественная 03.015
- Картина мира этническая 02.004
- Картина мира языковая 01.003, 01.014, 01.017, 01.018, 02.005, 02.013, 02.017, 03.002, 04.012
- Каталанский язык
– социолингвистические исследования 01.005, 02.022
- Кинг С.
– язык и стиль 03.005
- Кинесика 02.016
- Классификация языков 01.002
- Книги старопечатные 03.001
- Когнитивная лингвистика 01.012, 01.014, 02.002, 02.011, 03.006, 03.011, 04.001
- Когнитивная психология 01.018, 04.007
- Код и сообщение 01.001
- Комикс 03.004
- Коммуникативная стратегия 01.017, 02.011, 03.007, 04.010
- Коммуникативный подход 01.012
- Коммуникация межкультурная 01.007, 01.008, 01.017, 03.010
- Компрессия текста 01.021
- Компьютерная лингвистика 02.015
- Коннотация 03.025
- Консонантизм 04.023
- Контаминация 01.022
- Контекст 02.013, 04.008
- Контрастивный анализ 02.020
- Концепт 01.014, 01.015, 01.016, 02.019, 03.002, 03.003, 04.001, 04.015
- Корпоративная культура 02.011
- Корпусная лингвистика 01.020, 02.010, 02.015, 02.023, 03.018, 04.011
- Крылатые слова 04.014
- Культура 01.016
- Культура речи 02.017, 04.018, 04.019
- Культурные связи 03.010
- Лексикализация 01.014
- Лексикология историческая 03.003
- Лексическая лакуна 01.010, 04.016
- Лексическая семантика 03.024,

- 03.025, 03.026
 Летописи русские 03.002
 Лингвистическая стилистика 04.012, 04.017
 Лингвистические категории 03.006
 Лингвокультурология 01.016, 01.017, 02.019, 04.012
 Литература и фольклор 02.014
 Литературный образ 04.016
 Литературный язык 04.019
 Локализмы 04.020
- Марчук Ю.Н. 04.006
 Метатекст 03.020
 Метафора 01.015, 03.005, 03.006, 04.007
 Метонимия 04.007
 Миграционная политика 04.009
 Миграция населения
 – Германия фед. респ. 03.026
 Миграция населения
 международная 04.009
 Многоязычие 03.011
 Мультикультурализм 01.005
- Нарратология 02.001
 Научная информация 02.003
 Научная парадигма 02.001
 Национальная культура 01.007, 01.008, 01.017
 Нейрофизиология 02.016
 Немецкий язык
 – лексикология 03.026
 – разговорная речь 03.004
 – социолингвистические исследования 02.007
 Неологизмы 01.022, 04.015
 Новиков А.И. 02.002
 Номинация 01.022
- Обращение 02.006
 Одушевленность 03.022
 Окказионализмы 01.022
 Оппозиция 01.012
- Оценка 03.025
- Парадигматика 04.023
 Паралингвистика 01.017
 Паремология 01.013, 01.021, 02.014, 04.014
 Перевод 01.007, 03.031
 Переводчик 01.006
 Переключение кода 02.006, 02.016
 Пища 04.018
 Полевая лингвистика 01.002
 Полисемия 04.011
 Польский язык
 – социолингвистические исследования 03.008
 Понимание 03.007
 Понимание текста 02.002, 02.005, 03.015
 Понятие 01.001, 01.003, 02.003
 Прагмалингвистика 03.004
 Праздники 02.003
 Префиксальное словообразование 03.017
 Прецедентный текст 04.014
 Произношение 03.013
 Пророчества 04.007
 Просодика 01.019, 02.008, 03.013
 Просторечие 04.017
 Психолингвистика 04.001
 Психолингвистика развития 01.004
 Психолингвистический эксперимент 01.004, 02.004
 Психология творчества 03.020
 Психология текста 02.003
 Психосоциолингвистика 04.004
 Пуризм 02.001
- Распознавание речи 03.014, 03.019
 Региональная культура
 – Оренбургская обл. 02.017
 Реклама
 – язык и стиль 02.009, 02.012
 Репрезентация 02.003
 Речевое поведение 02.006

- Речевые акты 01.017
 Рильке Р.М.
 – переводы 01.010
 Ритм 01.019, 01.020
 Рукописи немецкие 03.001
 Русская поэзия 03.020
 Русский язык
 – гидронимика 01.023
 – диалектология 03.027, 04.020
 – интонация 01.019
 – лексикология 03.017, 03.024, 04.018
 – неологизмы 03.020
 – памятники 03.002
 – словообразование 01.022
 – социолингвистические исследования 03.010
 – стилистика 01.015
 – ударение 01.019
 – фонетика 04.023
 – фразеология 04.014
- Сегментация речи 03.021
 Семантика 04.001
 Семантический анализ текста 03.015
 Семантического дифференциала метод 01.004
 Семантическое изменение 03.025
 Семантическое словообразование 03.022
 Семиозис 01.001
 Семиотика искусства 01.001
 Семиотика культуры 01.001, 02.013
 Семиотика литературы 04.008
 Семиотический метод 01.001
 Сигнификация 01.001
 Синтаксис семантический 03.023
 Синтагматика 04.023
 Славянские языки 02.020
 – грамматика 03.028
 Слушающий 01.002
 Смеховая культура в Интернете 02.014
 Смысл 02.002, 03.007
- Сопоставительный метод 04.011
 Социальная дифференциация языка 02.011, 03.009
 Социально-коммуникативная система 04.009
 Социальные диалекты 01.008
 Социальные сети
 – проявление агрессии 04.010
 Социальные функции языка 03.009
 Социокультурная компетенция 01.006
 Социолингвистика 04.004
 – методы исследования 03.009
 Спектрографический анализ 03.014
 Спонтанная речь 01.013
 Сравнение 03.005
 Сравнительно-исторический метод 02.020
 Средства массовой информации и общество 04.009
 Стилистика текста 02.013, 02.018
 Стихотворная речь 03.020
 Суффиксация 03.022
- Творчество 01.016
 Текст 02.002
 Тема природы 04.016
 Терминология 02.019
 Топонимика
 – Оренбургская обл. 02.017
 Тоталитаризм 02.001
 Транспозиция 01.008
- Ударение 01.020
 Урду язык 02.023
 Устная речь 03.007
- Философия языка 01.002, 01.003, 01.012, 03.006
 Фокус 02.008
 Фольклорные жанры 02.014
 Фразеологическая единица 01.018, 04.014
 Фразеология 02.018

- Фразовое ударение 03.023
 Французский язык
 – лексикология 03.026
 Фреймовая семантика 01.014, 01.015
 Функции языка 01.003
- Христианская литература
 средневековая 03.001
 Художественный перевод 01.006,
 01.008, 01.009, 01.010, 04.016
- Цветообозначения 02.005
 Цивилизация 01.016
- Частота основного тона 01.020,
 02.008, 03.014
 Частушки русские 02.014
- Эвенский язык 04.020
 Эвфемизмы 01.013
 Эквивалентность 03.031, 04.016
 Эколингвистика 02.019, 04.021
 Экспериментальная
 нейролингвистика 02.016
 Экспериментальная психосемантика
 03.007
 Экспериментальная фонетика
 01.020, 02.008, 03.013, 03.021
 Эллипсис 02.023
 Эпическая поэзия исландская 03.003
 Эстетическая функция языка 04.016
 Этнонимика 04.020
 Этнопсихоллингвистика 01.018,
 02.004, 04.002, 04.003
 Этносоциоллингвистика 01.005
- Язык 01.003
 Язык и культура 01.016, 02.012,
 04.002, 04.007
 Язык и общество 03.026, 04.013,
 04.021
 Язык и политика 01.013, 01.015,
 02.001, 02.006, 04.015
 Язык науки 01.013
- Язык политики 03.016
 Язык права 04.013
 Язык религии 03.029, 03.030
 Язык средств массовой информации
 01.013, 01.015, 02.009
 Язык художественной литературы
 04.012, 04.017
 Языки мира 04.022
 Языки национальных меньшинств
 04.021
 Языковая игра 02.009, 03.005,
 04.014, 04.015, 04.017
 Языковая компетенция 02.018
 Языковая конфликтность 02.006
 Языковая личность 01.016, 01.018,
 03.016
 Языковая норма 02.009, 04.018,
 04.019
 Языковая политика 04.015, 04.021
 – Германия фед. респ. 02.007
 – ЕС страны 04.022
 – Сингапур 03.010
 Языковая система 03.006
 Языковая ситуация 04.022
 – европейские страны 04.004
 – Испания 02.022
 – латиноамериканские страны
 03.010
 – Мексика 02.022
 – США 01.005
 Языковое сознание 01.018, 02.004,
 04.002
 Языковой знак 04.001
 Языковые единицы 01.002
 Языковые контакты 01.011, 02.006,
 03.008, 03.010, 03.011
 Языкознание
 – история 01.002
 Языкознание в тоталитарном
 обществе 02.001
 Японский язык
 – социоллингвистические
 исследования 02.006
- Составитель: Л.А. Первезенцева

Уважаемые читатели!

В настоящее время вышли в свет:

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии; Ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2019. – **№ 1 (36): Культурный ландшафт = Cultural landscape** / Ред.-сост. вып. Лавренова О.А.; Отв. ред. Кулешова О.В. – 222 с. DOI: 10.31249/chel/2019.01.00

Описывается современное состояние и перспективы развития междисциплинарной концепции культурного ландшафта. История исследований в России свидетельствует о тесной взаимосвязи концепции с идеологическими и социальными процессами, происходящими в стране. Концепция культурного ландшафта сыграла важную роль в преодолении «бесчеловечности» советской географии и, наоборот, во многом обусловила «пространственный поворот» в гуманитарном знании. Потенциал междисциплинарного взаимодействия наук о Земле и наук о человеке в рамках концепции «культурного ландшафта» проявился при комплексном изучении городов, сельской местности, в этно- и лингвокультурной проблематике. Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2019. – **№ 2 (37): Семантика русскости = Semantics of Russianess** / Отв. ред. Комалова Л.Р., Трегубова Д.Д. – 212 с. DOI: 10.31249/chel/2019.02.00

Рассматривается вопрос о содержательном наполнении номинаций «русский» / «российский» в аспекте междисциплинарности. Исследуются культурологическая и религиозная основы самоидентификации россиян, ценностные трансформации в образе России, исторический аспект формирования концепта «русскость».

Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; Ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2019. – № 3 (38): **Человек во времени и пространстве культуры = Human being in time and space areas of culture** / Отв. ред. Лозинская Е.В., ред.-сост. вып. Лозинская Е.В. – 273 с. DOI: 10.31249/chel/2019.03.00

В статьях выпуска рассматриваются пространственно-временные аспекты культурных явлений и смысловое наполнение пространственно-временных категорий и образов в различные эпохи, методы изображения пространства и времени в литературе и искусстве, восприятие человеком себя и мира в рамках конкретных хронотопов. Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Реферативный журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2019 № 4

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 19.09.2019

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ. л. 11,175

Тираж 300 экз.

(1–150 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 9,0

Заказ № 110

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,
д. 88 литера У

